

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 7 (188) июль 2026

В НОМЕРЕ:

Степкин С. П.

Обращения граждан к Президенту
Российской Федерации в ходе прямых линий:
конституционно-правовая природа
и проблемы правового регулирования

Кисленко С. Л.

Дистанционное мошенничество с недвижимостью:
современная социальная угроза
и векторы противодействия

Халиков А. Н.

Проблемы правовой основы международного
взаимодействия для выявления и расследования
преступлений, совершаемых с использованием
информационно-коммуникационных технологий

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 21 № 7 (188) ИЮЛЬ 2026

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Александра Сергеевна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (2003–2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.

Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии, судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельце (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Жеромского, д. 5, г. Кельце, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 21.08.2026
Объем 24,76 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published as a mass media outlet since 2006

Vol. 21 № 7 (188) JULY 2026

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Alexandra S. KRASNOPOLSKAYA — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003–2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

21.08.2026
Volume: 24.76 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Степкин С. П.** Обращения граждан к Президенту Российской Федерации
в ходе прямых линий: конституционно-правовая природа
и проблемы правового регулирования 11

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Барановский И. П.** Двойная административная ответственность
индивидуальных предпринимателей за нарушения
в сфере пассажирских перевозок 19

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Аксентьев А. А.** Подходы к правовой квалификации операций по приобретению
и продаже собственных акций (долей) в целях налогообложения прибыли 30

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Подузова Е. Б.** Причинение вреда в результате использования
искусственного интеллекта: проблемы теории и правоприменения 46
- Кораев К. Б.** Юридическая ответственность как правовое состояние:
новая теоретическая модель и ее практическая значимость 57

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Гильманова В. И.** Особенности определения предмета доказывания
в делах о признании и приведении в исполнение иностранных решений 67

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

- Ванин Н. В.** Запрет на насилие в детско-юношеском спорте:
пробелы правового регулирования и способы их преодоления 78

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Антонченко В. В.** Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве 86

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Кисленко С. Л.** Дистанционное мошенничество с недвижимостью:
современная социальная угроза и векторы противодействия 96
- Боков Д. К.** Вовлечение в совершение преступлений террористического характера
и публичные призывы к террористической деятельности: проблемы разграничения . . . 109

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Халиков А. Н.** Проблемы правовой основы международного взаимодействия
для выявления и расследования преступлений, совершаемых
с использованием информационно-коммуникационных технологий 122

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Бочарова А. М.** Применение Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 года к арбитражным соглашениям, заключенным с помощью современных средств коммуникации 135

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Поярков С. Ю.** Конституционный протекционизм и адаптивный конституционализм в условиях цифровизации: диалектика взаимодействия, противоречия и перспективы развития 144
- Вечорко В. В.** Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в Российской Федерации, США и ФРГ 161

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Гершиноква Д. А.** Климатические проекты как инструмент углеродного регулирования 175

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Долгиев А. А.** Антикоррупционные иски прокурора: соотношение частного и публичного интереса 186

Contents

STATE AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Stepkin S. P.** Citizens' Appeals to the President of the Russian Federation during Direct Line Broadcasts: Constitutional and Legal Nature and Problems of Legal Regulation 11

STATE ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Baranovskiy I. P.** Dual Administrative Liability of Individual Entrepreneurs for Violations in the Field of Passenger Transportation 19

FINANCIAL LAW

- Aksentyev A. A.** Approaches to the Legal Characterization of Transactions Involving the Acquisition and Sale of Treasury Shares (Equity Interests) for Corporate Income Tax Purposes 30

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

- Poduzova E. B.** Causing Harm Through the Use of Artificial Intelligence: Problems of Legal Theory and Law Enforcement Practice 46
- Koraev K. B.** Legal Liability as a Legal State: A New Theoretical Model and Its Practical Significance 57

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS

- Gilmanova V. I.** Specific Features of Determining the Subject Matter of Proof in Cases Concerning the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments 67

SPORTS LAW

- Vanin N. V.** The Prohibition of Violence in Youth Sports: Gaps in Legal Regulation and Means of Overcoming Them 78

CRIMINAL PROCEDURE

- Antonchenko V. V.** Artificial Intelligence in Criminal Proceedings 86

CRIMINAL LAW

- Kislenko S. L.** Remote Real Estate Fraud: A Current Social Threat and Responses 96
- Bokov D. K.** Involvement in Terrorist Offenses and Public Appeals for Terrorist Activity: Issues of Differentiation 109

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Khalikov A. N.** Legal Framework Challenges in International Cooperation for the Investigation of Cybercrimes 122

INTERNATIONAL LAW

- Bocharova A. M.** Applying the 2005 UN Convention on the Use
of Electronic Communications in International Contracts
to Arbitration Agreements Concluded via Modern Communication Tools 135

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Poyarkov S. Yu.** Constitutional Protectionism and Adaptive
Constitutionalism in the Age of Digitalization: Dialectics of Interaction,
Contradictions, and Development Prospects 144
- Vechorko V. V.** Informed Voluntary Consent for Medical
Intervention in the Russian Federation, the USA and Germany 161

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Gershinkova D. A.** Climate Projects as a Mechanism for Carbon Regulation 175

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Dolgiev A. A.** Anti-Corruption Lawsuits Filed
by the Prosecutor: Balancing Private and Public Interests 186

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.011-018

С. П. Степкин*

Обращения граждан к Президенту Российской Федерации в ходе прямых линий: конституционно-правовая природа и проблемы правового регулирования

Аннотация. В статье выявляется доктринальный и правоприменительный пробел, связанный с тем, что обращения граждан, поступающие в ходе ежегодной прямой линии с Президентом РФ, будучи формой реализации конституционного права, закрепленного в ст. 33 Конституции РФ, не подпадают в полной мере под действие специального Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». На основе анализа юридических признаков обращения и научных трудов обосновывается тезис об особой правовой природе данных обращений. Доказывается, что специфика формы (устная публичная и в режиме реального времени), субъекта-адресата (глава государства как гарант Конституции) и порядка рассмотрения таких обращений исключает возможность применения к ним законодательно установленных процедурных норм, но не отменяет их конституционно-правового значения. Сделан вывод о необходимости доктринального осмысления данного феномена как особого, «публично-правового» механизма прямой демократии и обратной связи, требующего либо расширения сферы действия упомянутого федерального закона с учетом его специфики, либо признания подобных обращений самостоятельным институтом конституционного права.

Ключевые слова: право на обращение; обращения к президенту; прямая линия; Президент РФ; глава государства; устное обращение; гарантии прав граждан; публичная власть; обратная связь; конституционализм

Для цитирования: Степкин С. П. Обращения граждан к Президенту Российской Федерации в ходе прямых линий: конституционно-правовая природа и проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 11–18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.011-018

© Степкин С. П., 2026

* Степкин Станислав Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического факультета Российского государственного социального университета
Вильгельма Пика ул., д. 4, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 129226
stepkin.sciences@mail.ru

Citizens' Appeals to the President of the Russian Federation during Direct Line Broadcasts: Constitutional and Legal Nature and Problems of Legal Regulation

Stanislav P. Stepkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Faculty of Law, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
stepkin.sciences@mail.ru

Abstract. The paper identifies a doctrinal and law enforcement gap arising from the fact that citizens' appeals submitted during the annual live call-in session with the President of the Russian Federation, while constituting a form of exercising the constitutional right guaranteed by Article 33 of the Constitution of the Russian Federation, do not fully fall within the scope of the Federal Law «On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation». Based on an analysis of the legal characteristics of citizen appeals and relevant scholarly literature, the paper substantiates the thesis that such appeals possess a distinct legal nature. It is argued that the specific features of their form (oral, public, and conducted in real time), the status of the addressee (the head of state acting as guarantor of the Constitution), and the procedure governing their consideration preclude the application of statutorily established procedural rules, while not diminishing their constitutional and legal significance. The article concludes that this phenomenon requires doctrinal recognition as a distinct public-law mechanism of direct democracy and governmental feedback, necessitating either an expansion of the scope of the aforementioned federal law to account for its specific characteristics or the recognition of such appeals as an independent institution of constitutional law.

Keywords: Right to appeal; appeals to the President; Direct Line; President of the Russian Federation; Head of State; oral appeal; guarantees of citizens' rights; public power; feedback; constitutionalism

Cite as: Stepkin SP. Citizens' Appeals to the President of the Russian Federation during Direct Line Broadcasts: Constitutional and Legal Nature and Problems of Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):11-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.011-018

Конституция РФ, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, устанавливает различные механизмы их реализации и защиты. Одной из ключевых гарантий взаимодействия гражданина и государства выступает право на обращение, закрепленное в ст. 33 Конституции РФ¹, которое является также и правом-гарантией других прав и свобод человека и гражданина² и тесно связано с иными основополагающими конституционными права-

ми и свободами³. Данное право предоставляет гражданам возможность обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Это право является элементом более широкого права на участие в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ).

Развитие данная конституционная норма получила в специальном Федеральном законе от

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020).

² Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 310 ; Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеевкова [и др.] ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. М. : Статут, 2013. С. 111.

³ Нарутто С. В. Обращение граждан в органы публичной власти : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 23–24 ; Малявкина Н. В., Алексикова О. Е. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 2. С. 21.

02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴ (далее — Закон об обращениях), регулирующем общий порядок рассмотрения обращений.

Однако развитие общественных отношений и появление новых форматов коммуникации власти и общества ставят перед юридической наукой вопросы о пределах действия и формах реализации данного права. Особый интерес представляет ежегодное мероприятие «Прямая линия с Владимиром Путиным». Миллионы обращений, поступающих главе государства в прямой эфир по телефону, через СМС-сообщения и интернет-порталы, несомненно, являются отражением реализации гражданами конституционного права на обращение. Например, в ходе прямых линий в 2018, 2019, 2021 гг. поступило по 2,3–2,5 млн обращений⁵, а в 2025 г. — 3,45 млн⁶. Вместе с тем они выпадают из формально-юридического поля Закона об обращениях, так как не предусмотрены им в обозначенных формах.

Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать конституционно-правовой пробел в идентификации обращений, поступающих в ходе прямых линий, и предложить пути его доктринального осмысления. Задачи исследования включают: анализ признаков обращения в контексте ст. 33 Конституции РФ и Закона об обращениях; характеристику прямой линии как особого института; сопоставление процедуры рассмотрения обращений в общем порядке и в ходе прямой линии; оценку данного феномена с позиции представленной в научных публикациях концепции «адресата-посредника» и роли обращений как гарантии конституционализма.

Закон об обращениях, фактически расширяя положения ст. 33 Конституции РФ, определяет обращения как направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа с использо-

ванием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», иной информационной системы государственного органа или органа местного самоуправления либо официального сайта государственного органа или органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечивающих идентификацию и (или) аутентификацию граждан, предложение, заявление или жалобу, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления (ст. 4), а также направленные осуществляющим публично значимые функции государственным и муниципальным учреждениям, иным организациям и их должностным лицам (ч. 4 ст. 1). Легальное определение, таким образом, выделяет три ключевых признака: 1) форма (письменная, электронная, устная); 2) содержание (предложение, заявление, жалоба); 3) адресат (орган власти или должностное лицо, осуществляющие публично значимые функции государственные и муниципальные учреждения, иные организации и их должностные лица).

Устная форма обращения реализуется исключительно в ходе личного приема граждан (ст. 13 Закона об обращениях). Личный прием предполагает идентификацию личности гражданина и предъявление документа, удостоверяющего личность и, как правило, дачу ответа в устной или письменной форме по существу поставленных вопросов. Этот формализованный, камерный процесс призван обеспечить персональное рассмотрение проблемы и защиту персональных данных.

Письменное обращение направляется почтовым отправлением (в этом случае подтверждение личности производит работник АО «Почта России», но только при отправке регистрируемого почтового отправления по документу гражданина, удостоверяющему его личность, или в

⁴ СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁵ Сколько длились прямые линии Путина и сколько было вопросов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2023/657a1ffc9a7947c4ad1393ae> (дата обращения: 21.03.2026).

⁶ Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/4009076> (дата обращения: 21.03.2026).

форме электронного документа через «Госуслуги»⁷), курьерской службой (чаще без подтверждения личности), доставкой лично или представителем (в том числе в ходе личного приема, где, как уже указывалось, для подтверждения личности требуется предъявить официальный документ).

Обращение в форме электронного документа может быть подано при условии обеспечения идентификации и (или) аутентификации граждан, за исключением федеральных органов исполнительной власти в области внутренних дел, обеспечения безопасности, внешней разведки и государственной охраны, которые вправе устанавливать свой порядок (ч. 3 ст. 6 Закона об обращениях).

Прямая линия (в 2025 г. — «Итоги года с Владимиром Путиным») представляет собой уникальное публично-политическое мероприятие, в ходе которого граждане обращаются к Президенту РФ, обладающему всеми атрибутами (признаками) верховенства власти⁸, а он в прямом эфире отвечает им. Юридически статус прямой линии нигде не закреплён. Она не упоминается ни в Конституции РФ, ни в Законе об обращениях, ни в указах Президента, регламентирующих деятельность его Администрации. Более того, в последние годы больше заметна роль в подготовке таких линий и последующей обработке обращений не профильного Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций, а общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”». Однако фактически это одно из самых массовых и действенных средств обратной связи: озвученные в эфире обращения, как правило, разрешаются незамедлительно, а некоторые обращения находят решение еще до выхода в эфир.

Анализ прямой линии через призму признаков обращения, предусмотренных Законом об обращениях, выявляет ряд существенных противоречий.

1. В ходе прямой линии обращения поступают в самых разных формах: устные вопросы в студии, телефонные звонки, СМС-сообщения, видеовопросы, посты в социальных сетях, сообщения через специальное мобильное приложение. Все они не названы Законом об обращениях в качестве допустимых форм подачи обращений. Хотя Закон и говорит о возможности подачи обращения в форме электронного документа, эта процедура строго регламентирована: требуются заполнение специальной формы на сайте, идентификация и (или) аутентификация. Во время прямой линии идентификация в большей части минимальна (имя и город) либо отсутствует вовсе (анонимные звонки, СМС и т.д.).

2. Закон об обращениях связывает устную форму обращения исключительно с личным приемом в государственных органах, органах местного самоуправления. Является ли звонок на прямую линию личным приемом у Президента? Очевидно, что нет. Глава государства физически не находится в указанных органах и с каждым дозвонившимся с глазу на глаз, гражданин не предъявляет документ, удостоверяющий его личность, а также отсутствует прием в первоочередном порядке. Более того, информация о времени и месте проведения личного приема должна быть доведена до сведения граждан (ст. 13). О проведении прямой линии известно заранее, но это не аналог графика приема, прямая линия и не позиционируется как личный прием.

3. Закон об обращениях содержит прямой запрет на разглашение сведений, содержащихся в обращениях граждан, а также сведений, касающихся частной жизни гражданина, без его согласия (ст. 6). Неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений гарантированы также статьей 23 Конституции РФ. Прямая линия транслируется в прямом эфире по ТВ- и интер-

⁷ Приказ Минцифры РФ от 17.04.2023 № 382 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 02.06.2023. № 0001202306020025.

⁸ Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. Об особенностях правового статуса Президента России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 54–58.

нет-каналам на весь мир. Гражданин, задавая вопрос, добровольно и публично сообщает о своей проблеме миллионам зрителей, сознательно отказываясь от конфиденциальности. Кроме того, иногда он получает утоняющие вопросы от Президента и, находясь в состоянии стресса и сжатых сроков на ответ, может не осознавать открытость сообщаемой информации. Это принципиально меняет правовую природу его волеизъявления. Считать сам факт озвучивания проблемы автоматическим согласием на разглашение сведений неверно, так как уровень правового просвещения граждан всё еще находится не на самом высоком уровне, да и общение с гарантом Конституции накладывает определенное волнение.

4. В статье 6 Закона об обращениях содержится запрет на преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц. Однако по итогам прямых линий угрозы гражданам поступали⁹, конечно, чаще не от государственных органов или органов местного самоуправления, но когда обращение и ответ на него озвучиваются в мировых масштабах, избежать таких преступных действий просто нереально.

5. На письменное обращение, поданное в соответствии с Законом об обращениях, письменный ответ по существу должен быть дан в течение 30 дней (общее правило). На устное обращение ответ может быть дан с согласия гражданина устно в ходе личного приема либо так же, как и на письменное, дается письменно. Ответ на обращение во время прямой линии — это, как правило, устный комментарий Президента в эфире. Он может быть кратким, декларативным или может содержать конкретное поруче-

ние. Однако этот ответ не является письменным документом, направленным непосредственно заявителю. Более того, если вопрос не попал в эфир, юридически ответ на него может быть и не дан вовсе. Справедливости ради следует отметить, что направление таких обращений в органы публичной власти по компетенции все-таки производится, причем именно в порядке, установленном Законом об обращениях. Это позволяет обеспечить хоть какое-то регулирование порядка рассмотрения и контроль за рассмотрением таких обращений.

Таким образом, по формальным критериям обращения в ходе прямой линии обращениями по смыслу закона не являются. Они не соответствуют требованиям к форме, процедуре подачи, получению ответа, безопасности граждан и сохранению личной и семейной тайны.

Возникает парадокс: право на обращение, гарантированное Конституцией, реализуется в форме, которая не урегулирована специальным законом. Представляется, что решение данного противоречия лежит в плоскости понимания особой роли главы государства как адресата обращений и особой, публичной цели таких обращений.

А. В. Савоськин относит Президента РФ к числу адресатов-посредников, которые, не разрешая обращение по существу, перенаправляют его компетентному адресату-исполнителю¹⁰. Однако к обращениям в ходе прямой линии данное утверждение неприменимо. Во-первых, глава государства как гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции РФ), отвечая на обращения в ходе прямой линии, часто не выступает посредником, а фактически разрешает обращение. Во-вторых, посредником можно назвать Администрацию Президента РФ, обеспечивающую деятельность главы государства, но никак не самого Президента. Президент физически никогда не сможет рассмотреть все поступающие на его имя обра-

⁹ Вепсия. URL: <https://versia.ru/zhalovatsya-prezidentu-stanovitsya-nebezopasno-dlya-grazhdan> ; Апрументы и факты. URL: https://aif.ru/politics/russia/ugrozy_na_pryamoy_kak_mstyat_lyudyam_kotorye_zhaluyutsya_putinu (дата обращения: 21.03.2026).

¹⁰ Савоськин А. В. Обращения граждан к Президенту РФ: конституционно-правовое исследование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 102.

щения граждан страны, да и не должен этого делать ввиду соответствующей компетенции у исполнительных и муниципальных органов публичной власти. Как справедливо отмечал О. Е. Кутафин, «Президент располагает специальным аппаратом, выполняющим функции, связанные с защитой прав и свобод человека и гражданина»¹¹.

В то же время поручение Президента РФ, данное по итогам прямой линии, является мощнейшим катализатором для решения проблемы, а письменные обращения к Президенту России обладают высокой эффективностью¹².

Очевидна его роль института обращений в формировании взаимного доверия государства и общества (ст. 75.1 Конституции РФ). Прямая линия — это, пожалуй, самый яркий пример такого доверительного диалога. Граждане обращаются к главе государства напрямую, минуя бюрократические процедуры, что само по себе повышает доверие к власти. Открытость процесса служит формой некоторого контроля за реакцией власти на проблемы людей. При этом достижение общественного согласия невозможно лишь на основе формального волеизъявления граждан и социальных групп. Его подлинной основой выступает взаимное доверие, которое побуждает к конструктивному и осознанному волеизъявлению, — доверие между людьми, социальными группами, социальными институтами, а также между обществом и государственной властью¹³.

Из этого можно сделать вывод, что обращения в ходе прямой линии имеют публично-правовую природу и представляют собой самостоятельный конституционно-правовой феномен. Если обращение в порядке Закона об обращениях — это конституционно определенный индивидуальный или коллективный акт волеизъявления, совершенный в письменной, электронной или устной формах и в виде предло-

жения, заявления или жалобы, инициирующий принудительное юридическое реагирование органов и должностных лиц публичной власти (рассматривать, принимать необходимые меры, предоставлять ответ в установленный законом срок), то обращение в ходе прямой линии — это акт публичной коммуникации. Его цель — не столько получить персональный письменный или устный ответ, сколько донести проблему до сведения первого лица государства и общест-венности, вызвать публичную реакцию и, возможно, системное решение.

В этом смысле прямая линия сближается с такими формами прямой демократии, как публичные слушания или обсуждения, с той разницей, что инициатива исходит от граждан, а реакция следует немедленно и на самом высоком уровне. Обращения сигнализируют о системных нарушениях и рисках для конституционного правопорядка. В ходе прямой линии этот сигнал получает максимальное публичное звучание.

Фактически прямая линия создает параллельный, более оперативный и публичный канал обратной связи. Его эффективность и востребованность у граждан свидетельствуют об объективной потребности в таком механизме, который не подменяет, но дополняет формализованную процедуру Закона об обращениях.

Ситуация требует и законодательного реагирования, и доктринального осмысления.

Первый путь — официальное признание прямой линии особой формой личного приема граждан Президентом РФ и принятие специального положения, которое регулировало бы особенности обработки, рассмотрения и передачи на исполнение поручений по итогам таких мероприятий. Это потребует изменений в Законе об обращениях, расширяющих понятие «личный прием» для случаев публичных мероприятий с участием высших должностных лиц. (Повышение роли именно обращений, имеющих пуб-

¹¹ Кутафин О. Е. Глава государства : монография. М. : Проспект, 2013. 881 с.

¹² Степкин С. П. Конституционализация института обращений граждан : монография. М. : Ваш формат, 2023. 631 с.

¹³ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2019. С. 47.

личный характер, давно отмечается в научном сообществе¹⁴.) Параллельно закон следовало бы дополнить нормой о проведении личных приемов граждан в режиме видео-конференц-связи, что поможет маломобильным гражданам и гражданам, проживающим в отдаленных местностях, эффективнее реализовывать свои права и свободы. Сегодня прием граждан в режиме видео-конференц-связи проводится по решению отдельных должностных лиц, что не отвечает принципу равенства граждан (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ).

Второй путь — признание на доктринальном уровне, что прямая линия реализует право на обращение в его публично-политическом измерении, которое не нуждается в жесткой процедурной регламентации по аналогии с индивидуальными обращениями, поскольку механизмом защиты прав здесь в первую очередь выступает не собственно ответ, а публичное внимание и последующий контроль за испол-

нением поручений главы государства. В этом случае важно обеспечить правовую определенность в вопросе о том, какие именно обращения (попавшие в эфир, требующие дополнительной проработки) и в каком порядке передаются для исполнения в органы власти. Соответственно, и направление поступивших в ходе прямой линии обращений в органы публичной власти по компетенции следовало бы регламентировать.

В любом случае прямая линия наглядно демонстрирует развитие конституционного права на обращение, его адаптацию к современным коммуникативным реалиям и подтверждает тезис о том, что институт обращений взаимосвязан через систему гарантий конституционализма с иными правовыми институтами, направленными на обеспечение конституционализма и устойчивого функционирования государства в новых политико-правовых условиях, обеспечивает не только защиту прав, но и постоянную связь между обществом и властью, укрепляет взаимное доверие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2014. — 864 с.
2. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России : монография. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма, 2019. — 448 с.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. — 2-е изд., пересмотр. — М. : Норма, Инфра-М, 2012. — 1008 с.
4. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова [и др.] ; науч. ред. Ю. И. Скуратов. — М. : Статут, 2013. — 688 с.
5. Кутафин О. Е. Глава государства : монография. — М. : Проспект, 2013. — 881 с.
6. Малявкина Н. В., Алексикова О. Е. Особенности реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти // Вестник Поволжского института управления. — 2019. — Т. 19. — № 2. — С. 20–29.
7. Нарутто С. В. Обращение граждан в органы публичной власти : учебник. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 496 с.
8. Савоськин А. В. Обращения граждан к Президенту РФ: конституционно-правовое исследование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 6. — С. 97–104.
9. Степкин С. П. Конституционализация института обращений граждан : монография. — М. : Ваш формат, 2023. — 631 с.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2026 г.

¹⁴ Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2014. Т. 1. С. 750.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2014. — 864 s.
2. Zorkin V. D. Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii: monografiya. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Norma, 2019. — 448 s.
3. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) / L. V. Andrichenko, S. A. Bogolyubov, N. S. Bondar [i dr.]; pod red. V. D. Zorkina. — 2-e izd., peresmotr. — M.: Norma, Infra-M, 2012. — 1008 s.
4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Doktrinalnyy kommentariy (postateynyy) / M. P. Avdeenkova [i dr.]; nauch. red. Yu. I. Skuratov. — M.: Statut, 2013. — 688 s.
5. Kutafin O. E. Glava gosudarstva: monografiya. — M.: Prospekt, 2013. — 881 s.
6. Malyavkina N. V., Aleksikova O. E. Osobennosti realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan Rossiyskoy Federatsii na obrashchenie v organy publichnoy vlasti // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. — 2019. — T. 19. — № 2. — S. 20–29.
7. Narutto S. B. Obrashchenie grazhdan v organy publichnoy vlasti: uchebnyy. — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 496 s.
8. Savoskin A. V. Obrashcheniya grazhdan k Prezidentu RF: konstitutsionno-pravovoe issledovanie // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2018. — № 6. — S. 97–104.
9. Stepkin S. P. Konstitutsionalizatsiya instituta obrashcheniy grazhdan: monografiya. — M.: Vash format, 2023. — 631 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.019-029

И. П. Барановский*

Двойная административная ответственность индивидуальных предпринимателей за нарушения в сфере пассажирских перевозок

Аннотация. Объектом административного правонарушения в сфере пассажирских перевозок могут быть общественные отношения как в сфере безопасности дорожного движения, так и в сфере защиты прав потребителей в случае оказания услуг. С помощью общенаучных методов изучена проблема пересечения объектов данных административных правонарушений, проанализирована допустимость возложения двойной ответственности. Проведен анализ судебной практики и мнений исследователей, выделены особенности административных правонарушений в сфере пассажирских перевозок, которые учитываются судебными органами при рассмотрении дел. Выявлена особенность возложения административной ответственности в сфере пассажирских перевозок в части возможности привлечения индивидуальных предпринимателей за нарушения и в сфере безопасности дорожного движения, и в сфере защиты прав потребителей. Выработаны рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики в сфере пассажирских перевозок автомобильным транспортом.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель; лицензирование перевозок; управление транспортным средством без документов; судебная практика; применение нескольких мер ответственности; транспортная система; пассажирский транспорт; двойная административная ответственность; пассажирские перевозки; зеленый цифровой коридор пассажира

Для цитирования: Барановский И. П. Двойная административная ответственность индивидуальных предпринимателей за нарушения в сфере пассажирских перевозок // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 19–29. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.019-029

© Барановский И. П., 2026

* Барановский Игорь Павлович, аспирант 3-го курса Вятского государственного университета (ВятГУ), консультант Министерства финансов Кировской области
Московская ул., д. 36, г. Киров, Российская Федерация, 610000
baranovskyig@gmail.com

Dual Administrative Liability of Individual Entrepreneurs for Violations in the Field of Passenger Transportation

Igor P. Baranovskiy, Third-Year Postgraduate Student, Vyatka State University (VyatSU); Consultant, Ministry of Finance, Kirov Region, Kirov, Russian Federation
baranovskiyig@gmail.com

Abstract. The paper examines the legal permissibility of imposing dual administrative liability on individual entrepreneurs for administrative offenses in the field of passenger transportation by motor vehicle. The specific nature of such offenses lies in the fact that their object may encompass public relations both in the sphere of road traffic safety and in the sphere of consumer protection in the provision of services. Using general scientific research methods, the study explores the issue of overlap between the objects of these administrative offenses and analyzes the admissibility of imposing dual liability. The paper further reviews judicial practice and scholarly opinions, identifying the distinguishing features of administrative offenses in the field of passenger transportation that are taken into account by courts in adjudicating such cases. The study reveals a particular feature of administrative liability in the sphere of passenger transportation, namely the possibility of holding individual entrepreneurs liable simultaneously for violations relating to road traffic safety and consumer protection. The author proposes recommendations aimed at improving law-enforcement practice in passenger transportation by motor vehicle.

Keywords: individual entrepreneur; transportation licensing; operation of a motor vehicle without required documentation; judicial practice; permissibility of imposing multiple forms of liability; transportation system; passenger transport; dual administrative liability; passenger transportation; Green Digital Passenger Corridor

Cite as: Baranovskiy IP. Dual Administrative Liability of Individual Entrepreneurs for Violations in the Field of Passenger Transportation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):19-29. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.019-029

Российская Федерация обладает крупнейшей территорией с различными климатическими условиями и рельефом, что, безусловно, осложняет перевозку пассажиров. Правительство РФ отдает приоритет развитию общественного транспорта как «средства ограничения количества транспортных средств на дорогах и последующего снижения загрязнения воздуха»¹. Одной из задач, обеспечивающих достижение государственной и общественной безопасности в Российской Федерации, является повышение безопасности дорожного движения².

Нарушение правил перевозки автомобильным транспортом может привести к серьезным

последствиям: аварийным ситуациям и травмированию пассажиров.

Так, по данным Научного центра безопасности дорожного движения МВД России³, в 2024 г. аварийность с участием автобусов снизилась относительно 2023 г.: количество ДТП — на 3,1 %, число погибших — на 3,4 %, раненых — на 3,3 %.

Количество ДТП из-за виновных действий водителей также снизилось на 1,2 %, количество раненых — на 0,5 %, а количество погибших резко выросло — на 15,9 %. Количественные показатели аварийности в 2022–2024 гг. указаны на диаграмме 1.

¹ См.: Эбзеев А. А., Судоргин О. А., Нестерчук О. А., Иванов В. Г. Влияние политики на транспортную систему Российской Федерации // Управление. 2023. № 2. С. 35–44.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 г. Информационно-аналитический обзор под общ. ред. О. М. Портанникова, Д. В. Митрошина // Официальный сайт Научного центра БДД МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (дата обращения: 01.09.2025).

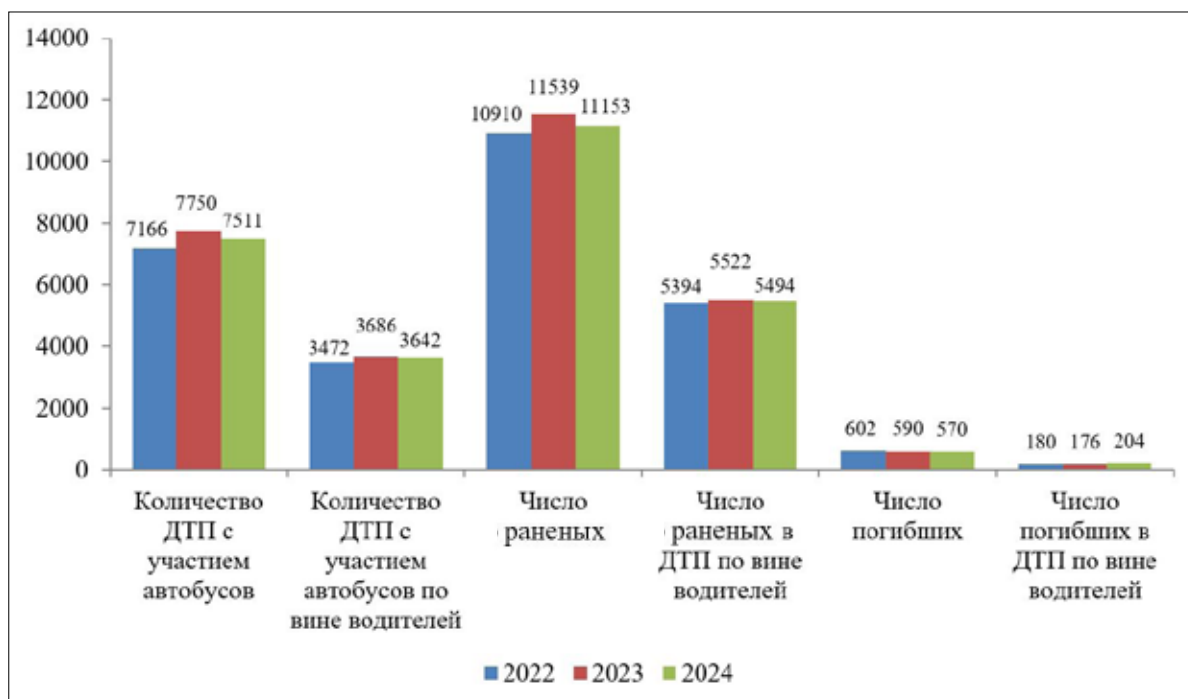

Диаграмма 1. Показатели аварийности с участием автобусов

В 2024 г. отмечен рост ДТП с участием легковых такси. Число аварий увеличилось на 5,7 %, количество погибших — на 42 %, ране-

ных — на 4,9 %. Числовые характеристики аварийности в 2022–2024 гг. указаны на диаграмме 2.

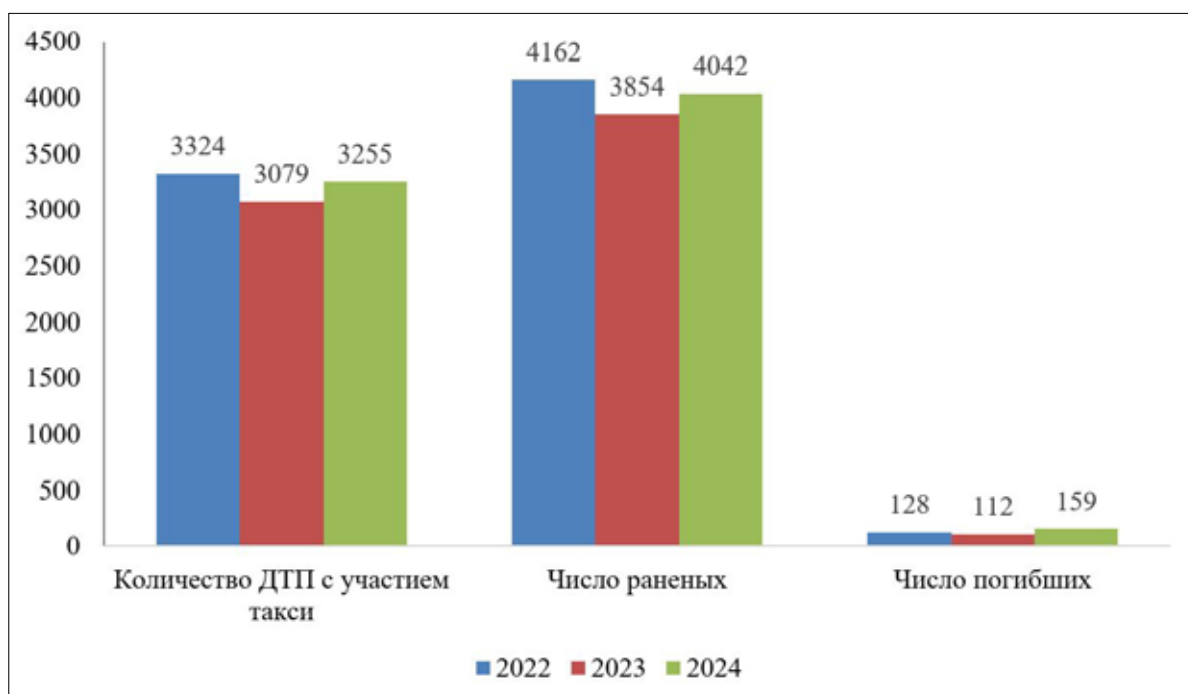

Диаграмма 2. Показатели аварийности с участием легковых такси

Число аварий по вине водителей такси по сравнению с 2023 г. выросло на 7,5 %, количество погибших в них — на 30,4 %, раненых — на 5,1 %. Причинами аварий с участием легкового такси являются несоблюдение водителем очередности проезда, неправильный выбор дистанции, нарушение скоростного режима движения, нарушение правил проезда пешеходного перехода, т.е. фактически совпадают с указанными для водителей пассажирских автобусов.

С участием легковых такси, владельцами которых являются индивидуальные предприниматели, произошло 43,4 % от всех ДТП, доля погибших — 47,8 %. Доля аварийности с участием автобусов, фактически эксплуатируемых индивидуальными предпринимателями, составила 11,5 %, а доля погибших, приходящаяся на эти аварии, — 14,6 % от общего количества погибших.

Административная ответственность за административное правонарушение правил перевозки пассажиров автомобильным транспортом установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Она применяется в отношении физических лиц (водителей), должностных лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (перевозчиков). Административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения являются одними из самых распространенных в связи с большим количеством участников дорожного движения. Цель применения административной ответственности — обеспечение соблюдения правил перевозки пассажиров автомобильным транспортом и профилактика нарушений, способствующих возникновению опасных дорожных ситуаций.

В связи с этим важно обратить внимание на необходимость комплексного подхода и соблюдения справедливости при возложении административной ответственности. Зачастую наказания за нарушения правил перевозки оказываются незначительными по сравнению с получаемыми от предпринимательской деятельности выго-

дами. Особенно это касается мелких перевозчиков, например индивидуальных предпринимателей, чьи доходы ниже, а желание сэкономить перевешивает заботу о безопасности и необходимость выполнять законные требования.

Государство предусмотрело дополнительный правовой механизм защиты прав пассажиров. В рамках законодательства о защите прав потребителей на перевозчиков распространяется ответственность за нарушение прав потребителей услуги (пассажиров)⁴. В связи с этим оказание услуги ненадлежащего качества может повлечь привлечение к административной ответственности в соответствии со ст. 14.4 КоАП РФ. Статья предусматривает санкции для перевозчиков и их должностных лиц. Размер санкции увеличивается в связи с повторностью административных правонарушений. За повторное административное правонарушение предусмотрена конфискация предмета (орудия) административного правонарушения. Эта мера ответственности имеет большой потенциал, поскольку расширяет возможности административной практики, однако логично, что она должна применяться только при наличии существенной угрозы безопасности населения в балансе с невмешательством в хозяйственную социально значимую деятельность перевозчика. Например, Верховный Суд РФ рассматривал кассационную жалобу индивидуального предпринимателя, привлеченного к административной ответственности по ч. 2 ст. 11.23 КоАП РФ с одновременным арестом автобуса как орудия административного правонарушения. При этом Верховный Суд РФ поддержал решения нижестоящих судов об излишней санкции в виде ареста автобуса, указав на «отсутствие доказательств того, что арест транспортного средства осуществлен ввиду регулярных и целенаправленных нарушений, совершаемых предпринимателем, и являлся вынужденной мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении, которая применялась в целях пресечения административного правонарушения»⁵.

⁴ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2022 № 305-ЭС21-21811 по делу № А41-70724/22020 // Карто-тека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3b18ff67-b8f5-4bc7-9557-dd8e7f955c63/>

Здесь важно ответить на вопрос, не нарушает ли привлечение индивидуальных предпринимателей к административной ответственности в соответствии со ст. 14.4 КоАП РФ принцип недопустимости привлечения к двойной административной ответственности за одно и то же административное правонарушение. Так, индивидуальный предприниматель, обжалуя привлечение к административной ответственности по двум статьям КоАП РФ, обращал внимание, что сравнение диспозиций рассматриваемых составов правонарушений свидетельствует о том, что они не могут быть совершены лицом посредством одного действия (бездействия)⁶.

В международной и отечественной практике распространена точка зрения о невозможности применения нескольких мер ответственности при совпадении объекта, объективной стороны и субъекта правонарушения⁷. Верховным Судом РФ указано, что «в части, не урегулированной специальными законами, на отношения, возникающие из договора перевозки пассажиров и багажа... распространяется Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»»⁸.

Проанализируем, есть ли совпадение трех составляющих составов административного правонарушения в исследуемом случае.

Главами 11 и 12 КоАП РФ охраняются общественные отношения, связанные с безопасностью дорожного движения и использованием транспортных средств, статьей 14.4 КоАП РФ — общественные отношения, связанные с защитой прав потребителей, в нашем случае услуг пассажирских перевозок. Значит, одно и то же деяние на пассажирском автотранспорте может посягать на различные общественные интересы.

В главе 12 КоАП РФ указаны субъекты административных правонарушений — участники дорожного движения, в ст. 14.4 это перевозчики — исполнители услуги пассажирских перевозок. Судебная практика подтверждает: даже если административные правонарушения совершены одним лицом, это не значит, что это одно административное правонарушение⁹. Верховный Суд РФ отмечает, что если субъекты различны по правовому статусу, то совпадение их в одном лице допускает применение двойной ответственности¹⁰. Индивидуальный предприниматель, самостоятельно оказывающий услуги пассажирских перевозок, может быть привлечен к административной ответственности и как лицо, оказывающее услугу перевозки, и как водитель, нарушивший правила дорожного движения.

Объективная сторона административных правонарушений в данном случае аналогична: это одни и те же действия по нарушению пра-

e662010b-8a37-4fdc-9646-e6b8184cebe7/A41-70724-2020_20220126_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2025).

⁶ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.05.2024 № Ф03-1291/2024 по делу № А04-8089/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a0838371-1905-4d73-a494-e3e3d04ea67d/022af7e1-52b1-4f9f-9716-5b26c679915a/A04-8089-2023_20240528_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2025).

⁷ Баканов К. С. Обеспечение безопасности дорожного движения перевозчиком как условие надлежащего оказания услуг по перевозке пассажиров // Пролог : журнал о праве. 2023. № 4 (40). С. 50–58.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

⁹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.08.2020 № 15АП-9872/2020 по делу № А53-45431/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3b334bc8-b950-4385-911f-759190efc7ce/fe48f225-0f96-4bbb-aa28-1c91e0feaa85/A53-45431-2019_20200814_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

вил безопасности на дорогах, различающиеся юридической квалификацией в рамках статей КоАП РФ. Судебные органы учитывают комплексный характер нарушений в сфере пассажирских перевозок и допускают привлечение к административной ответственности одновременно по нескольким статьям КоАП РФ¹¹.

Как видим, действия нарушителей касаются различных составов административных правонарушений по признакам объекта, субъекта и объективной стороны. Отдельные ученые указывают, что «первостепенное значение имеет именно сущность и направленность действий, из каких правоотношений они исходят»¹².

В ходе исследования проведен анализ объективной стороны наиболее распространенных административных правонарушений в сфере безопасности пассажирских перевозок автомобильным транспортом с целью выявления возможности возложения в рамках таких нарушений «двойной» ответственности.

1. Управление транспортным средством без документов

Федеральным законодательством о безопасности дорожного движения определены документы для управления автомобилем: водительское удостоверение; регистрационные документы на транспортное средство; полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО)¹³. Отсутствие любого из этих документов считается административным правонарушением в сфере безопасности дорожного движения. Статья 12.3 КоАП РФ предусматривает административный штраф за управление транс-

портным средством водителем, не имеющим необходимых документов.

Требования к услуге пассажирских перевозок автобусом устанавливают еще более широкий перечень необходимых документов для выхода в рейс. К стандартным документам добавляются: копия лицензии на осуществление пассажирских перевозок; путевой лист; копия договора об оказании транспортных услуг; копии документов об утверждении маршрутов (в случае работы на регулярных пассажирских перевозках); полис обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика и др. Сотрудник ГАИ вправе отстранить водителя от управления и отправить транспортное средство на специализированную стоянку, пока нарушение не будет устранено владельцем автобуса.

В качестве примера можно привести определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.09.2019 № 310-ЭС19-6050 по делу № А08-5890/2017. Суд признал правомерным и соразмерным задачам производства по делу об административном правонарушении арест транспортного средства индивидуального предпринимателя и указал, что «автобус, используемый для осуществления регулярных перевозок пассажиров с нарушением установленного порядка — при отсутствии карты маршрута регулярных перевозок, наличие которой является обязательным, — признается орудием совершения административного правонарушения»¹⁴.

Следовательно, управление транспортным средством без документов составляет объективную сторону как административного правонарушения, связанного с безопасностью дорожного

¹¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.08.2020 № 15АП-9872/2020 по делу № А53-45431/2019 // Картоoteca арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3b334bc8-b950-4385-911f-759190efc7ce/fe48f225-0f96-4bbb-aa28-1c91e0feaa85/A53-45431-2019_20200814_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2025).

¹² Баканов К. С., Исаев М. М. Одновременное применение к перевозчику нескольких мер ответственности за нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 26–31.

¹³ Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.09.2019 № 310-ЭС19-6050 по делу № А08-5890/2017 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/>

движения, так и административного правонарушения в сфере защиты прав потребителей, предусмотренного статьей 14.4 КоАП РФ.

2. Нарушение условий лицензионной деятельности

Услуга перевозки пассажиров должна осуществляться только лицензированными перевозчиками. В соответствии с Положением о лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами¹⁵ обязательному лицензированию подлежат индивидуальные предприниматели, осуществляющие регулярные перевозки пассажиров городским общественным транспортом, междугородним сообщением и международными рейсами. Для успешного прохождения процедуры лицензирования перевозчики должны выполнить ряд обязательных требований: наличие достаточного количества исправных транспортных средств соответствующей категории; квалификация водителей и других работников, занятых в сфере перевозок; регулярное прохождение технического осмотра транспортных средств; соответствие транспортных средств санитарным и экологическим стандартам; страхование гражданской ответственности перевозчика.

Любое нарушение перевозчиком правил лицензирования может служить основанием для его привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере защиты прав потребителей данных услуг. Статья 14.1 КоАП РФ относит к административным правонарушениям осуществление предпринимательской деятельности без лицензии, когда лицензия является обязательной. Например, осуществление деятельности без лицензии или с нарушением лицензионных требований грозит должностному лицу штрафом от 3 тыс. до 4 тыс. руб.;

юридическому лицу — штрафом от 100 тыс. до 200 тыс. руб. либо административным приостановлением деятельности на срок до 90 суток.

В соответствии с постановлением Верховного Суда РФ от 25.12.2023 № 31-АД23-11-К6 индивидуальный предприниматель был привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.1.2 КоАП РФ в связи с осуществлением предпринимательской деятельности в области транспорта с нарушением условий, предусмотренных лицензией. Предпринимателем был допущен выпуск на линию автобуса, не оснащенного работоспособной аппаратурой спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS. При проведении государственного контроля (надзора) по результатам инструментального обследования автобуса было установлено, что сведения об эксплуатируемом индивидуальным предпринимателем автобусе в Ространснадзор не передаются и в информационной системе отсутствуют. В ходе рассмотрения дела было выяснено, что нарушение условий лицензии было вызвано ошибкой предпринимателя при подаче заявки на идентификацию в системе ГЛОНАСС, что повлекло невозможность идентификации установленной на данном автобусе аппаратуры спутниковой навигации в ГАИС «ЭРА-ГЛОНАСС»¹⁶.

Отсюда следует вывод, что нарушение правил лицензирования в сфере пассажирских перевозок является объективной стороной административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения и защиты прав потребителей.

3. Нарушение режима труда и отдыха водителей

Рабочий день водителя пассажирского автобуса не должен превышать установленную законодательством продолжительность¹⁷. Несоблю-

Pdf/a0385955-72fb-4c19-9b18-12c423b23720/92c1312b-f6de-4444-8258-b5576103c47e/A08-5890-2017_20190913_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 07.10.2020 № 1616 «О лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами» // СЗ РФ. 2020. № 42 (ч. II). Ст. 6582.

¹⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 25.12.2023 № 31-АД23-11-К6 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/408404295/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁷ Приказ Минтранса России от 16.10.2020 № 424 «Об утверждении Особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда водителей автомобилей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 09.12.2020 (дата обращения: 01.09.2025).

дение режима труда и отдыха может повлечь негативные последствия и для самого водителя, и для окружающих. Усталость и сонливость приводят к замедлению реакции и снижению концентрации водителя, а значит, к увеличенному риску попадания в ДТП.

По статистике, количество аварий с участием автобусов, водители которых допустили нарушение режима труда и отдыха, снизилось на 19,2 %, однако число погибших в таких ДТП увеличилось на 4,8 %, раненых — на 1,8 %.

Согласно ст. 11.23 КоАП РФ нарушение режима труда и отдыха водителей автотранспорта наказывается следующим образом: водитель получит предупреждение или штраф в размере от 1 тыс. до 3 тыс. руб.; перевозчик — штраф от 30 тыс. до 50 тыс. руб.

Согласно законодательству перевозчик должен обеспечивать оказание услуг, соответствующих стандартам качества и безопасности, гарантировать сохранность жизни и здоровья пассажиров. А значит, соблюдение режима труда и отдыха работающих водителей — одно из основных требований безопасности услуги пассажирских перевозок автотранспортом.

4. Нарушение порядка перевозки детей

Согласно российскому законодательству об оказании услуг пассажирских перевозок все участники дорожного движения обязаны пользоваться ремнями безопасности, если таковые предусмотрены конструкцией автомобиля. Организация перевозки групп детей школьного возраста подразумевает особый порядок оформления и сопровождения рейса. В частности, необходимо наличие сопровождающих взрослых, координаторов, обеспечение связи с родителями и школой. Следовательно, любое несоблюдение правил перевозки детей нарушает правила оказания услуг пассажирских пе-

ревозок и может повлечь административную ответственность по ст. 14.4 КоАП РФ.

Эта же объективная сторона является элементом состава административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения. Статьей 12.23 КоАП РФ предусмотрено наказание за административное правонарушение правил организованной перевозки группы детей автобусами. Например, Верховный Суд РФ в постановлении от 28.08.2020 № 14-АД20-8 согласился с правомерностью привлечения индивидуального предпринимателя к административной ответственности по ч. 4 ст. 12.23 КоАП РФ в связи с перевозкой группы детей с нарушением требований Технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств»¹⁸ в части отсутствия окраски кузова в желтый цвет и контрастных надписей «ДЕТИ» по периметру автобуса¹⁹.

5. Несоблюдение норм вместимости автобуса

Допустимая норма загрузки пассажиров и багажа устанавливается правилами дорожного движения и техническими характеристиками транспортных средств. Перегрузка автомобиля увеличивает нагрузку на двигатель, тормоза и подвеску, что снижает управляемость и увеличивает вероятность ДТП. За превышение установленного нормативами количества пассажиров для водителя предусмотрен штраф 500 руб., а для перевозчика — штраф от 100 тыс. до 300 тыс. руб.

Примеры судебной практики показывают, что переполненность автобуса как административное правонарушение, связанное с безопасностью дорожного движения, также является и характеристикой оказываемой услуги перевозки. Согласно постановлению Верховного Суда РФ от 02.03.2023 № 37-АД23-1-К1 индивидуальный предприниматель был привле-

¹⁸ Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза “О безопасности колесных транспортных средств”» // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. URL: <http://www.tsouz.ru/>. 15.12.2011 (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹ Постановление Верховного Суда РФ от 28.08.2020 № 14-АД20-8 // Юридическая информационная система «Легалакт — законы, кодексы и нормативные правовые акты Российской Федерации». URL: <https://legallacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28082020-n-14-ad20-8/> (дата обращения: 01.09.2025).

чен к административной ответственности по ч. 6 ст. 12.31.1 КоАП РФ, а водитель — по ч. 1 ст. 12.23 КоАП РФ в связи с нарушением предельной вместимости, указанной изготовителем автобуса (во время перевозки в нем находилось 26 пассажиров вместо 19). Индивидуальный предприниматель был привлечен к административной ответственности, несмотря на то что указал, что создал все условия для надлежащего оказания услуги перевозки пассажиров: «назначил ответственное за безопасность дорожного движения лицо, утвердил график выезда должностных лиц для контроля на линии, ведет журнал об инструктажах с водительским составом по безопасности движения, разработал и утвердил должностную инструкцию водителя К., согласно которой на водителя возлагается обязанность обеспечения безопасности перевозок пассажиров»²⁰.

6. Эксплуатация технически неисправного транспорта

Техническое состояние транспортного средства непосредственно влияет на вероятность возникновения ДТП, уровень травматизма и степень риска для участников дорожного движения. Последствия эксплуатации неисправного транспорта варьируются от незначительных поломок до серьезных ДТП, приводящих к гибели людей и значительным материальным убыткам.

В то же время несоответствие технических характеристик транспортного средства заявленным в условиях договора перевозки пассажиров является нарушением законодательства о защите прав потребителей. В деле № А70-13174/2024 рассматривался спор о взыскании убытков с индивидуального предпринимателя в связи с ухудшенными характеристиками ис-

пользованного транспортного средства: автобусы не были оборудованы мягкими откидными сидениями для пассажиров, как это было предусмотрено условиями оказания услуг. Судом отмечена важность для безопасности пассажиров соблюдения условий, оговоренных соглашением сторон: «Наличие мягких откидных сидений может рассматриваться заказчиком как один из важных показателей технического состояния транспортного средства и включаться в состав технических требований конкурсной документации»²¹.

Эксплуатация транспортных средств, имеющих неисправности тормозной системы, рулевого управления, фар, стеклоочистителей и других элементов (ст. 12.5 КоАП РФ), предусматривает административную ответственность в сфере безопасности дорожного движения и ведет к наложению административного наказания, размер штрафа составляет от 500 до нескольких тысяч рублей.

Итак, двойственность административной ответственности является особенностью сферы пассажирских перевозок автомобильным транспортом, когда одна и та же объективная сторона административного правонарушения посягает на различные общественные отношения и наказывается разными административными санкциями. Возможность применения двойной ответственности по-прежнему остается дискуссионной, особенно с учетом расширения государственной политики по снижению административной нагрузки на деятельность малых форм бизнеса, в том числе индивидуальных предпринимателей.

По мнению автора статьи, привлечение индивидуальных предпринимателей к административной ответственности за нарушения правил перевозки пассажиров автомобильным

²⁰ Постановление Верховного Суда РФ от 02.03.2023 № 37-АД23-1-К1 // Юридическая информационная система «Легалакт — законы, кодексы и нормативные правовые акты Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02032023-n-37-ad23-1-k1/> (дата обращения: 01.09.2025).

²¹ Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 30.06.2025 по делу № А70-13174/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/851a504a-8f66-45c8-951c-35e9d1c386b4/7015ae85-1d45-40fe-83c0-da6f98762098/A70-13174-2024_20250630_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2025).

транспортом по разным статьям КоАП РФ не является нарушением принципа недопустимости двойного привлечения к административной ответственности, предусмотренного частью 5 ст. 4.1 КоАП РФ. В сфере пассажирских перевозок одними и теми же деяниями нарушаются правила безопасности дорожного движения и требований законодательства о защите прав потребителей, т.е. различные общественные отношения. При этом административные санкции назначаются по разным статьям КоАП РФ за различные административные правонарушения, у которых совпадает только один элемент состава — объективная сторона, но не идентичен объект и нередко субъект административного правонарушения. Ограничение административной ответственности рассмотрением нарушения только одной сферы общественных отношений влияло бы на эффективность реализации охранительной функции административного права.

Для защиты прав граждан необходимо грамотное комплексное использование всех имеющихся возможностей. Поскольку нарушение требований к безопасности дорожного движения при пассажирских перевозках становится причиной привлечения индивидуального предпринимателя и к ответственности за нарушение требований законодательства о защите прав потребителей, необходимо рассмотреть вопрос эффективности взаимодействия контрольно-надзорных органов (ГАИ, Ространснадзор) при обмене с потребителями услуг информацией о возложении ответственности. В данном случае пассажиры — потребители услуг выступают субъектом контроля частного права. Данный институт в России слабо развит в связи с отсутствием правовых оснований. Вместе с тем контроль со стороны пассажиров мог бы помочь предотвращать отдельные административные правонарушения перевозчиков.

Транспортной стратегией Российской Федерации в рамках цифровизации перевозки пассажиров предусмотрено введение цифрового профиля пассажира²². Проект «Зеленый цифровой коридор пассажира»²³ предусматривает использование биометрических данных граждан для повышения уровня сервиса, например для сокращения времени в пути, количества мошеннических действий, обеспечения необходимого уровня безопасности. Передача информации между контрольно-надзорными органами и потребителями услуг могла бы осуществляться посредством указанного профиля. Оповещение о факте привлечения перевозчика к административной ответственности способствовало бы гарантированной защите прав пассажира. Сообщения о фактах нарушений правил дорожного движения и ненадлежащего качества перевозки пассажиров в конечном счете смогли бы обеспечить повышение безопасности указанных услуг.

Итак, нами рассмотрена проблема возложения на индивидуальных предпринимателей двойной административной ответственности за административные правонарушения в сфере пассажирских перевозок автомобильным транспортом. В ходе анализа доказано, что законодательство не запрещает применять административную ответственность как за нарушение в сфере безопасности дорожного движения, так и за нарушение в сфере защиты прав потребителей. Автором по итогам исследования сделан вывод об отсутствии нарушения принципа недопустимости возложения двойной административной ответственности за одни и те же административные правонарушения. В связи с этим предлагается усовершенствовать взаимодействие контрольных органов и пострадавших потребителей посредством использования цифрового профиля пассажира для оповещения пассажиров о возложении на перевозчика административной ответственности.

²² Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

²³ Распоряжение Правительства РФ от 03.11.2023 № 3097-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8274.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баканов К. С. Обеспечение безопасности дорожного движения перевозчиком как условие надлежащего оказания услуг по перевозке пассажиров // Пролог : журнал о праве. — 2023. — № 4 (40). — С. 50–58.
2. Баканов К. С., Исаев М. М. Одновременное применение к перевозчику нескольких мер ответственности за нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 6. — С. 26–31.
3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор / под общ. ред. Портashникова О. М. и Митрошина Д. В. // Официальный сайт Научного центра БДД МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (дата обращения: 01.09.2025).
4. Эбзеев А. А., Судоргин О. А., Нестерчук О. А., Иванов В. Г. Влияние политики на транспортную систему Российской Федерации // Управление. — 2023. — № 2. — С. 35–44.

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakanov K. S. Obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya perevozchikom kak uslovie nadlezhashchego okazaniya uslug po perevozke passazhirov // Prolog: zhurnal o prave. — 2023. — № 4 (40). — S. 50–58.
2. Bakanov K. S., Isaev M. M. Odnovremennoe primeneniye k perevozchiku neskol'kikh mer otvetstvennosti za narusheniye trebovaniy po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2023. — № 6. — S. 26–31.
3. Dorozhno-transportnaya avariynost v Rossiyskoy Federatsii v 2024 godu. Informatsionno-analiticheskiy obzor / pod obshch. red. Portashnikova O. M. i Mitroshina D. V. // Ofitsialnyy sayt Nauchnogo tsentra BDD MVD Rossii. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (data obrashcheniya: 01.09.2025).
4. Ebzeev A. A., Sudorgin O. A., Nesterchuk O. A., Ivanov V. G. Vliyanie politiki na transportnuyu sistemu Rossiyskoy Federatsii // Upravleniye. — 2023. — № 2. — S. 35–44.

Подходы к правовой квалификации операций по приобретению и продаже собственных акций (долей) в целях налогообложения прибыли

Аннотация. Актуальность исследования определена тем, что в российском законодательстве собственные акции (доли), приобретенные хозяйственным обществом, продолжают рассматриваться в качестве имущественного блага, имущественного актива. Законодательство некоторых зарубежных стран, например США, Великобритании, Швейцарии, запрещает определять собственные акции как актив, поскольку их приобретение организацией приводит к ее «обеднению», что обосновывается в том числе экономико-бухгалтерским содержанием такой операции. Одновременно с этим в законодательстве обозначенных зарубежных стран операции с собственными акциями квалифицируются в качестве операций с капиталом и не подпадают под налогообложение прибыли. Особое внимание уделяется теоретическим представлениям ученых из США, поскольку в этой стране имеется сформировавшаяся за последние 100 лет практика правовой квалификации операций с казначейскими (собственными) акциями в целях налогообложения. Выделяются две основные точки зрения: 1) собственные акции квалифицируются в качестве актива, а значит, операции с ними попадают в сферу налогообложения; 2) собственные акции не являются активом, и операции с ними квалифицируются в качестве операций с капиталом, а значит, не попадают в сферу налогообложения прибыли. Вторая точка зрения в настоящее время является доминирующей, но осталась без должного внимания в российском научном сообществе. Перспективы развития темы исследования состоят в обсуждении вопроса в части квалификации операций с собственными долями (акциями) в качестве операций с капиталом и инкорпорировании этого принципа в российское корпоративное и налоговое законодательство.

Ключевые слова: собственные акции; казначейские акции; собственные доли; операции с капиталом; налогообложение акций; допущение о временном удержании; допущение о выбытии; налоговое право; корпоративное право; собственный капитал

Для цитирования: Аксентьев А. А. Подходы к правовой квалификации операций по приобретению и продаже собственных акций (долей) в целях налогообложения прибыли // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 30–45. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.030-045

© Аксентьев А. А., 2026

* Аксентьев Андрей Андреевич, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса, консультант Департамента регулирования бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности Министерства финансов Российской Федерации
Ильинка ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 109097
anacondaz7@rambler.ru

Approaches to the Legal Characterization of Transactions Involving the Acquisition and Sale of Treasury Shares (Equity Interests) for Corporate Income Tax Purposes

Andrei A. Aksentyev, Counselor of the State Civil Service of the Russian Federation, Third Class;
Consultant, Department for the Regulation of Accounting, Financial Reporting, and Auditing
Activities, Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
anacondaz7@rambler.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that, under Russian legislation, treasury shares (interests) acquired by a business entity continue to be treated as property and as a corporate asset. In contrast, the legislation of certain foreign jurisdictions, including the United States, the United Kingdom, and Switzerland, prohibits the classification of treasury shares as assets, since their acquisition by a corporation results in a reduction of the corporation's wealth, a position supported, *inter alia*, by the economic and accounting substance of such transactions. At the same time, the laws of these jurisdictions characterize transactions involving treasury shares as capital transactions, thereby excluding them from profit taxation. Particular attention is devoted to the theoretical approaches developed by U.S. scholars, as the United States has established over the past century a well-developed practice of legally characterizing transactions involving treasury shares for tax purposes. The paper describes two principal approaches: (1) treasury shares are classified as assets, and therefore transactions involving them fall within the scope of taxation; and (2) treasury shares do not constitute assets, and transactions involving them are characterized as capital transactions, thereby falling outside the scope of profit taxation. The second approach currently predominates, yet it has not received sufficient attention within Russian legal scholarship. The prospects for further research lie in advancing the discussion regarding the classification of transactions involving treasury shares (interests) as capital transactions and in incorporating this principle into Russian corporate and tax legislation.

Keywords: treasury shares; treasury stock; treasury interests; capital transactions; taxation of shares; temporary holding assumption; retirement assumption; tax law; corporate law; shareholders' equity

Cite as: Aksentyev AA. Approaches to the Legal Characterization of Transactions Involving the Acquisition and Sale of Treasury Shares (Equity Interests) for Corporate Income Tax Purposes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):30-45. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.030-045

Введение: обоснование проблематики

Конституционный Суд РФ принял постановление от 21.01.2025 № 2-П¹, которое касается налогообложения экономической выгоды, возникающей у общества с ограниченной ответственностью (ООО) при передаче им имущества в счет выплаты действительной стоимости доли (ДСД) участнику, вышедшему из данного общества.

В российской правоприменительной практике выбытие имущества в счет выплаты ДСД в уставном капитале общества при выходе из него участника рассматривалось в качестве реализации² в смысле п. 1 ст. 39 НК РФ. При этом реализацией признавалась передача имущества сверх первоначального взноса участника общества. В связи с этим у ООО мог возникнуть объект налогообложения по ст. 247 НК РФ в отношении

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2025 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346.15 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 5. Ст. 403.

² См., в частности: письмо Минфина России от 05.11.2019 № 03-03-06/1/84931 // URL: <https://base.garant.ru/72974240/>; решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23.10.2023 по делу № А65-16913/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/abb45b00-94a5-4830-b6c7-bda68f98fbe4>.

разницы между ДСД участника ООО и стоимостью выбывающего имущества, определенной по данным налогового учета общества.

В мотивировочной части постановления КС РФ № 2-П представлена следующая позиция в части квалификации выбытия имущества в счет выплаты ДСД в качестве дохода от реализации: «[доход налогоплательщика] не может определяться по стоимости выбывшего имущества, т.е. исходя из размера имущественных потерь налогоплательщика»³. Конституционный Суд РФ ссылается на то, что ООО с точки зрения специфики корпоративных отношений при передаче имущества в счет оплаты ДСД исполняет свою обязанность, предусмотренную пунктом 6.1 ст. 23 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁴ (далее — Закон «Об ООО»), что не содержит цели получения дохода от ведения предпринимательской деятельности⁵.

Позицию Конституционного Суда РФ можно перенести в плоскость бухгалтерского учета, где экономический субъект при приобретении доли участника общества сначала начислит свои обязательства перед ним (Дебет 81 «Собственные акции (доли)» Кредит 75 «Расчеты с учредителями»)⁶ и впоследствии погасит свою кредиторскую задолженность денежными средствами (Дебет 75 Кредит 51 «Расчетные счета») и/или в натуральной форме (Дебет 75 Кредит 41 «Товары», 43 «Готовая продукция», 10 «Материалы», 01 «Основные средства» и др.). В контексте постановления КС РФ № 2-П выбытие имущества носит характер отчуждения⁷, высту-

пает имущественной потерей⁸ налогоплательщика (экономического субъекта). Формулировка «имущественная потеря» с точки зрения бухгалтерского учета является спорной, поскольку оценить конечный финансовый результат от «выкупленной» доли вышедшего участника будет возможно после ее перераспределения или продажи в соответствии с п. 2 ст. 24 Закона «Об ООО». До этого по дебету счета 81 аккумулируются фактические затраты по выкупу доли участника ООО. С точки зрения бухгалтерского баланса дебетовое сальдо счета 81 включается в состав отрицательного показателя «Собственные акции, принадлежащие обществу, задолженность акционеров по оплате акций»⁹, который уменьшает значение третьего раздела баланса «Капитал».

Спорной является также следующая формулировка Конституционного Суда РФ: «...экономическая выгода такого налогоплательщика *может быть определена по полученному им имущественному благу в виде доли вышедшего участника* (курсив мой. — А. А.), фактическая стоимость которой может даже превышать фактическую стоимость переданного имущества»¹⁰. Такая ситуация возможна в случае, когда ДСД меньше рыночной оценки доли участника общества. Однако представляется дискуссионным говорить о наличии экономической выгоды, которую получает ООО, до момента, когда выкупленная доля не будет распределена/продана (или погашена по п. 5 ст. 24 Закона «Об ООО», т.е. в счет уменьшения уставного капитала¹¹).

Аналогом собственной доли для российского акционерного общества являются собственные

³ См.: абз. 2 п. 4.4 постановления КС РФ № 2-П.

⁴ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

⁵ См.: абз. 4 п. 4.3 постановления КС РФ № 2-П.

⁶ На примере Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению, утв. приказом Минфина России от 31.10.2000 № 94н.

⁷ См.: абз. 7 п. 4.3 постановления КС РФ № 2-П.

⁸ См.: абз. 2 п. 4.4 постановления КС РФ № 2-П.

⁹ См.: п. 66 ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность», утв. приказом Минфина России от 04.10.2023 № 157н.

¹⁰ См.: абз. 2 п. 4.4 постановления КС РФ № 2-П.

¹¹ Но и в этом случае с бухгалтерской точки зрения уставный капитал будет уменьшен на номинальную величину «погашаемой» доли; а затраты, аккумулируемые на счете 81 и превышающие номинальную

акции. Порядок их налогообложения регламентирован в ст. 280 НК РФ и не предусматривает каких-либо исключений для ситуации «прибыльной»¹² перепродажи¹³. Другими словами, если общество выкупит собственные акции и впоследствии перепродает их дороже, то возникнет налогооблагаемый доход.

Исходя из этого в российском законодательстве «удержание» приобретенных обществом собственных акций (долей) определяется в качестве некоего актива. Так, в постановлении КС РФ № 2-П акцент делается на имущественном благе¹⁴. Аналогичную позицию высказывают российские правоведы. Например, Н. Г. Фроловский долю в уставном капитале, отчужденную в пользу общества, называет специфическим активом¹⁵. Д. В. Ломакин подчеркивает, что «законодательство рассматривает долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью исключительно в качестве имущественного актива...»¹⁶. В свою очередь, «выкуп» обществом долей (акций) рассматривается как средство реализации низколиквидного актива¹⁷.

Здесь следует акцентировать внимание не столько на правовом, сколько на экономиче-

ском содержании собственных долей (акций). Научный вопрос состоит в том, насколько оправданно квалифицировать их получение обществом в качестве имущественного блага или в более широком смысле рассматривать как актив? Ведь именно характер собственной доли как актива влияет на квалификацию ее перепродажи в качестве налогооблагаемого дохода.

Если обратиться к практике Великобритании, то согласно Закону о финансах 2003 г.¹⁸ среди прочего:

— приобретение собственных акций (own shares) не рассматривается как приобретение актива (разд. 195(2));

— удержание (хранение) собственных акций рассматривается так, как если бы они были аннулированы (разд. 195(4)(b));

— последующее отчуждение собственных акций какому-либо лицу рассматривается как выпуск новых акций (разд. 195(8)(b)).

Другими словами, Закон о финансах 2003 г. понимает операцию по приобретению собственных акций как их аннулирование, «независимо от того, были ли они фактически аннулированы или находились в казначействе»¹⁹. В случае

стоимость доли, могут быть списаны за счет различных источников (резервного, добавочного капитала, нераспределенной чистой прибыли).

¹² Здесь и далее слово «прибыльная» (в контексте: продажа собственных акций) берется в кавычки, поскольку используется в широком описательном смысле для обозначения «положительной» разницы между ценой продажи и ценой приобретения собственных акций хозяйственным обществом. Аналогично поступает, например, W. A. Paton, который слово «прибыль» (profit) берет в кавычки (см.: *Paton W. A. Postscript on «Treasury» Shares* // *The Accounting Review*. 1969. Vol. 44. No. 2. P. 280). При этом важно учитывать, что выражение «прибыльная продажа» в более узком смысле может употребляться применительно к налогообложению прибыли.

¹³ См., например: письмо Минфина России от 28.05.2015 № 03-03-06/1/30804 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=253776> (дата обращения: 11.09.2025).

¹⁴ См.: абз. 2 п. 4.4 постановления КС РФ № 2-П.

¹⁵ Фроловский Н. Г. К вопросу о правилах приобретения и отчуждения обществом с ограниченной ответственностью доли в уставном капитале // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2009. № 11. С. 25.

¹⁶ Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 173.

¹⁷ Ломакин Д. В. Указ. соч. С. 299.

¹⁸ Finance Act 2003 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/14/section/195> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁹ CG50209 — Определения: казначейские акции. Внутреннее руководство HMRC : Руководство по приросту капитала // URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/capital-gains-manual/cg50209> (дата обращения: 10.09.2025).

перепродажи собственных акций такая операция рассматривается как «выпуск новых акций этому лицу и не рассматривается как продажа этих акций»²⁰, что с экономической точки зрения воспринимается по аналогии с российской практикой формирования уставного капитала, где превышение цены размещения акций над их номинальной стоимостью квалифицируется как эмиссионный доход²¹. «Прибыльная» перепродажа собственных акций регламентируется «как если бы они были выпущены с премией»²², представляющей этот излишек»²³ (разд. 195(8)(f) Закона о финансах 2003 г.).

В Великобритании под корпоративное налогообложение в соответствии с разд. 4 Закона о корпоративном налоге 2010 г.²⁴ подпадает налогооблагаемая прибыль. При этом Закон о компаниях 2006 г. строго предписывает учитывать эмиссионную премию на специальном бухгалтерском счете the share premium account (разд. 610 Закона о компаниях 2006 г.²⁵), который в соответствии с разд. 831 Закона о компаниях 2006 г.²⁶ назван нераспределяемым резервом (undistributable reserves) и включен в состав чистых активов, ограниченных к распределе-

нию. Выражаясь иначе, эмиссионная премия является частью чистых активов (собственного капитала) организации.

Таким образом, исходя из взаимосвязи норм разд. 195 Закона о финансах 2003 г., разд. 831 Закона о компаниях 2006 г. и разд. 4 Закона о корпоративном налоге 2010 г., следует, что операции с собственными акциями квалифицируются в качестве операций с капиталом и не попадают в сферу действия Закона о корпоративном налоге 2010 г.

Аналогичной практики придерживаются США. Так, в соответствии с параграфом 1.1032-1 раздела 26 Налогового кодекса²⁷ операции с казначейскими акциями (treasury shares, аналог собственных акций) не приводят к возникновению налогооблагаемой прибыли.

Проблематика исследования определяется также тем, что Федеральный верховный суд Швейцарии в решении от 06.06.2024 № 9C_135/2023 в мотивировочной части определил, что «доходы от перевыпуска казначейских акций, признанные непосредственно в капитале, не являются налогооблагаемым доходом, а представляют собой нейтральный с точки

²⁰ CG50287 — Определения: выпуск акций не является отчуждением: акции, удерживаемые в казначействе. Внутреннее руководство HMRC: Руководство по приросту капитала // URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/capital-gains-manual/cg50287> (дата обращения: 10.09.2025).

²¹ См., например: письмо Минфина России от 15.09.2009 № 03-03-06/1/582 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=142501> (дата обращения: 07.10.2025); письмо Минфина России от 27.11.2020 № 03-03-05/103560 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=378151> (дата обращения: 07.10.2025); п. 68 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации, утв. приказом Минфина России от 29.07.1998 № 34н.

²² Здесь слово «премия» (premium) используется в смысле разницы между ценой продажи и ценой приобретения собственной акции. В российской практике неверно применяется выражение «эмиссионный доход», что по бухгалтерскому смыслу относится только к цене продажи.

²³ Здесь слово excess употребляется в смысле «излишек», «превышение» (как превышение цены продажи над ценой приобретения). Разница между premium и excess состоит в том, что «премия» — более узкое бухгалтерское понятие (эмиссионная премия, которая учитывается в составе добавочного капитала). А excess — более широкое слово, означающее превышение как таковое.

²⁴ Corporation Tax Act 2010 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/4/section/4> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁵ Companies Act 2006 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/610> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁶ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/831> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁷ Internal Revenue // URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-26/chapter-I/subchapter-A/part-1/subject-group-ECFRbf83dcc4bd89326/section-1.1032-1> (дата обращения: 10.09.2025).

зрения налогообложения взнос в капитал»²⁸. В этом решении выделяются среди прочего следующие правовые особенности:

- выкуп корпорацией собственных акций приводит к ее обеднению (п. 3.2);
- налоговое право... предполагает отток средств из корпорации к акционерам и, как правило, рассматривает выкуп собственных акций как частичную ликвидацию (п. 3.2);
- выкупленные собственные акции не являются эффективным активом (п. 3.2.3).

В России операции с собственными акциями не облагаются налогом на прибыль, если их погашение направлено на уменьшение уставного капитала²⁹. Отсюда вопрос: когда в Великобритании, США и Швейцарии операции с собственными акциями квалифицируются в качестве операций с капиталом, а в России — попадают в сферу налогообложения прибыли? Если строго применять принцип американской, великобританской и швейцарской практики, то операции по приобретению и продаже собственных акций (долей) не должны подпадать под налогообложение прибыли. По нашему мнению, в постановлении КС РФ № 2-П сделаны выводы, противоречащие не только зарубежной правовой практике, но и экономико-бухгалтерскому содержанию операций с собственными акциями (долями).

В постановлении КС РФ № 2-П речь идет о собственных долях ООО, но они имеют единую при-

роду с собственными акциями. К этому выводу с точки зрения теории права пришел А. А. Кузнецов, который выделил единую природу долей (акций), также представляющих собой единый объект, в котором заключены права и обязанности участников (акционеров) хозяйственных обществ³⁰. Поэтому далее в статье собственные доли и собственные акции строго не разграничиваются.

Подходы к правовой квалификации операций по приобретению (продаже) собственных акций через призму их экономико-бухгалтерского содержания³¹

С точки зрения системы российских стандартов бухгалтерского учета отчуждение доли обществу отражается по дебету счета 81 «Собственные акции (доли)», который является регулятивом (контрарным) к счету 80 «Уставный капитал»³². Несмотря на это, фактические затраты общества на выкуп доли по своей бухгалтерско-правовой природе привязаны к собственному капиталу общества.

Здесь следует пояснить, что цель использования счета 81 состоит не столько в регулировании размера собственного капитала³³ и искусственном аннулировании доли (акций), как если бы эта операция имело место³⁴, сколько в фиксации потенциальной «имущественной потери» самого экономического субъекта (обособленного от

²⁸ См.: Urteil vom 6. Juni 2024 (9C_135/2023). Е. 2 // URL: http://relevancy.bger.ch/php/aza/http/index.php?highlight_docid=aza://06-06-2024-9C_135-2023&lang=fr&zoom=&type=show_document (дата обращения: 15.09.2025).

²⁹ См.: письмо Минфина России от 04.08.2020 № 03-03-06/1/68011 // URL: <https://base.garant.ru/74491065/> (дата обращения: 11.09.2025).

³⁰ Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы (окончание) // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 4. С. 45–46.

³¹ Следует подчеркнуть, что, например, в США в первой половине XX в. специалисты в области права активно ссылались на бухгалтеров, поскольку в ходе судебных разбирательств для квалификации операций по продаже (приобретению) казначейских акций в целях налогообложения принималось во внимание их бухгалтерское содержание. Аналогично в решении от 06.06.2024 № 9C_135/2023 Федеральный верховный суд Швейцарии ссылается на бухгалтерское законодательство. Поэтому в настоящей работе мы опираемся на исследования в области теории бухгалтерского учета.

³² Кутер М. И. Введение в бухгалтерский учет : учебник. Краснодар : Просвещение-Юг, 2012. С. 315, 374.

³³ Луговской Д. В., Кузнецов А. В. Бухгалтерский учет и отражение в отчетности собственных акций: проблемы и решения // Всё для бухгалтера. 2008. № 11 (227). С. 19.

³⁴ Луговской Д. В., Абросимова Ю. А. Модели оценки собственного капитала в статической, динамической и актуарной учетной концепции // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 6 (300). С. 18.

собственников). С точки зрения организации такая имущественная потеря не включается в состав ни активов, ни убытков. Отсюда, по нашему мнению, ошибочна формулировка Д. В. Луговского, А. В. Кузнецова, называющих акционерное общество, которое выкупило собственные акции, совладельцем самого себя³⁵. Если придерживаться позиции Е. Ю. Мартыановой, то с правовой точки зрения обществу переходят дезактивированные права участия в этом обществе³⁶, от лица которого сам факт получения таких прав не содержит экономических выгод (потерь). Последние могут возникнуть в случае, если доля, перешедшая обществу, будет продана им новым или текущим участникам выше (ниже) цены приобретения собственной доли. Но и здесь «прибыль» от продажи собственной доли имеет характер эмиссионной премии.

Несмотря на это, правовая квалификация продажи собственной доли третьим лицам также является дискуссионной. Так, W. L. Roberts приходит к следующим выводам³⁷:

1) казначейские акции (они же собственные акции, выкупленные обществом) в зависимости от той или иной точки зрения могут рассматриваться как актив (*assets*), имущество (*property*), объект, находящийся «в подвешенном состоянии» (*as held in suspense*); объект, который был (*as though retired*);

2) правовая фикция заключается в том, что «при покупке акций компанией контракт расторгается, а при продаже казначейских акций заключается новый контракт, в результате чего создается новая доля участия в компании»;

3) в части вопроса налогообложения приобретения/покупки собственных акций отсутствует единая правовая позиция.

W. L. Roberts, опираясь на судебные решения в США, приводит такой принцип: «Операции с капиталом не облагаются налогом [на прибыль]»³⁸. Причем в одних случаях (например, при использовании собственных акций с целью оплаты или частичной оплаты при покупке имущества или их предоставления в качестве компенсации по предъявленному к ней иску³⁹) операция с собственной акцией не квалифицируется как операция с капиталом, а значит, подпадает под налогообложение; а в других случаях (например, при продаже собственных акций с целью привлечения капитала, восстановления капитала) — наоборот, а значит, не подпадает под налогообложение.

Аналогичную правовую и бухгалтерскую проблематику рассматривает W. D. Dunlap: казначейские акции, находящиеся в собственности организации, не являются активом, поскольку их удержание даже при ликвидации экономического субъекта «не принесет дохода кредиторам или акционерам...»⁴⁰. В связи с этим в теории бухгалтерского учета казначейские акции не трактуются как актив и отражаются в качестве «вычета из непогашенного капитала, что фактически является уменьшением [собственного] капитала»⁴¹.

Формулировка «имущественная потеря» в полной мере не объясняет экономическое содержание операции по выкупу (приобретению) обществом собственной доли. Скорее, как выразился W. L. Roberts, уместнее говорить о фикции как правовой, так и бухгалтерской:

1) с правовой точки зрения отчужденная в пользу общества доля в виде дезактивированных прав⁴² в конечном итоге должна или перейти новому участнику, или быть аннулирована, или быть распределена между участниками, в связи с чем организация опосредует (т.е. исполняет

³⁵ Луговской Д. В., Кузнецов А. В. Указ. соч. С. 16.

³⁶ Мартыанова Е. Ю. Партисипативное правопреемство в абсолютных имущественных гражданских правах: постановка вопроса // *Ex Jure*. 2018. № 3. С. 69.

³⁷ Roberts W. L. Taxation of Taxation of Treasury Stock // *Kentucky Law Journal*. 1950. Vol. 38. No. 3. P. 337–338, 345.

³⁸ Roberts W. L. *Op. cit.* P. 345.

³⁹ Roberts W. L. *Op. cit.* P. 346.

⁴⁰ Dunlap W. D. The Legal Status of Treasury Stock // *Texas law and legislation*. 1947. Vol. 1. No. 2. P. 300–301.

⁴¹ Dunlap W. D. *Op. cit.* P. 301.

⁴² Мартыанова Е. Ю. Указ. соч.

свою публично-правовую обязанность⁴³) ранее «активированные» права другому участнику;

2) с бухгалтерской точки зрения в признании счета, на котором учитываются выкупленные акции (доли), контрарным (т.е. регулирующим собственный капитал экономического субъекта) преследуется цель не просто снизить собственный капитал, а зафиксировать потенциальный убыток (потенциальную имущественную потерю), который возникнет у общества (экономического субъекта) в случае аннулирования собственных акций или их распределения без возмещения фактических затрат организации на их выкуп.

С позиции статической учетной идеологии следует согласиться с Д. В. Луговским, Ю. А. Абросимовой в том, что российский счет 81 приближает размер собственного капитала к текущим экономическим реалиям⁴⁴. Несмотря на это, если строго следовать логике, что приобретение/продажа собственных долей (акций) квалифицируется в качестве операций с капиталом, то и цель, как отмечают W. D. Dunlap и W. L. Roberts, должна состоять в сохранении или увеличении капитала⁴⁵. Обратим внимание, что до тех пор, пока выкупленные доли (акции) не аннулированы / не перепроданы, фактические затраты на их приобретение строго не квалифицируются в качестве убытков, т.е. они зависят от контрпассивного счета 81.

J. C. Ray выделяет два подхода к правовому содержанию казначейских акций⁴⁶:

1) цель приобретения собственных (казначейских) акций состоит не в их аннулировании, а в последующем переоформлении⁴⁷;

2) приобретение собственных (казначейских) акций по своему содержанию то же самое, что и приобретение акций для выбытия («расторжение договора» с участником, акционером).

С первой точки зрения «допущение о временном удержании» (temporary holding assumption) позволяет квалифицировать казначейские акции в качестве «элемента капитала, ожидающего окончательного распоряжения»⁴⁸. Интересно обратить внимание, что в случае «перепродажи» казначейских акций по цене ниже/выше стоимости их приобретения разницу следует включать не в счет нераспределенной прибыли⁴⁹ (retained surplus), а в состав добавочного капитала (paid-in surplus)⁵⁰. Списание нераспределенной прибыли возможно в случае отсутствия добавочного капитала для покрытия «потери» от перепродажи казначейских акций⁵¹.

Со второй точки зрения приобретение и перепродажа собственных акций рассматриваются как две независимые операции, в основе чего лежит допущение о выбытии (retirement assumption). Смысл этого допущения состоит в том, что в результате сделки по приобретению собственных акций «расторгается договор между корпорацией и акционером»⁵², а сделка по продаже собственных акций рассматривается уже как новый договор⁵³. Следовательно, «приобретение корпорацией собственных акций представляет собой сокращение структуры ее капитала»⁵⁴. Если применить принцип приоритета экономического содержания над правовой формой, то в целях составления финансовой

⁴³ Лапач В. А. Доля в уставном капитале как имущество // ЭЖ-Юрист. 2005. № 28.

⁴⁴ Луговской Д. В., Абросимова Ю. А. Указ. соч. С. 18.

⁴⁵ Roberts W. L. Op. cit. P. 345 ; Dunlap W. D. Op. cit. P. 307–308.

⁴⁶ Ray J. C. Accounting for Treasury Stock // The Accounting Review. 1962. Vol. 37. No. 4. P. 753–754.

⁴⁷ Ray J. C. Op. cit. P. 753.

⁴⁸ Karrenbrock W. E., Simons H. Intermediate Accounting (comprehensive volume, third edition; Cincinnati: South-Western Publishing Co., 1958. P. 659–661.

⁴⁹ Аналог счета 84 «Нераспределенная чистая прибыль (непокрытый убыток)».

⁵⁰ Ray J. C. Op. cit. P. 754–755.

⁵¹ Ray J. C. Op. cit. P. 754–755.

⁵² Ray J. C. Op. cit. P. 755.

⁵³ Roberts W. L. Op. cit. P. 345.

⁵⁴ Ray J. C. Op. cit. P. 755.

отчетности «как погашение, так и покупка собственных акций по существу одно и то же»⁵⁵.

G. R. Husband, A. N. Lorig, C. T. Sweeney сделку по перепродаже собственных (казначейских) акций по ее природе приравнивают к первоначальной продаже⁵⁶. В определенной степени такая позиция противопоставляется ранее рассмотренному допущению о выбытии, в соответствии с которым сделка по продаже собственных акций производится между новым акционером и корпорацией. А поскольку это новый акционер, то полученные организацией средства квалифицируются по характеру так же, как и первоначальная инвестиция. При первоначальной эмиссии акций полученная организацией эмиссионная премия не квалифицируется в качестве прибыли. Следовательно, если придерживаться этой точки зрения, при перепродаже собственных (казначейских) акций никакой прибыли не возникает, а происходит корректировка собственного капитала. G. R. Husband, A. N. Lorig, C. T. Sweeney высказываются против того, чтобы рассматривать положительную разницу между ценой продажи и ценой приобретения в качестве выгоды (gain), поскольку в последнем случае появляются основания, чтобы включить обозначенную разницу («прибыль» от продажи) в состав нераспределенной чистой прибыли организации, которую собственники бизнеса смогут направить, например, на выплату дивидендов в свою пользу. Авторы не исключают и иную точку зрения: организация как обособленный экономический субъект может «не рассматривать сделку с казначейскими акциями как уменьшение или увеличение своего капитала, скорее, она покупает свои собственные акции с намерением впослед-

ствии перепродать их по более высокой цене и получить прибыль»⁵⁷. В рамках этой научной позиции собственные акции рассматриваются по характеру, как и другие акции, «в качестве временной инвестиции».

W. H. Bell придерживается позиции, что «оценка [казначейских акций] должна зависеть от обстоятельств их приобретения и намерений относительно их продажи»⁵⁸. Например, если организация приобрела собственные акции с целью их удержания на неопределенный срок, то балансовая стоимость таких собственных акций должна быть скорректирована до их номинала, в связи с чем⁵⁹:

— если собственные акции были приобретены со «скидкой», то ее «следует зачислять на специальный резервный счет и ни в коем случае не рассматривать как прибыль, доступную для распределения в качестве дивидендов»;

— если собственные акции были приобретены с «премией», то «выплаченная премия фактически является покупкой доли прибыли, относящейся к акциям, и, следовательно, должна быть отнесена на счет прибыли».

При этом если собственные (казначейские) акции были получены безвозмездно, то «любая стоимость, заложенная в них, должна быть зачислена на резервный счет [добавочный капитал]»⁶⁰. В настоящее время данный подход с точки зрения бухгалтерского учета в части доведения первоначальной стоимости акций до их номинала устарел⁶¹. Несмотря на это, позиция W. H. Bell во многом коррелирует с выводами W. L. Roberts, в работе которого показано, что суды американской юрисдикции принимали решение о правомерности корпоративного налогообложения «прибыли» от продажи соб-

⁵⁵ Ray J. C. Op. cit. P. 757.

⁵⁶ Имеется в виду первоначальная эмиссия акций. См.: Husband G. R., Lorig A. N., Sweeney C. T. Accounting Postulates: An Analysis of the Tentative Statement of Accounting Principles // The Accounting Review. 1937. Vol. 12. No. 4. P. 397–398.

⁵⁷ Husband G. R., Lorig A. N., Sweeney C. T. Op. cit. P. 398.

⁵⁸ Bell W. H. Corporation Organization and Accounting II // Journal of Accountancy. 1918. Vol. 26. No. 3. P. 170.

⁵⁹ Bell W. H. Op. cit. P. 171.

⁶⁰ Bell W. H. Op. cit. P. 171.

⁶¹ Rueschhoff N. G. The evolution of accounting for corporate treasury stock in the United States // The Accounting Historians Journal. 1978. Vol. 5. No. 1. P. 2.

ственных акций в зависимости от цели налогоплательщика⁶².

В США вопросы налогообложения «прибыли», возникающей в результате продажи собственных (казначейских) акций, были крайне дискуссионными в течение первой половины XX в.⁶³ Так, Закон о доходах США от 1916 и 1917 гг. предписывал, что положительная разница между ценой продажи и ценой покупки собственных акций является доходом (income) корпорации, с которого должен быть уплачен налог⁶⁴: «Такой излишек возвращается в качестве дохода [налогооблагаемого] за год, в котором была перепродана»⁶⁵ (U.S. Treas. Reg. 33, Art. 98 (1916 and 1917 Acts)).

Однако Закон о доходах 1918 г. стал определять этот излишек («прибыль» от продажи собственных акций; в оригинальной формулировке excess — превышение, избыток, излишек) как операцию с капиталом, что не является доходом корпорации⁶⁶: «Если корпорация покупает какие-либо из своих акций и удерживает их в качестве казначейских, продажа таких акций будет рассматриваться как сделка с капиталом, а поступления⁶⁷ от такой продажи будут рассматриваться как капитал и не будут составлять доход корпорации. Корпорация не получает никакой выгоды или потери⁶⁸ от покупки своих собственных акций»⁶⁹ (U.S. Treas. Reg. 45, Art. 542 (1918 Act); U.S. Treas. Reg. 62, Art. 53 (1920 Act)).

С. Н. Rankin обращает внимание, что в первой редакции Закона о доходах 1918 г. применялось слово «покупка», а затем формулировки изменились в пользу «покупка или продажа»⁷⁰, что в явной форме сигнализирует о том, что операции и приобретения, и последующей продажи казначейских акций квалифицируются в качестве операций с капиталом.

Ситуация поменялась в 1934 г., когда Закон о доходах снова стал определять излишек от продажи собственных акций как прибыль, а не как операцию с капиталом. Так, в Положениях о казначействе (Treasury regulations) с поправками от 02.05.1934 регламентировалось следующее: «Но если корпорация торгует своими собственными акциями так же, как она могла бы торговать акциями другой корпорации, то результирующая выгода или потеря⁷¹ должны рассчитываться таким же образом, как если бы корпорация торговала акциями другой корпорации... Любая выгода, полученная от такой сделки, облагается налогом, а любая понесенная потеря допускается к вычету, если это разрешено положениями применимого законодательства»⁷².

W. A. Paton назвал такую позицию неприемлемой, «одной из самых серьезных проблем в истории подоходного налога (налога на прибыль. — прим. А. А.) на сегодняшний день»⁷³, «поскольку изменение методов бухгалтерского

⁶² См.: Roberts W. L. Op. cit. P. 345–346.

⁶³ Roberts W. L. Op. cit. ; Rueschhoff N. G. Op. cit. ; Paton W. A. Op. cit. P. 276–283 ; Rankin C. H. Income tax aspects of a corporation's dealings in its own shares // University of Pennsylvania law review. 1941. Vol. 89. No. 7. P. 934–959 ; Rankin C. H. Treasury Stock: A Source of Profit or Loss? // The Accounting Review. 1940. Vol. 15. No. 1. P. 71–77.

⁶⁴ Rueschhoff N. G. Op. cit. P. 3–4 ; Rankin C. H. Income tax aspects... P. 949–951.

⁶⁵ Цит. по: Rankin C. H. Income tax aspects... P. 950.

⁶⁶ Rankin C. H. Income tax aspects... P. 949–951.

⁶⁷ Англ. proceeds (поступления, выручка).

⁶⁸ От англ. gain or loss (с точки зрения бухгалтерской терминологии: прочие доходы и прочие расходы от второстепенных или случайных операций предприятия; в более широком смысле: прибыль или убыток от операции).

⁶⁹ Цит. по: Rankin C. H. Income tax aspects... P. 950.

⁷⁰ Rankin C. H. Income tax aspects... P. 950.

⁷¹ Англ. gain or loss.

⁷² Цит. по: Roberts W. L. Op. cit. P. 340.

⁷³ Paton W. A. Op. cit. P. 280.

учета может свести на нет действие нормативных актов»⁷⁴. В последнем случае имеется в виду влияние теории и практики бухгалтерского учета, ведь для обоснования своих позиций «адвокаты ссылались на теорию и практику бухгалтерского учета, и эти принципы обсуждались в некоторых [судебных] решениях»⁷⁵.

W. A. Paton выдвигает тезис о том, что весь объем поступлений от размещения акций, в том числе от повторного выпуска акций, ранее находившихся в обращении, должен рассматриваться в качестве капитала⁷⁶. Однако под влиянием правовых норм и бухгалтерских процедур происходит разграничение номинальной цены и «профицита»⁷⁷ (surplus). И чтобы соотнести этот «профицит» конкретно с «капиталом» в бухгалтерской практике, возник уточняющий термин «профицит капитала»⁷⁸ (capital surplus). Термин surplus также применялся в отношении нераспределенной прибыли (retained earnings)⁷⁹. Отсюда W. A. Paton выделяет проблему, что и профицит от продажи казначейских акций мог восприниматься прибылью (profit)⁸⁰. В связи с этим в бухгалтерской практике наблюдались случаи, когда такой профицит включался в состав выгод или потерь (gain or a loss, аналог прочих доходов и расходов), которые являются составной частью

чистого дохода (net income, аналог чистой прибыли) организации⁸¹.

В 1920-е гг. цены на акции на фондовом рынке США активно раздувались, в связи с чем менеджеры компаний могли специально признавать приобретение казначейских акций в качестве актива, а их перепродажу в составе прочих доходов — с целью завышения собственного капитала (чистых активов) и отчетной чистой прибыли⁸². Более того, W. A. Paton делится историческими сведениями, согласно которым в бухгалтерской практике некоторые компании признавали «дивиденды» по собственным (казначейским) акциям в составе инвестиционного дохода (income on investments)⁸³. Отсюда некоторые исследователи считают, что такой подход мог способствовать наступлению Великой депрессии в США в 1929 г.⁸⁴ Суды в решениях также стали рассматривать казначейские акции в качестве активов; а «прибыль» от их продажи — в качестве налогооблагаемого дохода⁸⁵. В связи с этим W. A. Paton считает, что недобросовестный учет операций с казначейскими акциями сбил Министерство финансов США с истинного пути⁸⁶.

Параллельно с этим некоторые законы штатов накладывали ограничение на распреде-

⁷⁴ Rueschhoff N. G. Op. cit. P. 4.

⁷⁵ Rankin C. H. Income tax aspects... P. 952.

⁷⁶ Paton W. A. Op. cit. P. 279–280.

⁷⁷ С точки зрения великобританской терминологии превышение (excess) цены размещения акций над их номинальной ценой называется премией (premium), а в американской терминологии — профитом (surplus).

⁷⁸ W. A. Paton крайне негативно высказывался в отношении понятия capital surplus, назвав его «финансовой галиматей» (см.: Paton W. A. Op. cit. P. 280). В данном случае capital surplus имеет характер добавочного капитала. В Великобритании используется термин Share Premium.

⁷⁹ См.: Storey R. K., Storey S. The Framework of Financial Accounting Concepts and Standards. Norwalk, CT : FASB, 1998. P. 5, 27, 55.

⁸⁰ Paton W. A. Op. cit. P. 280.

⁸¹ Paton W. A. Op. cit. P. 280.

⁸² Rueschhoff N. G. Op. cit. P. 3 ; Paton W. A. Op. cit. P. 280.

⁸³ Paton W. A. Op. cit. P. 280.

⁸⁴ May G. O. Influence of the Depression on the Practice of Accountancy // Journal of Accountancy. 1932. Vol. 54. No. 5. P. 344–345.

⁸⁵ Roberts W. L. Op. cit. P. 340 ; Dunlap W. D. Op. cit. P. 300–301 ; Rueschhoff N. G. Op. cit. P. 3 ; Rankin C. H. Income tax aspects...

⁸⁶ Paton W. A. Op. cit. P. 280.

ление «нераспределенной чистой прибыли» организацией в пользу акционеров при наличии казначейских акций⁸⁷, в результате чего под влиянием правового содержания бухгалтеры могли корректировать счет нераспределенной чистой прибыли напрямую, что имело характер распределения капитала (характер выплаты дивидендов). Как отмечает W. A. Paton, «мнение о том, что сумма, уплаченная корпорацией за приобретение акций, может быть отнесена на счет нераспределенной прибыли, на практике не прижилось»⁸⁸.

В 1954 г. США снова поменяли свою позицию: в новой версии Закона о доходах (от 1954 г.) операции по приобретению/продаже казначейских (собственных) акций были приравнены к операциям с капиталом, которые не подпадают под налогообложение прибыли. Такая практика сохраняется и в действующем налоговом законодательстве США⁸⁹: «Отчуждение корпорацией собственных акций (включая казначейские акции) за денежные средства *или иное имущество* (курсив мой. — А. А.) не приводит к возникновению налогооблагаемой выгоды или вычитаемой потери⁹⁰ для корпорации независимо от характера сделки или связанных с ней фактов и обстоятельств» (п. «а» § 1.1032-1 раздела 26 Internal Revenue Electronic Code of Federal Regulations (e-CFR)).

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов⁹¹:

1. Бухгалтерское научное сообщество США активно обсуждало вопросы, связанные с пониманием экономико-правового содержания собственных (казначейских) акций. При этом

бухгалтерская и правовая мысли были неразрывно связаны, их развитие привело к следующему положению: операции по приобретению и продаже собственных (казначейских) акций квалифицируются в качестве операций с капиталом.

2. С 1918 по 1934 г. налоговое законодательство США определяло покупку и продажу казначейских акций как операции с капиталом. Однако есть все основания полагать, что корпорации могли целенаправленно признавать казначейские акции в составе активов, чтобы на фоне раздувания финансового пузыря на фондовом рынке в 1920-е гг. перепродать такой актив и включить «прибыльную» разницу (излишек) в состав чистой прибыли отчетного периода, исказив тем самым свое реальное финансовое положение. Возможно, именно поэтому с 1934 по 1954 г. Закон о доходах квалифицировал такие операции как налогооблагаемые, чтобы не позволить организации спекуляций с казначейскими акциями. В 1954 г. в Законе о доходах был утвержден подход, в соответствии с которым операции с казначейскими акциями не приводят к возникновению налогооблагаемой прибыли.

3. Выделяются следующие основные бухгалтерско-правовые аргументы американского научного сообщества:

1) целью приобретения собственных акций является не их аннулирование, а переоформление на нового участника⁹², в связи с чем к таким акциям применяется допущение о временном удержании⁹³, которое в целях бухгалтерского учета позволяет квалифицировать собственные

⁸⁷ Ray J. C. Op. cit. P. 755.

⁸⁸ Paton W. A. Op. cit. P. 282–283.

⁸⁹ См.: § 1.1032-1 Disposition by a corporation of its own capital stock // URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-26/chapter-I/subchapter-A/part-1/subject-group-ECFRbf83dcc4bd89326/section-1.1032-1> (дата обращения: 10.09.2025).

⁹⁰ От англ. taxable gain or deductible loss (то есть налогооблагаемый «прочий доход» и вычитаемый «прочий расход») — прим. А. А.

⁹¹ В настоящей работе не преследуется цель подробного исследования истории развития налогового законодательства в США по вопросу налогообложения казначейских акций. Несмотря на это, опыт США может быть интересен к обсуждению российским научным сообществом.

⁹² Ray J. C. Op. cit. P. 753 ; Paton W. A. Op. cit. P. 279.

⁹³ Ray J. C. Op. cit. P. 753.

акции как нераспределенное⁹⁴ уменьшение собственного капитала;

2) прибыль от покупки и перепродажи собственных акций не отражается, поскольку они не являются активом⁹⁵ и не приносят дохода (producing returns, в смысле отдачи от актива в форме, например, денежных средств), который может стать доступным кредиторам или акционерам при ликвидации⁹⁶;

3) собственные акции представляют собой «элемент капитала, ожидающий окончательного распоряжения»⁹⁷, «инструмент привлечения средств»⁹⁸ для организации;

4) перепродажа собственных акций по своей природе аналогична их «первоначальной продаже», т.е. эмиссии⁹⁹, в связи с чем продажа собственных акций рассматривается в качестве привлечения первоначальных инвестиций¹⁰⁰, взносов учредителей в капитал¹⁰¹, восстановления, увеличения, изменения структуры капитала¹⁰².

Как видно из представленных позиций, в бухгалтерском научном сообществе есть консенсус в части того, что с точки зрения правового содержания казначейские (собственные) акции имеют незавершенный, временный характер. Несмотря на то что речь идет о собственных акциях, выводы, характеризующие их бухгалтерско-правовую природу, справедливы и в от-

ношении собственных долей, приобретенных обществом.

Заключение

В настоящее время в законодательстве США, Великобритании и Швейцарии операции с собственными (казначейскими) акциями квалифицируются в качестве операций с капиталом, в связи с чем не попадают в сферу налогообложения прибыли. В основе этой позиции лежит допущение о временном удержании, в соответствии с которым цель приобретения (продажи) собственных акций состоит в сохранении или увеличении собственного капитала (чистых активов) компании. Одновременно с этим операция приобретения собственных акций с их последующим удержанием рассматривается в качестве фиктивного аннулирования, т.е. непосредственного аннулирования акций не происходит. Последующая продажа собственных акций рассматривается не с точки зрения их реализации, продажи (в смысле правового содержания операции), а по аналогии с выпуском новых акций. В связи с этим превышение цены продажи над ценой приобретения рассматривается в качестве эмиссионной премии, а не как прибыль. Развитие правовой и бухгалтер-

⁹⁴ Интересно обратить внимание на выражение «нераспределенное уменьшение» (unallocated reduction) капитала из работы: *Deinzer H. T. This Treasury-Stock Question // The Accounting Review. 1937. Vol. 12. No. 3. P. 268.* Такая формулировка, по нашему мнению, всеобъемлюще описывает бухгалтерскую природу российского счета 81. Смысловой оттенок состоит в том, что уменьшения собственного капитала организации фактически не произошло (ни номинальная величина уставного капитала, ни нераспределенная чистая прибыль не уменьшились), но с бухгалтерской (информационной) точки зрения собственный капитал как бы снизился. Аналогичную позицию см.: *Editorials. Treasury Stock // The Accounting Review. 1933. Vol. 8. No. 4. P. 336–339.*

⁹⁵ *Ray J. C. Op. cit. P. 753.*

⁹⁶ *Dunlap W. D. Op. cit. P. 301.*

⁹⁷ *Karrenbrock W. E., Simons H. Intermediate Accounting. Comprehensive volume. Third edition. Cincinnati : South-Western Publishing Co., 1958. P. 659–661.*

⁹⁸ *Paton W. A. Op. cit. P. 278.*

⁹⁹ *Husband G. R., Lorig A. N., Sweeney C. T. Op. cit. P. 397 ; Rankin C. H. Treasury Stock... P. 73.*

¹⁰⁰ *Husband G. R., Lorig A. N., Sweeney C. T. Op. cit. P. 398.*

¹⁰¹ *Rankin C. H. Income tax aspects... P. 937.*

¹⁰² *Roberts W. L. Op. cit. P. 346 ; Rankin C. H. Treasury Stock... P. 72.*

ской мысли привело к тому, что собственные акции не квалифицируются в качестве актива ни в бухгалтерском, ни в корпоративном законодательстве некоторых стран (например, США, Великобритании, Швейцарии).

Вместе с тем в постановлении КС РФ № 2-П ставится акцент на том, что выкупленные обществом собственные доли являются имуществом собственным благом, которое подлежит налогообложению. Аналогично с точки зрения правовой природы собственных акций (долей), которые российскими правоведами рассматриваются в качестве имущественного актива, специфического актива, низколиквидного актива.

Результаты настоящего исследования могут послужить опорой для дальнейших научных

дискуссий. Ввиду специфики темы работы перспективы будущих обсуждений состоят в следующем:

— необходимо изучить позицию зарубежных ученых в области права и теории бухгалтерского учета по вопросу квалификации операций с собственными акциями в качестве операций с капиталом;

— провести сравнительно-правовой анализ зарубежной практики квалификации операций с собственными акциями (долями);

— рассмотреть вопрос об исключении из сферы налогообложения прибыли (российского законодательства о налогах и сборах) результатов операций с собственными акциями (долями).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы (окончание) // Вестник гражданского права. — 2023. — Т. 23. — № 4. — С. 7–54. — DOI: 10.24031/1992-2043-2023-23-4-7-54.
2. Кутер М. И. Введение в бухгалтерский учет : учебник. — Краснодар : Просвещение-Юг, 2012. — 512 с.
3. Лапач В. А. Доля в уставном капитале как имущество // ЭЖ-Юрист. — 2005. — № 28.
4. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М. : Статут, 2008. — 350 с.
5. Луговской Д. В., Абросимова Ю. А. Модели оценки собственного капитала в статической, динамической и актуарной учетной концепции // Международный бухгалтерский учет. — 2014. — № 6 (300). — С. 11–19.
6. Луговской Д. В., Кузнецов А. В. Бухгалтерский учет и отражение в отчетности собственных акций: проблемы и решения // Всё для бухгалтера. — 2008. — № 11 (227). — С. 16–22.
7. Мартыанова Е. Ю. Партисипативное правопреемство в абсолютных имущественных гражданских правах: постановка вопроса // Ex Jure. — 2018. — № 3. — С. 61–75. — DOI: 10.17072/2619-0648-2018-3-61-75.
8. Фроловский Н. Г. К вопросу о правилах приобретения и отчуждения обществом с ограниченной ответственностью доли в уставном капитале // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 11. — С. 21–26.
9. Bell W. H. Corporation Organization and Accounting II // Journal of Accountancy. — 1918. — Vol. 26. — No. 3. — P. 169–190.
10. Deinzer H. T. This Treasury-Stock Question // The Accounting Review. — 1937. — Vol. 12. — No. 3. — P. 256–269.
11. Dunlap W. D. The Legal Status of Treasury Stock // Texas law and legislation. — 1947. — Vol. 1. — No. 2. — P. 300–308.
12. Husband G. R., Lorig A. N., Sweeney C. T. Accounting Postulates: An Analysis of the Tentative Statement of Accounting Principles // The Accounting Review. — 1937. — Vol. 12. — No. 4. — P. 386–406.
13. Karrenbrock W. E., Simons H. Intermediate Accounting; comprehensive volume, third edition. — Cincinnati: South-Western Publishing Co., 1958. — 980 p.

14. May G. O. Influence of the Depression on the Practice of Accountancy // Journal of Accountancy. — 1932. — Vol. 54. — No. 5. — P. 336–350.
15. Paton W. A. Postscript on «Treasury» Shares // The Accounting Review. — 1969. — Vol. 44. — No. 2 — P. 276–283.
16. Rankin C. H. Income tax aspects of a corporation's dealings in its own shares // University of Pennsylvania law review. — 1941. — Vol. 89. — No. 7. — P. 934–959.
17. Rankin C. H. Treasury Stock: A Source of Profit or Loss? // The Accounting Review. — 1940. — Vol. 15. — No. 1. — P. 71–77.
18. Ray J. C. Accounting for Treasury Stock // The Accounting Review. — 1962. — Vol. 37. — No. 4. — P. 753–757.
19. Roberts W. L. Taxation of Treasury Stock // Kentucky Law Journal. — 1950. — Vol. 38. — No. 3. — P. 337–346.
20. Rueschhoff N. G. The evolution of accounting for corporate treasury stock in the United States // The Accounting Historians Journal. — 1978. — Vol. 5. — No. 1. — P. 1–7.
21. Storey R. K., Storey S. The Framework of Financial Accounting Concepts and Standards. — Norwalk, CT : FASB, 1998. — 170 p.

Материал поступил в редакцию 18 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kuznetsov A. A. Perekhod doli v ustavnom kapitale (aktsiy): prakticheskie i teoreticheskie problemy (okonchanie) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2023. — T. 23. — № 4. — S. 7–54. — DOI: 10.24031/1992-2043-2023-23-4-7-54.
2. Kuter M. I. Vvedenie v bukhgalterskiy uchët: uchebnik. — Krasnodar: Prosveshchenie-Yug, 2012. — 512 s.
3. Lapach V. A. Dolya v ustavnom kapitale kak imushchestvo // EZh-Yurist. — 2005. — № 28.
4. Lomakin D. V. Korporativnye pravootnosheniya: obshchaya teoriya i praktika ee primeneniya v khozyaystvennykh obshchestvakh. — M.: Statut, 2008. — 350 s.
5. Lugovskoy D. V., Abrosimova Yu. A. Modeli otsenki sobstvennogo kapitala v staticheskoy, dinamicheskoy i aktuarnoy uchetoynoy kontseptsii // Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët. — 2014. — № 6 (300). — S. 11–19.
6. Lugovskoy D. V., Kuznetsov A. V. Bukhgalterskiy uchët i otrazhenie v otchetnosti sobstvennykh aktsiy: problemy i resheniya // Vse dlya bukhgaltera. — 2008. — № 11 (227). — S. 16–22.
7. Martyanova E. Yu. Partisipativnoe pravopreemstvo v absolyutnykh imushchestvennykh grazhdanskikh pravakh: postanovka voprosa // Ex Jure. — 2018. — № 3. — S. 61–75. — DOI: 10.17072/2619-0648-2018-3-61-75.
8. Frolovskiy N. G. K voprosu o pravilakh priobreteniya i otchuzhdeniya obshchestvom s ogranichennoy otvetstvennostyu doli v ustavnom kapitale // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2009. — № 11. — S. 21–26.
9. Bell W. H. Corporation Organization and Accounting II // Journal of Accountancy. — 1918. — Vol. 26. — No. 3. — P. 169–190.
10. Deinzer H. T. This Treasury-Stock Question // The Accounting Review. — 1937. — Vol. 12. — No. 3. — P. 256–269.
11. Dunlap W. D. The Legal Status of Treasury Stock // Texas law and legislation. — 1947. — Vol. 1. — No. 2. — P. 300–308.
12. Husband G. R., Lorig A. N., Sweeney C. T. Accounting Postulates: An Analysis of the Tentative Statement of Accounting Principles // The Accounting Review. — 1937. — Vol. 12. — No. 4. — P. 386–406.
13. Karrenbrock W. E., Simons H. Intermediate Accounting; comprehensive volume, third edition. — Cincinnati: South-Western Publishing Co., 1958. — 980 p.

14. May G. O. Influence of the Depression on the Practice of Accountancy // Journal of Accountancy. — 1932. — Vol. 54. — No. 5. — P. 336–350.
15. Paton W. A. Postscript on «Treasury» Shares // The Accounting Review. — 1969. — Vol. 44. — No. 2 — P. 276–283.
16. Rankin C. H. Income tax aspects of a corporation's dealings in its own shares // University of Pennsylvania law review. — 1941. — Vol. 89. — No. 7. — P. 934–959.
17. Rankin C. H. Treasury Stock: A Source of Profit or Loss? // The Accounting Review. — 1940. — Vol. 15. — No. 1. — P. 71–77.
18. Ray J. C. Accounting for Treasury Stock // The Accounting Review. — 1962. — Vol. 37. — No. 4. — P. 753–757.
19. Roberts W. L. Taxation of Taxation of Treasury Stock // Kentucky Law Journal. — 1950. — Vol. 38. — No. 3. — P. 337–346.
20. Rueschhoff N. G. The evolution of accounting for corporate treasury stock in the United States // The Accounting Historians Journal. — 1978. — Vol. 5. — No. 1. — P. 1–7.
21. Storey R. K., Storey S. The Framework of Financial Accounting Concepts and Standards. — Norwalk, CT: FASB, 1998. — 170 p.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.046-056

Е. Б. Подузова*

Причинение вреда в результате использования искусственного интеллекта: проблемы теории и правоприменения

Аннотация. Основываясь на цивилистических методологических подходах, автор проанализировал понятие и правовую природу искусственного интеллекта (ИИ), технологий искусственного интеллекта (ТИИ), а также выявил особенности правоотношений, возникающих в результате причинения вреда при использовании ИИ (ТИИ). Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта проанализированы с точки зрения их квалификации в качестве результатов интеллектуальной деятельности. Рассмотрена проблема квалификации ИИ и ТИИ как источников повышенной опасности, предложены пути ее решения. Проанализированы основные доктринальные подходы к выявлению конstitutивных признаков источника повышенной опасности, а также к определению условий привлечения лица к гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда источником повышенной опасности. Выявлены лица, которые могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда в результате использования ИИ (ТИИ). Рассмотрен вопрос о совместном причинении вреда в результате использования указанного цифрового объекта. Исследование базировалось на анализе норм российского гражданского законодательства, цивилистической доктрины, правоприменительной практики.

Ключевые слова: искусственный интеллект; технологии искусственного интеллекта; результат интеллектуальной деятельности; источник повышенной опасности; качество; вредоносность; причинение вреда; привлечение к гражданско-правовой ответственности; функционирование; дефекты разработки

Для цитирования: Подузова Е. Б. Причинение вреда в результате использования искусственного интеллекта: проблемы теории и правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 46–56. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.046-056

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Подузова Е. Б., 2026

* Подузова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ekaterinak7785@yandex.ru

Causing Harm Through the Use of Artificial Intelligence: Problems of Legal Theory and Law Enforcement Practice

Ekaterina B. Poduzova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ekaterinak7785@yandex.ru

Abstract. Based on civil law methodological approaches, the author analyzes the concept and legal nature of artificial intelligence (AI) and artificial intelligence technologies (AIT), while also identifying the specific features of legal relations arising from harm caused through the use of AI and AIT. The author examines artificial intelligence and artificial intelligence technologies from the perspective of their classification as results of intellectual activity. The study addresses the issue of classifying AI and AIT as sources of increased danger and proposes possible approaches to resolving this issue. The paper analyzes the principal doctrinal approaches to identifying the constitutive characteristics of a source of increased danger, as well as to determining the conditions for imposing civil liability for harm caused by such a source. The paper identifies the persons who may be held civilly liable in cases where harm results from the use of AI and AIT. It further considers the issue of joint causation of harm arising from the use of these digital objects. The research is based on an analysis of Russian civil legislation, civil law doctrine, and law-enforcement practice.

Keywords: artificial intelligence; artificial intelligence technologies; result of intellectual activity; source of increased danger; quality; harmfulness; causing harm; bringing to civil liability; functioning; development defects

Cite as: Poduzova EB. Causing Harm through the Use of Artificial Intelligence: Problems of Legal Theory and Law Enforcement Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):46-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.046-056

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Искусственный интеллект¹ (ИИ) и технологии искусственного интеллекта (ТИИ) являются инновационными продуктами, востребованными в различных сферах деятельности человека. В условиях широкомасштабной цифровизации гражданского оборота совершаются правонарушения при помощи кибертехнологий, к числу которых относятся ИИ и ТИИ. Например, для киберинтервенции в аккаунты пользователей информационных систем может быть создан ИИ (искусственная нейронная сеть или чат-бот). Кроме того, для совершения мошеннических действий правонарушителями могут быть разработаны генерации, основанные на применении ИИ².

Обратим внимание, что лицо, осуществившее киберинтервенцию или совершившее мошеннические действия с помощью ИИ-генерации, не является единственным участником правонарушения. Наряду с правонарушителем, в совершении киберделикта принимают участие разработчик, а также первичный правообладатель ИИ (ТИИ) противоправной функциональной направленности. Для реализации юрисдикционной процедуры привлечения вышеуказанных лиц к гражданско-правовой ответственности необходимо доказать факт совершения киберделикта и его последствия (в частности, имущественный и моральный вред, причиненный потерпевшему лицу, например пользователю

¹ См.: Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.

² Об ИИ-генерациях см. подробнее: Рожкова М. А. Дипфейки в контексте права интеллектуальной собственности // URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1987521/> (дата обращения: 03.03.2026).

информационной системы). С этой целью представляется необходимым прибегнуть к нотариальному обеспечению доказательств³.

Для выявления признаков гражданского правонарушения, совершенного посредством применения ИИ или ТИИ, рассмотрим указанные цифровые объекты подробнее. ИИ и основанные на его использовании ТИИ представляют собой комплексные технологические системы⁴, обеспечивающие посредством сложного программирования автоматизацию высокотехнологичных процессов для решения практических задач. Рассматривая юридическую природу ИИ и ТИИ, считаем, что они обладают конститутив-

ными признаками результата интеллектуальной деятельности, поскольку представляют собой объективированные в цифровой форме⁵ результаты творческого труда их разработчика (разработчиков), а также организатора создания. Выделение законодателем элементов в структуре ИИ, ТИИ (пп. 2, 3 п. 1 ст. 2 Закона № 123-ФЗ⁶) и технологий (п. 15 ст. 3 Закона № 523-ФЗ⁷) позволяет сделать вывод, что в состав ИИ и ТИИ могут входить различные результаты интеллектуальной деятельности (программы для ЭВМ, алгоритмы (ноу-хау), базы данных, изобретения, полезные модели и др.)⁸, находящие свою визуализацию в технических компонентах рассма-

³ См. об этом: *Бегичев А. В.* Проблемы использования электронных технологий нотариусами при обеспечении доказательств // *Нотариус*. 2020. № 1. С. 41–43 ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.09.2019 № Ф07-9864/2019 по делу № А56-112073/2018 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2019 № Ф05-388/2019 по делу № А41-36852/2018 ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.09.2019 № Ф07-9864/2019 по делу № А56-112073/2018 ; постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.07.2015 по делу № А76-21954/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об ИИ как системе см. подробнее: *Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю.* Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2025. С. 52, 53 (автор параграфа — Л. Ю. Василевская).

⁵ См.: *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 16, 17, 19, 20.

⁶ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 24.04.2020.

С 1 сентября 2025 г. в наименование данного Федерального закона были внесены изменения; новое наименование: «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» (см.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 08.08.2024).

См. также: п. 1, 4 ст. 3 проекта федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, ID проекта 02/04/03-26/00166424) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 28.12.2024.

⁸ См. об этом подробнее: *Василевская Л. Ю.* «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта»: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // *Хозяйство и право*. 2021.

триваемых цифровых продуктов. Полагаем, что виды и сочетание результатов интеллектуальной деятельности в структуре ИИ и ТИИ варьируются в зависимости от функционального назначения указанных цифровых объектов. Подчеркнем, что ИИ и ТИИ обладают квалифицирующими признаками сложного объекта (абз. 1 п. 1 ст. 1240 ГК РФ): «многослойностью»⁹, структурно-функциональным единством¹⁰, а также многосубъектностью при их создании¹¹.

Установление юридической природы ИИ и ТИИ связано с решением вопроса их квалификации в качестве источников повышенной опасности. По мнению Ю. С. Харитоновой, В. С. Савиной, Ф. Паныни, «представляется вполне логичным подход к системе искусственного интеллекта как к источнику повышенной опасности»¹². Иными авторами робототехническое устройство (материальный носитель ТИИ)

также квалифицируется в качестве источника повышенной опасности¹³. А. А. Антонов занял противоречивую позицию, он признает ИИ (цифровой объект) источником повышенной опасности, не отрицая при этом правосубъектности ИИ¹⁴. Е. И. Галяшина и К. М. Богатырев отмечают, что в ходе применения ИИ (ТИИ) пользователь может злоупотреблять им¹⁵. Считаем, что подход Е. И. Галяшиной и К. М. Богатырева является спорным, поскольку указанный цифровой объект представляет собой результат интеллектуальной деятельности. Пользователь, применяя его в противоправных целях, осуществляет злоупотребление исключительным правом.

Опираясь на методы словесного и реального толкования гражданско-правовых норм¹⁶, полагаем, что в первом предложении абз. 1 п. 1 ст. 1079 ГК РФ закреплён деятельностный подход (теория деятельности) к определению

№ 11. С. 6 ; Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю. Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. С. 52, 53 (автор параграфа — Л. Ю. Василевская).

⁹ См.: Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / Исслед. центр частного права. М. : Статут, 2005. С. 7, 19, 20, 40, 41, 153.

¹⁰ См.: Гордон М. В. Советское авторское право. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. С. 44–48 ; Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 152–156 ; Василевская Л. Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам. С. 17.

¹¹ См.: Гордон М. В. Указ. соч. С. 44–48 ; Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 143–145 ; Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. Т. 3. С. 42, 80–82 (автор параграфа — Л. Ю. Василевская) ; Калятин В. О. В каких пределах можно использовать содержание баз данных: проблемы и перспективы // Закон. 2023. № 5. С. 53–57.

¹² Харитоновая Ю. С., Савина В. С., Паныни Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 683–708.

¹³ См.: Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М. : Инфотропик Медиа, 2018.

¹⁴ См.: Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69–74.

¹⁵ См.: Галяшина Е. И., Антонян Е. А., Богатырев К. М. Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности : монография / отв. ред. Е. И. Галяшина. М. : Проспект, 2025. С. 56–65.

¹⁶ См. об этом: Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции Г. Ф. Шершеневича / Моск. о-во нар. ун-тов. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 148 ; Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр «ЮрИнфоР», 2002. С. 53, 100–123, 142–151, 229–242.

источника повышенной опасности¹⁷. Иным подходом к пониманию источника повышенной опасности выступает объектный подход (теория объекта-вещи¹⁸), воплотившийся в понятии «владелец источника повышенной опасности» (второе предложение абз. 1 п. 1 ст. 1079 ГК РФ). Обратим внимание, что теория деятельности получила подтверждение в актах Конституционного Суда РФ¹⁹ и Верховного Суда РФ²⁰. В свою очередь, деятельностный подход в сочетании с подходом оценки рисков нашел отражение в Законе ЕС об ИИ²¹. В пункте 2.1 разд. 2 Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта 2021 г.²² закреплено применение риск-ориентированного подхода к оценке деятельности разработчиков, заказчиков, лиц, использующих системы ИИ, и иных лиц.

В развитие выводов, сделанных Л. Ю. Василевской²³, полагаем, что юридическая природа

ИИ и ТИИ как результатов интеллектуальной деятельности не позволяет квалифицировать их как источник повышенной опасности, определение которого закреплено в п. 1 ст. 1079 ГК РФ. Учитывая деятельностный подход к определению источника повышенной опасности, считаем, что юридически некорректно ставить вопрос о квалификации объекта гражданских прав в качестве источника повышенной опасности. Объектный подход, основанный на владении источником повышенной опасности (вещью), не может применяться для ИИ и ТИИ, идеальных по своей природе объектов.

Обратим внимание, что некоторые признаки источника повышенной опасности, выделенные О. А. Красавчиковым, применимы для правовой характеристики ИИ и ТИИ. Так, О. А. Красавчиков под источником повышенной опасности понимал определенный объект, обладающий

¹⁷ См. об этом, например: *Агарков М. М.* Возникновение обязательств из причинения вреда // *Гражданское право* / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1944. Т. 1. С. 339 ; *Филиппова С. Ю.* Гражданско-правовая квалификация явлений, связанных с поведением животных: проблемы правоприменения // *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2022. № 5. С. 16–42.

¹⁸ См., например: *Красавчиков О. А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М. : Юридическая литература, 1966. С. 28 ; *Поляков И. Н.* Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. М. : Городец, 1998. С. 82–91.

¹⁹ См.: определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1833-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Райм Алексины Альбертовны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: абз. 2, 4 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. № 3, март. 2010 ; абз. 18 п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022) // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. № 4, апрель. 2022 (начало) ; *Бюллетень Верховного Суда РФ*. № 5, май. 2022 (окончание) ; абз. 1 п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Обратим внимание, что в ряде случаев Верховный Суд РФ, в противоречии с абз. 1 п. 1 ст. 1079 ГК РФ, в качестве источника повышенной опасности признает не деятельность, а объект. См., например: определение Верховного Суда РФ от 25.07.2022 № 309-ЭС22-11529 по делу № А60-8221/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ EU Artificial Intelligence Act. Official Journal version of 13.06.2024 [Закон Европейского Союза об искусственном интеллекте. Версия для официального опубликования от 13.06.2024] // URL: <https://artificialintelligenceact.eu/ai-act-explorer/> (дата обращения: 21.02.2026).

²² СПС «КонсультантПлюс».

²³ См. об этом подробнее: *Василевская Л. Ю.* Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // *Гражданское право*. 2025. № 04. С. 2–5 ; *Она же.* Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом: проблемы и направления развития законодательства // *Хозяйство и право*. 2025. № 7. С. 3–14.

общественной опасностью и неподконтрольностью человеку при функционировании²⁴. Полагаем, что эти признаки присущи ИИ и ТИИ, находящимся не в статическом, а в динамическом состоянии (состоянии функционирования). Как отмечает Л. Ю. Василевская, источником повышенной опасности выступает не сам ИИ²⁵, а его «качество вредоносности, проявляющееся только в процессе использования ИИ»²⁶. Обратим внимание, что, по мнению Е. В. Вавилина, высокоавтоматизированные транспортные средства могут быть квалифицированы по степени контроля человека над ними²⁷. На наш взгляд, контроль необходим именно потому, что в указанные устройства внедрены ИИ и ТИИ, функционирование которых сопряжено с рисками причинения вреда²⁸.

Полагаем, что качество вредоносности ИИ, ТИИ проявляется в процессе, а также в результате использования указанных объектов.

Согласно пп. 2.1.2 п. 2.1 постановления № 55-23 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «лицам, участвующим в разработке, внедрении и использовании систем ИИ,

следует принимать меры, направленные на минимизацию рисков нарушения прав и свобод граждан»²⁹. Полагаем, что одной из приоритетных задач законодателя является решение проблемы квалификации качества вредоносности ИИ (ТИИ) как источника повышенной опасности, а также определения лиц, подлежащих привлечению к гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда в результате использования указанного цифрового объекта. Причинение вреда в результате применения ИИ (ТИИ) может быть связано не только с нарушением правил его использования, но и с техническими ошибками, допущенными в ходе его разработки, с совершением третьим лицом (киберинтервентом) киберделикта в виде внедрения в алгоритмы функционирования ИИ (ТИИ), а также с иными обстоятельствами.

Подчеркнем, что в абз. 7 п. 3 Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года³⁰ рекомендовано обеспечить определение границ ответственности разработчиков, потребителей и иных лиц в сфере ИИ³¹.

²⁴ См.: Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. С. 28, 65–67, 164–168.

²⁵ Василевская Л. Ю. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом. С. 8.

²⁶ Василевская Л. Ю. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом. С. 8.

²⁷ См.: Вавилин Е. В. Безопасное использование высокоавтоматизированных (беспилотных) транспортных средств: правовые гарантии // Хозяйство и право. 2024. № 1. С. 6 ; Транспортное право в условиях цифровой трансформации: беспилотные транспортные средства, цифровизация оборота, электронный коносамент, интеллектуальные транспортные системы : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2025. С. 45–53 (автор параграфа — Е. В. Вавилин).

²⁸ См. об этом подробнее: Василевская Л. Ю. Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом. С. 2–5 ; Она же. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом. С. 3–14.

²⁹ Постановление № 55-23 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О Рекомендациях по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок» (принято в г. Санкт-Петербурге 14.04.2023) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 78 (ч. 3).

³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 26.08.2020.

³¹ См. об этом подробнее: Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35 ; Он же. Трансформация гражданско-правовых и процес-

Как отмечает С. А. Сеницын, функционирование ИИ зависит от действий его пользователя и создателя³². В. А. Лаптев приходит к выводу, что вред третьим лицам может быть причинен в результате дефекта, возникшего на стадии разработки ИИ³³. В развитие данных выводов отметим, что если признать деятельность, связанную с использованием ИИ (ТИИ), источником повышенной опасности, то единственным субъектом, отвечающим независимо от своей вины перед потерпевшим в случае причинения вреда (п. 1 ст. 1079 ГК РФ), являлся бы пользователь ИИ (ТИИ).

Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что суды квалифицируют лицо, использующее ИИ, в качестве единственного субъекта, отвечающего за негативные последствия его применения³⁴. При таком подходе разработчик, правообладатель ИИ (ТИИ), а также третье лицо (киберинтервент или мошенник, использующий ИИ-генерацию) во многих случаях освобождается от гражданско-правовой ответственности. Обратим внимание, что выявить киберинтервента (или мошенника) и привлечь его к гражданско-правовой ответственности представляется затруднительным, поскольку правонарушители, действующие в цифровом пространстве, применяют технические способы удаления цифровых следов.

Основываясь на структурно-функциональном методологическом подходе³⁵, считаем, что проблема правовой квалификации и формирования правового режима ИИ и ТИИ должна найти свое решение посредством закрепления в ст. 1080 ГК РФ норм о привлечении к солидарной внедоговорной ответственности разработчика, правообладателя и пользователя ИИ (ТИИ) в случае причинения ими вреда третьему лицу (потерпевшему). Например, потерпевшему может быть причинен вред данными лицами совместно, если правообладатель, бездействуя, не сообщил разработчику о программных и конструктивных ошибках, выявленных в ИИ (ТИИ), а также о неточностях, установленных в инструкции по эксплуатации указанного цифрового объекта.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»³⁶ раскрываются признаки совместного причинения вреда: «согласованность, скоординированность и направленность на реализацию общего для всех действующих лиц намерения». Полагаем, что указанные признаки носят оценочный характер и могут быть выявлены только в случае невыполнения разработчиком, правообладателем и пользователем ИИ (ТИИ) условий определенных договоров, закрепляющих обя-

сультных отношений с использованием искусственного интеллекта // Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. М. : Проспект, 2025. Гл. 1, § 1. С. 23–43.

³² См.: Сеницын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2021. С. 53.

³³ См.: Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 92, 95.

³⁴ См., например: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.01.2024 № Ф02-7539/2023 по делу № А58-4021/2023 // СПС «КонсультантПлюс» ; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2025 № 88-13327/2025 (УИД 69RS0032-01-2023-002632-49) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ См.: Вавилин Е. В. Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 74–89.

³⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль. 2018.

занности разъяснить правила эксплуатации рассматриваемых высокотехнологичных продуктов, а также сообщать о выявленных недостатках и неправомерном доступе третьих лиц.

Проведенный анализ ИИ (ТИИ) с точки зрения его квалификации в качестве источника повышенной опасности позволяет сделать следующие выводы. Выработанные правоприменительной практикой и доктриной подходы к определению источника повышенной опасности не могут быть применены для привлечения к ответственности пользователя ИИ (ТИИ) по ст. 1079 ГК РФ за при-

чинение вреда в результате использования указанного результата интеллектуальной деятельности. Специфика юридической природы ИИ (ТИИ), а также особенности его создания и применения определяют возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в результате использования данного цифрового объекта не только пользователя ИИ (ТИИ), но и его разработчика, а также правообладателя, поскольку в действиях (бездействии) указанных субъектов могут быть выявлены признаки совместного причинения вреда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Возникновение обязательств из причинения вреда // *Гражданское право : учебник* / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. — 419 с.
2. *Антонов А. А.* Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // *Юрист*. — 2020. — № 7. — С. 69–74.
3. *Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю.* Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2025. — 312 с.
4. *Бегичев А. В.* Проблемы использования электронных технологий нотариусами при обеспечении доказательств // *Нотариус*. — 2020. — № 1. — С. 41–43.
5. *Вавилин Е. В.* Безопасное использование высокоавтоматизированных (беспилотных) транспортных средств: правовые гарантии // *Хозяйство и право*. — 2024. — № 1. — С. 3–15.
6. *Вавилин Е. В.* Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // *Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник*. — Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2017. — С. 74–89.
7. *Вавилин Е. В.* Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // *Вестник Томского государственного университета. Право*. — 2022. — № 45. — С. 147–158.
8. *Вавилин Е. В.* Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // *Вестник гражданского процесса*. — 2021. — № 6. — С. 13–35.
9. *Вавилин Е. В.* Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта // *Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития : монография* / под общ. ред. Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской. — М. : Проспект, 2025. § 1 главы 1. — С. 23–43.
10. *Василевская Л. Ю.* «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта»: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // *Хозяйство и право*. — 2021. — № 11. — С. 3–18.
11. *Василевская Л. Ю.* Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом: проблемы и направления развития законодательства // *Хозяйство и право*. — 2025. — № 7. — С. 3–14.
12. *Василевская Л. Ю.* Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // *Гражданское право*. — 2025. — № 04. — С. 2–5.
13. *Василевская Л. Ю.* Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // *Lex russica*. — 2025. — Т. 78. — № 9. — С. 9–23.

14. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2021. — 288 с.
15. *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. — М. : Центр «ЮрИнфоР», 2002. — 508 с.
16. *Галяшина Е. И., Антонян Е. А., Богатырев К. М.* Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности : монография / отв. ред. Е. И. Галяшина. — М. : Проспект, 2025. — 272 с.
17. *Гордон М. В.* Советское авторское право. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. — 232 с.
18. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / Исслед. центр частного права. — М. : Статут, 2005. — 416 с.
19. *Калятин В. О.* В каких пределах можно использовать содержание баз данных: проблемы и перспективы // Закон. — 2023. — № 5. — С. 53–63.
20. *Красавчиков О. А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. — М. : Юридическая литература, 1966. — 200 с.
21. *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 89–98.
22. *Поляков И. Н.* Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда. — М. : Городец, 1998. — 171 с.
23. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. — М. : Инфотропик Медиа, 2018. — 232 с.
24. *Синицын С. А.* Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. — 2015. — № 1. — С. 7–44.
25. *Синицын С. А.* Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования : монография. — М. : Инфотропик Медиа, 2021. — 212 с.
26. Транспортное право в условиях цифровой трансформации: беспилотные транспортные средства, цифровизация оборота, электронный коносамент, интеллектуальные транспортные системы : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. — М. : Проспект, 2025. — 280 с.
27. *Филиппова С. Ю.* Гражданско-правовая квалификация явлений, связанных с поведением животных: проблемы правоприменения // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2022. — № 5. — С. 16–42.
28. *Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф.* Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — № 4. — С. 683–708.
29. *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве : лекции Г. Ф. Шершеневича / Моск. о-во нар. ун-тов. — М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. — 159 с.

Материал поступил в редакцию 8 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agarkov M. M. Vozniknovenie obyazatelstv iz prichineniya vreda // Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. M. M. Agarkova, D. M. Genkina. — M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1944. — 419 s.
2. Antonov A. A. Iskusstvennyy intellekt kak istochnik povyshennoy opasnosti // Yurist. — 2020. — № 7. — S. 69–74.
3. Ayusheeva I. Z., Vasilevskaya L. Yu. Grazhdanskiy oborot v usloviyakh tsifrovizatsii: problemy i perspektivy razvitiya: monografiya / otv. red. L. Yu. Vasilevskaya. — M.: Prospekt, 2025. — 312 s.
4. Begichev A. V. Problemy ispolzovaniya elektronnykh tekhnologiy notariusami pri obespechenii dokazatelstv // Notarius. — 2020. — № 1. — S. 41–43.
5. Vavilin E. V. Bezopasnoe ispolzovanie vysokoavtomatizirovannykh (bespilotnykh) transportnykh sredstv: pravovye garantii // Khozyaystvo i pravo. — 2024. — № 1. — S. 3–15.
6. Vavilin E. V. Ob aktualnosti strukturno-funktsionalnogo podkhoda v tsivilistike // Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statey. Ezhegodnik. — Vyp. 2. 2017 / otv. red. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. — M.: Statut, 2017. — S. 74–89.
7. Vavilin E. V. Status iskusstvennogo intellekta: ot obekta k subektu pravovykh otnosheniy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2022. — № 45. — S. 147–158.
8. Vavilin E. V. Transformatsiya grazhdansko-pravovykh i protsessualnykh otnosheniy s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta: formirovanie novykh pravovykh rezhimov // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2021. — № 6. — S. 13–35.
9. Vavilin E. V. Transformatsiya grazhdansko-pravovykh i protsessualnykh otnosheniy s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta // Modernizatsiya grazhdanskogo zakonodatelstva: pravovoy opyt i napravleniya razvitiya: monografiya / pod obshch. red. E. V. Vavilina, L. Yu. Vasilevskoy. — M.: Prospekt, 2025. § 1 glavy 1. — S. 23–43.
10. Vasilevskaya L. Yu. «Iskusstvennyy intellekt» i tekhnologii «iskusstvennogo intellekta»: obshchee i osobennoe v grazhdansko-pravovoy reglamentatsii // Khozyaystvo i pravo. — 2021. — № 11. — S. 3–18.
11. Vasilevskaya L. Yu. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo iskusstvennym intellektom: problemy i napravleniya razvitiya zakonodatelstva // Khozyaystvo i pravo. — 2025. — № 7. — S. 3–14.
12. Vasilevskaya L. Yu. Deliktная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // Grazhdanskoe pravo. — 2025. — № 04. — S. 2–5.
13. Vasilevskaya L. Yu. Tsifrovizatsiya obektov grazhdanskogo oborota: ot transformatsii k novym pravovym rezhimam // Lex russica. — 2025. — T. 78. — № 9. — S. 9–23.
14. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: pravovaya kharakteristika «iskusstvennogo intellekta» i «tsifrovyykh» subektov (tsivilisticheskoe issledovanie): monografiya. T. 3 / otv. red. L. Yu. Vasilevskaya. — M.: Prospekt, 2021. — 288 s.
15. Vaskovskiy E. V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov. — M.: Tsentr «YurInfoR», 2002. — 508 s.
16. Galyashina E. I., Antonyan E. A., Bogatyrev K. M. Zashchita ot zloupotrebleniya iskusstvennym intellektom i neyrotekhnologiyami v aspekte mediabezopasnosti: monografiya / otv. red. E. I. Galyashina. — M.: Prospekt, 2025. — 272 s.
17. Gordon M. V. Sovetskoe avtorskoe pravo. — M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1955. — 232 s.
18. Dozortsev V. A. Intellektualnye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii: sbornik statey / Issled. tsentr chastnogo prava. — M.: Statut, 2005. — 416 s.
19. Kalyatin V. O. V kakikh predelakh mozjno ispolzovat sodержание baz dannykh: problemy i perspektivy // Zakon. — 2023. — № 5. — S. 53–63.
20. Krasavchikov O. A. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoy opasnosti. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. — 200 s.

21. Laptev V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2019. — № 2. — S. 89–98.
22. Polyakov I. N. Otvetstvennost po obyazatelstvam vsledstvie prichineniya vreda. — M.: Gorodets, 1998. — 171 s.
23. Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v «robopravo». Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologiy iskusstvennogo intellekta / pod red. A. V. Neznamova. — M.: Infotropik Media, 2018. — 232 s.
24. Sinitsyn S. A. Absolyutnaya zashchita otnositelnykh prav: prichiny, posledstviya i sootnoshenie s prinyatoy klassifikatsiey subektivnykh prav // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2015. — № 1. — S. 7–44.
25. Sinitsyn S. A. Rossiyskoe i zarubezhnoe grazhdanskoe pravo v usloviyakh robotizatsii i tsifrovizatsii. Opyt mezhdistsiplinarnogo i otraslevogo issledovaniya: monografiya. — M.: Infotropik Media, 2021. — 212 s.
26. Transportnoe pravo v usloviyakh tsifrovoy transformatsii: bespilotnye transportnye sredstva, tsifrovizatsiya oborota, elektronnyy konosament, intellektualnye transportnye sistemy: monografiya / pod obshch. red. E. V. Vavilina. — M.: Prospekt, 2025. — 280 s.
27. Filippova S. Yu. Grazhdansko-pravovaya kvalifikatsiya yavleniy, svyazannykh s povedeniem zhivotnykh: problemy pravoprimeneniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2022. — № 5. — S. 16–42.
28. Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Panini F. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost pri razrabotke i primenenii sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki: osnovnye podkhody // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2022. — № 4. — S. 683–708.
29. Shershenevich G. F. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve: lektzii G. F. Shershenevicha / Mosk. o-vo nar. un-tov. — M.: Tip. t-va I. D. Sytina, 1908. — 159 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.057-066

К. Б. Кораев*

Юридическая ответственность как правовое состояние: новая теоретическая модель и ее практическая значимость

Аннотация. Статья представляет собой авторскую концепцию юридической ответственности, которая предлагает ответ на системные проблемы как общей теории, так и конкретной классификации ее видов в гражданском праве. Автор последовательно критикует традиционные подходы, сводящие ответственность к мере государственного принуждения или негативным последствиям, демонстрируя, что они ведут к ее необоснованному отождествлению с наказанием. В качестве решения предлагается новая теоретическая конструкция, определяющая юридическую ответственность как особое правовое состояние правонарушителя — самостоятельный юридический факт, возникающий с момента совершения деликта. Именно это состояние является непосредственным основанием для возникновения охранительного правоотношения, в рамках которого реализуется конкретная санкция (схема «правонарушение → состояние ответственности → правоотношение наказания»). Такой подход позволяет четко разграничить ответственность и наказание, объяснить недопустимость дискреционного освобождения от ответственности и дать последовательные критерии для решения проблем правоприменения.

Ключевые слова: юридическая ответственность; правовое состояние; наказание (санкция); правоотношение; юридический факт; концепция ответственности-состояния; классификация ответственности; договорная и внедоговорная ответственность; солидарная и долевая ответственность; субсидиарная ответственность; долевые, солидарные и субсидиарные обязательства

Для цитирования: Кораев К. Б. Юридическая ответственность как правовое состояние: новая теоретическая модель и ее практическая значимость // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 57–66. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.057-066

Legal Liability as a Legal State: A New Theoretical Model and Its Practical Significance

Konstantin B. Koraev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Head of the Department of Entrepreneurial and Energy Law, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation
1-kosta@mail.ru

Abstract. The paper presents the author's concept of legal liability, offering a solution to systemic problems in both general legal theory and the specific classification of its forms in civil law. The author consistently analyzes traditional approaches that reduce liability either to a measure of state coercion or to adverse consequences, demonstrating that such approaches lead to the unjustified conflation of liability with punishment. As an alternative, the study

© Кораев К. Б., 2026

* Кораев Константин Борисович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета канала Грибоедова наб., д. 30–32, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023
1-kosta@mail.ru

proposes a new theoretical framework defining legal liability as a distinct legal condition of the offender — an independent juridical fact arising at the moment the tort is committed. This condition constitutes the immediate basis for the emergence of a protective legal relationship within which a specific sanction is implemented (according to the sequence «offense → state of liability → punitive legal relationship»). This approach makes it possible to clearly distinguish liability from punishment, explain the inadmissibility of discretionary exemption from liability, and provide consistent criteria for resolving issues of legal succession.

Keywords: legal liability; legal status; punishment (sanction); legal relationship; legal fact; responsibility-state concept; classification of responsibility; contractual and non-contractual liability; joint and several liability; subsidiary liability; equity, solidarity and subsidiary liabilities

Cite as: Koraev KB. Legal Liability as a Legal State: A New Theoretical Model and Its Practical Significance. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):57-66. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.057-066

Критика традиционных подходов к пониманию юридической ответственности

Гражданское правонарушение — это юридический факт, влекущий возникновение ответственности, что признается всеми учеными. Однако в науке остается дискуссионным вопрос о том, что представляет собой ответственность. В зависимости от его решения сформировалось два научных подхода к трактовке данного понятия.

1. Гражданская ответственность как мера государственного принуждения¹. Основная идея этого подхода заключается в том, что под гражданско-правовой ответственностью понимают всякое государственное принуждение лица к исполнению лежащей на нем обязанности. При подобном взгляде даже присуждение к исполнению обязательства в натуре (например, к уплате стоимости товара без взыскания неустойки) считается мерой гражданско-правовой ответственности.

Данный подход подвергся справедливой критике в научной литературе. Главным уязвимым местом этой теории признается то, что к ответственности относят не только негативные имущественные последствия для правонарушителя (например, неустойку), но и государственное принуждение к исполнению обязанности (например, иск о возврате кредита). Как обосно-

ванно указали О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, «если бы ответственность сводилась только к осуществлению в принудительном порядке обязанности, которая и ранее лежала на правонарушителе, у последнего не было бы никаких сдерживающих юридических мотивов к тому, чтобы не совершать правонарушений, так как исполнить лежащую на нем обязанность он должен независимо от того, последует или не последует привлечение к ответственности»².

Таким образом, определение юридической ответственности через государственное принуждение приводит к неоправданному отождествлению ее с иными способами защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), тогда как эти явления требуют четкого разграничения. Необходимость такого разделения обусловлена тем, что в основе ответственности и других способов защиты лежат разные юридические факты. В первом случае это *гражданское правонарушение*, а во втором — *противоправное поведение* (например, незаконное владение чужим имуществом, не причиняющее убытков собственнику).

Кроме того, вызывает сомнения сама возможность раскрытия содержания гражданско-правовой ответственности через призму государственного принуждения, хотя рассматриваемый подход широко распространен в рамках обеих теорий юридической ответственности. Это связано с тем, что государственное

¹ Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М. : Госюриздат, 1962. С. 27 ; Самощенко И. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М. : Юридическая литература, 1971. С. 58 ; Братусь С. Я. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М. : Юридическая литература, 1976. С. 90.

² Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М. : Юридическая литература, 1961. С. 316–317.

принуждение является не столько свойством самой юридической ответственности, сколько существенным признаком права в целом, отличающим его от норм нравственности³. Механизм реализуется через аппарат государства и приводится в действие лишь в случаях, когда лицо добровольно не исполняет возложенную на него обязанность⁴. Соответственно, добровольное соблюдение правовых предписаний, включая меры ответственности, делает обращение к государственному принуждению излишним. Например, добровольная уплата неустойки осуществляется без какого-либо вмешательства государства, но при этом она не перестает быть мерой ответственности (санкцией).

2. Гражданская ответственность как негативные последствия в виде имущественных или личных ограничений⁵. Данная концепция является наиболее распространенной в научной литературе. Ее сторонники считают, что юридическая ответственность также представляет собой меру государственного принуждения, но не всякую, а лишь ту, которая сопряжена с определенными лишениями. Они должны «выражаться в каком-то дополнительном бремени, тем самым вызывая для нарушителя определен-

ные отрицательные последствия. Конкретными видами таких последствий могут быть замена неисполненной обязанности новой (например, обязанностью возместить причиненный вред), присоединение к нарушенной обязанности дополнительной (например, обязанности, помимо исполнения нарушенного договора, возместить причиненные неисполнением убытки), лишение права, из которого вытекала нарушенная обязанность (например, при судебном изъятии в доход государства жилого строения, когда собственник не выполняет обязанности по его ремонту)»⁶.

Сильная сторона такого подхода в том, что он ограничивает ответственность от иных способов защиты гражданских прав, не относя последние к ней. Например, «понуждение к исполнению договорного обязательства не является ответственностью, поскольку не возлагает на правонарушителя ничего дополнительного по сравнению с тем, к чему он был обязан»⁷.

Однако, как представляется, и этот подход не лишен недостатков. По сути, он отождествляет — полностью⁸ или частично⁹ — ответственность с наказанием. Рассматриваемая концепция не позволяет разграничить эти правовые

³ «Не обнаруживает своих основных, решающих свойств юридическая ответственность и в ее соотношении с государственным принуждением. Обусловлено это тем, что на государственное принуждение опираются все элементы правовой действительности, а не только юридическая ответственность» (Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, 2002. Т 1. С. 642).

⁴ «Итак, нормативность права неразрывно связана с возможностью государственного принуждения. Это принуждение немыслимо без наличия особого аппарата, способного, если правовые предписания не исполняются добровольно, принуждать к соблюдению норм права» (Братусь С. Я. Указ. соч. С. 48).

⁵ Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юридическая литература, 1975. С. 95–98.

⁶ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 97.

⁷ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 518–519.

⁸ «С учетом изложенного можно определить юридическую ответственность как последствие совершенного правонарушения, которое выражается в нежелательных для правонарушителя лишениях личного или имущественного характера» (Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК Велби, 2002. С. 644).

⁹ «Сама же ответственность наступает, лишь когда в установленном порядке (через судебные и иные юрисдикционные органы, в соответствующих случаях — по соглашению сторон) будут определены конкретные юридические формы имущественных или личных лишений для нарушителя (обязанность возместить вред, уплатить штраф и т.п.). <...> До тех же пор, пока не последует возложение ответственности, имеется лишь ее основание, но не самая ответственность» (Иоффе О. С. Указ. соч. С. 96).

категории. В связи с этим возникают неразрешимые вопросы: негативные последствия являются «наказанием» или «ответственностью»? Если наказанием, то почему применение негативных последствий не является самостоятельным процессом, а сводится к процессу реализации ответственности? Может ли при таком определении ответственность существовать независимо от наказания, как в уголовном праве? Если же негативные последствия являются ответственностью, то что тогда следует считать наказанием?

С методической точки зрения при исследовании сущности ответственности важно четко отграничить ее от понятия наказания, так как гражданская ответственность представляет собой разновидность юридической ответственности наряду с уголовной, административной и дисциплинарной. Значит, общие существенные признаки юридической ответственности свойственны и ей. Поскольку как наука, так и действующее уголовное законодательство четко разграничивают уголовную ответственность и наказание, допуская возможность освобождения от наказания с сохранением ответственности, то это отличие должно быть характерно для любой юридической ответственности независимо от ее отраслевой принадлежности.

Таким образом, серьезным недостатком рассмотренной теории является то, что она сводит ответственность к наказанию и не позволяет их отграничить друг от друга. Это мешает признать ее обоснованной, поскольку такой подход противоречит установившемуся в науке и законодательстве подходу, согласно которому уголовная ответственность может существовать без наказания.

В литературе широко распространено мнение, разделяемое представителями обоих под-

ходов, о том, что ответственность — это правоотношение¹⁰, возникающее между государством и правонарушителем, который обязан претерпеть негативные последствия в рамках этого правоотношения. Однако такая квалификация юридической ответственности видится спорной.

Во-первых, что представляет собой обязанность претерпеть негативные последствия? Что конкретно должен сделать должник, чтобы она считалась исполненной? Думается, что дать ответ на эти вопросы невозможно, так как «обязанность претерпеть негативные последствия» является понятием с пустым содержанием.

Во-вторых, подобная характеристика юридической ответственности также не позволяет отграничить ее от наказания. Например, взимание штрафной неустойки — это правоотношение ответственности или наказания? Если речь идет об ответственности, то существуют ли правоотношения по реализации наказания?

В связи со сказанным следует согласиться с мнением, что «юридическая ответственность не сводится к правоотношению и сама по себе правоотношением не является»¹¹.

Таким образом, существующие подходы к раскрытию содержания понятия «юридическая ответственность» не лишены фундаментальных недостатков. Они не позволяют провести четкую границу между категориями «ответственность» и «наказание». Трактовка юридической ответственности как правоотношения приводит к появлению конструкции «абстрактной обязанности», которая по определению должна иметь конкретный характер. Если правонарушитель не понимает, что именно требуется сделать для ее исполнения, то подобную обязанность нельзя считать юридически значимой.

¹⁰ Братусь С. Я. Указ. соч. С. 85 ; Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2005. Т. 1. С. 640–641.

¹¹ Разделяя эту позицию, трудно согласиться с мнением автора, которое, как представляется, противоречит сделанному выводу: «Юридическая ответственность действительно реализуется в рамках правоотношения между правонарушителем и потерпевшим. Так, деликтная ответственность существует в рамках деликтного обязательства». (Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК Велби, 2002. С. 643).

Юридическая ответственность как правовое состояние: новая теоретическая конструкция

Перечисленные недостатки можно преодолеть, используя предлагаемую автором концепцию, которая рассматривает юридическую ответственность в качестве юридического состояния.

Раскрытие ее содержания правильнее начать с определения понятия «наказание», которое, в отличие от категории «ответственность», не вызывает дискуссий и обозначается в литературе также понятиями «мера ответственности», «санкция».

Под наказанием принято понимать негативные последствия, наступающие для правонарушителя в результате совершения им правонарушения. В гражданском праве к ним относятся как дополнительная имущественная обязанность (например, убытки или неустойка), так и лишение определенного имущественного права (например, конфискация). В сфере уголовного и административного права подобные последствия могут носить личный характер (лишение свободы, административный арест и т.д.).

Анализ действующего гражданского законодательства позволяет заключить, что наказание реализуется в рамках соответствующего правоотношения. Так, взыскание убытков или неустойки осуществляется в рамках обязательственного правоотношения. Возмещение вреда происходит в рамках внедоговорного обязательственного правоотношения. Если абстрагироваться от конкретного вида наказания, то можно сделать вывод, что содержанием таких обязательств является, с одной стороны, право требовать его претерпевания (уплатить убытки, неустойку, возместить вред и т.д.), а с другой стороны — корреспондирующая этому праву обязанность совершить действие, составляющее суть наказания.

Таким образом, упомянутые очевидные и недискуссионные в литературе положения ставят под сомнение утверждение, что ответственность — это негативные последствия совершенного правонарушения, которые реализуются в

рамках правоотношения, поскольку всеми перечисленными признаками обладает наказание, которое не следует отождествлять с понятием «ответственность».

Если наказание есть негативное последствие правонарушения, которое реализуется в рамках правоотношения, то что служит основанием (юридическим фактом) его возникновения? Подобный вопрос в юридической литературе не ставится, несмотря на его ключевую роль в понимании сущности юридической ответственности. Как представляется, таким юридическим фактом является юридическая ответственность.

При обозначенных обстоятельствах под юридической ответственностью следует понимать юридический факт, который влечет возникновение правоотношения, содержанием которого являются: право потерпевшего или государства в лице его уполномоченных органов на применение наказания или иных мер принудительного характера (например, принудительные меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ)) и корреспондирующая этому праву обязанность правонарушителя.

Юридические факты принято делить на события, действия и юридические состояния (длящиеся жизненные обстоятельства, влияющие на динамику гражданских правоотношений). К какому виду юридических фактов отнести юридическую ответственность?

Как представляется, ее следует квалифицировать в качестве юридического состояния, которое характеризует особое правовое состояние правонарушителя. В данном случае абсолютно справедливым будет провести аналогию с судимостью, о которой указывается: «для целей уголовного судопроизводства под судимостью следует понимать правовое состояние лица, совершившего преступление»¹².

Отнесение юридической ответственности к юридическим фактам-состояниям подтверждается следующими причинами.

Во-первых, особенность юридического состояния в том, что оно возникает не само по

¹² П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» // СПС «КонсультантПлюс».

себе, а из-за других юридических фактов. Юридическая ответственность появляется вследствие правонарушения, которое представляет собой юридический факт. Следовательно, поскольку основанием юридической ответственности выступает юридический факт, то ее следует считать юридическим состоянием, а не простым юридическим фактом.

Во-вторых, юридическое состояние характеризуется своей длящейся природой и стабильностью, играя роль правового положения субъекта, которое влияет на его правовой статус. Ответственность именно так и функционирует: право на привлечение к наказанию или применение иных мер принудительного характера существует до тех пор, пока существует ответственность. Прекращение ответственности автоматически прекращает это право. Например, согласно ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Из содержания приведенной нормы следует, что с момента совершения преступления и до момента примирения с потерпевшим преступник находится в состоянии уголовной ответственности, что дает право государству подвергнуть его наказанию. Прекращение этого состояния прекратит это право. Следовательно, поскольку правовые последствия юридической ответственности существуют, пока правонарушитель ее несет, ответственность представляет собой длящееся обстоятельство, которое влияет на динамику отношений по реализации наказания или иных мер принудительного характера. Иначе говоря, она является юридическим состоянием.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что под юридической ответственностью правильнее понимать особое *правовое состояние* правонарушителя, влияющее на возникновение и динамику правоотношения, в рамках которого реализуется наказание. Данное состояние возникает непосредственно с момента совершения правонарушения. В упрощенном виде предлагаемую концепцию можно выразить следующей схе-

мой: «*правонарушение → состояние ответственности → правоотношение наказания*».

Здесь, однако, может возникнуть вопрос: какова роль ответственности в этой цепочке правовых явлений? Почему нельзя обойтись без нее и считать, что совершение правонарушения непосредственно порождает правоотношение наказания?

Безусловно, подход «правонарушение → правоотношение наказания» теоретически допустим, но практически менее удобен. Исключение категории юридической ответственности привело бы к значительному усложнению конструкции состава правонарушения, поскольку пришлось бы расширить его состав обстоятельствами, которые в настоящий момент находятся за его рамками. Например, в состав уголовного правонарушения пришлось бы включать не только субъективную и объективную стороны преступления, но и обстоятельства, смягчающие (ст. 61 УК РФ) и отягчающие (ст. 63 УК РФ) наказание; в состав гражданского правонарушения — вину потерпевшего (ст. 404 и 1083 ГК РФ). При таком подходе каждое правонарушение имело бы уникальный состав правонарушения. Кроме того, категория «юридическая ответственность» имеет важное значение для функционирования присяжных заседателей. Как известно, они решают вопрос о причастности лица к преступлению (ч. 1 ст. 339 УПК РФ), которое выступает лишь основанием уголовной ответственности. Назначение же уголовного наказания, которое является субъективным правом государства, осуществляется судом (п. 3 абз. 1 ст. 350 УПК РФ).

Таким образом, с точки зрения юридической техники категория «юридическая ответственность» является ключевой, так как позволяет значительно упростить правовое регулирование отношений, возникающих в связи с совершением правонарушений. Такой эффект достигается благодаря разведению «юридической ответственности» и «наказания», поскольку они не только обладают разной правовой природой, но и различаются по основаниям возникновения и способам реализации, чем обусловлена насущная необходимость их четкого разграничения.

Основанием возникновения юридической ответственности является исключительно право-

нарушение. Никакие иные юридические факты не могут ее порождать. Основанием же прекращения юридической ответственности могут быть различные юридические факты, например обстоятельства, указанные в гл. 11 УК РФ или п. 3 ст. 401 ГК РФ.

Практические следствия концепции ответственности-состояния

Важным является вопрос: должно ли прекращение ответственности обуславливаться усмотрением лица или наступать при возникновении определенных юридических фактов, независимо от чьей-либо воли?

Рассмотренные концепции могут по-разному отвечать на него. Если понимать ответственность как правоотношение, содержанием которого служит право привлечь к ней, то реализация этого права или отказ от него (то есть освобождение), безусловно, могут зависеть как от усмотрения уполномоченной стороны, так и от иных юридических фактов. Если же исходить из концепции состояния ответственности, вывод будет противоположным: она не может ставиться в зависимость от усмотрения, поскольку уже не является чьим-либо субъективным правом и должна подчиняться объективным критериям.

Думается, что верной является позиция концепции ответственности-состояния. Иной подход противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

Этот принцип конкретизирован применительно к уголовной ответственности. В статье 4 УК РФ закреплено, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии,

убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Следовательно, освобождение от уголовной ответственности при прочих равных условиях в силу усмотрения правоприменителя неизбежно приводит к неравенству: два лица, совершивших тождественные преступления, могут быть поставлены в неравное положение, одно будет освобождено, а другое — осуждено.

Таким образом, предоставление органу власти дискреционного права освобождать от ответственности даже при доказанности всех формальных условий неизбежно приводит к неравенству, что недопустимо. Значит, научную концепцию, позволяющую избежать подобного результата, следует считать верной.

Такому критерию соответствует концепция ответственности как юридического состояния, что и служит дополнительным аргументом в ее пользу в противопоставлении трактовке ответственности как правоотношения.

При указанных обстоятельствах полагаем неверной редакцию статей законов, где освобождение от ответственности представлено как право правоприменительного органа, а не как правовое последствие, наступающее при наличии установленных юридических фактов. Например, согласно ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Буквальное толкование данной нормы ставит освобождение от ответственности в зависимость не от наличия состава юридических фактов, а от усмотрения органа власти, что недопустимо. Это касается не только ст. 76 УК РФ, но и других аналогичных норм. Правильными представляются редакции ч. 1 ст. 76.1 УК РФ¹³, примечание к ст. 6.8 КоАП РФ¹⁴ и т.д.

Таким образом, ответственность, будучи юридическим состоянием, не зависит от чьего-

¹³ Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное статьями 198–199.1, 199.3, 199.4 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме.

¹⁴ Лицо, добровольно сдавшее приобретенные без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества,

либо усмотрения, поскольку она не является субъективным правом.

Наказание, напротив, представляет собой субъективное право потерпевшего или государства. Это означает, что его реализация, равно как и прекращение, может зависеть как от усмотрения управомоченного лица, так и от наступления определенных юридических фактов. У потерпевшего право на наказание возникает в сфере частного права (гражданские и трудовые отношения), у государства — в сфере публичного права (уголовные и административные отношения).

В гражданском праве реализация этого права подчиняется как общим правилам осуществления гражданских прав, так и нормам, регулирующим обязательства, поскольку наказание реализуется в рамках обязательственного правоотношения. Это означает, что потерпевший осуществляет свое право по собственному усмотрению (п. 1 ст. 9 ГК РФ), вплоть до отказа от применения наказания к правонарушителю (ст. 415 ГК РФ).

В публичной сфере право государства на наказание реализуется от его имени уполномоченными органами в порядке, определенном законом. В отличие от частной сферы, где прекращение этого права полностью зависит от усмотрения потерпевшего, в публичной сфере оно может прекращаться не только по усмотрению государства, но и при наступлении иных юридических фактов. По этой причине в уголовном праве основания освобождения от наказания принято делить на обязательные (их применение является обязанностью суда) и факультативные (их применение зависит от усмотрения суда)¹⁵.

Важно учитывать, что отказ от одного вида наказания не влечет автоматически отказа от других видов наказания или иных мер государственного принуждения. Например, отказ

потребителя от взыскания убытков не лишает права на взыскание штрафа общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы местного самоуправления, который предусмотрен абзацем 2 п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей¹⁶. Аналогично освобождение от наказания несовершеннолетнего, осужденного за совершение преступления небольшой или средней тяжести, не исключает возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ).

Таким образом, «юридическая ответственность» и «наказание» (мера ответственности, санкция) являются самостоятельными понятиями, обладающими различной правовой природой, основаниями возникновения и прекращения. Будучи самостоятельными, они соотносятся как причина и следствие. Это означает, что ответственность определяет динамику наказания, тогда как обратное влияние отсутствует.

Однако данная связь не всегда учитывается законодателем, что приводит к ошибочному применению наказания после прекращения ответственности. Например, согласно ст. 76.2 УК РФ лицо может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а в соответствии с ч. 1 ст. 90 УК РФ несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Аналогично часть 2 ст. 2.3 КоАП РФ предусматривает, что лицо, совершившее административное правонарушение в возрасте от 16 до 18 лет, комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия.

В перечисленных случаях представляется неверным применять наказание и иные меры

либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, освобождается от административной ответственности за данное административное правонарушение.

¹⁵ Дуюнов В. К. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. К. Дуюнова. 7-е изд. М. : РИОР : Инфра-М, 2026. URL: <https://znanium.ru/read?id=469977&page=270> (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁶ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

принудительного воздействия к лицам, освобожденным от ответственности, поскольку именно она служит правовым основанием для их применения.

Для разрешения этого противоречия требуется уточнение законодательной терминологии.

Буквальное толкование приводит к выводу, что в таких нормах, как ст. 76.2 и 90 УК РФ, под освобождением от уголовной ответственности законодатель фактически подразумевает не прекращение состояния ответственности, а отказ от ее реализации в форме традиционного наказания (лишения свободы, исправительных работ и т.п.) и переход к ее реализации в особой форме — путем применения судебного штрафа или принудительных мер воспитательного воздействия.

Следовательно, корректной была бы формулировка, прямо указывающая на сохранение состояния ответственности, например: «лицо освобождается от наказания в виде (лишения свободы и т.д.) с применением к нему (судебного штрафа или принудительной меры воспитательного воздействия)». Это касается и норм ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ.

Такой подход терминологически безупречен, поскольку, как отмечалось ранее, освобождение от одного вида наказания не исключает возможности применения другого вида наказания или иных мер принудительного характера, пока лицо продолжает находиться в состоянии ответственности.

Важным аспектом юридической ответственности является вопрос о возможности ее перехода в силу универсального или сингулярного правопреемства.

В юридической литературе указывается, что в части обязанностей, вытекающих из трудовых правоотношений, можно увидеть обоснование о невозможности перехода к наследникам обязанности по возмещению вреда, причиненного работником при исполнении трудовых (служебных) обязанностей ввиду личного характера трудового правоотношения, а значит, и обязан-

ность по возмещению материального ущерба работником как неразрывно связанная с личностью виновного лица (наследодателя) не входит в состав наследства и не переходит к наследнику в порядке наследственного правопреемства (решение Верхнепышминского городского суда (Свердловская область) от 12.09.2018 по делу № 2-1340/2018). Такой подход расходится с аналогичной ситуацией по возмещению вреда, причиненного преступлением в уголовном праве, и заставляет задуматься над унификацией правоприменительной практики¹⁷.

Как представляется, такая унификация может быть проведена на основе предложенной концепции. Юридическая ответственность, выступая в качестве юридического состояния лица, не может переходить к другим лицам, так как является неотделимым элементом его правового статуса. Иначе обстоит дело с наказанием. Оно может обременять либо личность правонарушителя, либо его имущество. В первом случае правопреемство недопустимо, во втором — допустимо. При этом меры имущественной ответственности могут переходить по наследству только при условии, что до момента открытия наследства не возникло оснований для прекращения ответственности.

Исходя из сказанного трудно согласиться с приведенным решением суда. Думается, нет правовых оснований для вывода о невозможности перехода к наследникам обязанности по возмещению вреда, причиненного работником при исполнении трудовых (служебных) обязанностей, так как эта обязанность обременяет имущество правонарушителя, а не его личность. В противном случае нужно признать, что смерть работника также прекращает обязанность работодателя возместить причиненный работнику вред ввиду того, что право на возмещение материального ущерба неразрывно связано с личностью самого работника.

Таким образом, юридическая ответственность не может переходить к другим лицам. Исключительно имущественные наказания,

¹⁷ Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России : монография. М. : Статут, 2022. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19060&dst=101177#TchDJ1Vk3uPx3kaO1> (дата обращения: 01.11.2025).

обременяющие имущество правонарушителя, могут переходить к другим лицам.

В заключение следует отметить, что понятие ответственности принято также употреблять в значении долга, что представляется спорным, и это необходимо учитывать при правоприменении. Например, статья 24 ГК РФ называется «Имущественная ответственность гражда-

нина», несмотря на то что в ней речь идет об обращении взыскания на его имущество по его долгам, которые не ограничиваются мерами ответственности; статья 363 ГК РФ — «Ответственность поручителя», хотя в ней говорится об исполнении обязательств (долгов) основного должника, которые также не сводятся к мерам ответственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братусь С. Я. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). — М. : Юридическая литература, 1976. — 216 с.
2. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби, 2002. — Т. 1. — 784 с.
3. Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2005. — Т. 1. — 765 с.
4. Дуюнов В. К. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. К. Дуюнова. — 7-е изд. — М. : РИОР : Инфра-М, 2026.
5. Иоффе О. С. Обязательственное право. — М. : Юридическая литература, 1975. — 880 с.
6. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М. : Юридическая литература, 1961. — 381 с.
7. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. — М. : Госюриздат, 1962. — 246 с.
8. Самощенко И. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. — М. : Юридическая литература, 1971. — 240 с.
9. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России : монография. — М. : Статут, 2022. — 386 с.

Материал поступил в редакцию 22 января 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bratus S. Ya. Yuridicheskaya otvetstvennost i zakonnost (Ocherk teorii). — M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. — 216 s.
2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo. — 6-e izd., pererab. i dop. — M.: TK Velbi, 2002. — T. 1. — 784 s.
3. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo. — 6-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2005. — T. 1. — 765 s.
4. Dyunov V. K. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik / pod red. d-ra yurid. nauk, professora V. K. Dyunova. — 7-e izd. — M.: RIOR: Infra-M, 2026.
5. Ioffe O. S. Obyazatel'stvennoe pravo. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1975. — 880 s.
6. Ioffe O. S., Shargorodskiy M. D. Voprosy teorii prava. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1961. — 381 s.
7. Leyst O. E. Sanktsii v sovetskom prave. — M.: Gosyurizdat, 1962. — 246 s.
8. Samoshchenko I. S., Farukhin M. Kh. Otvetstvennost po sovetskomu zakonodatel'stvu. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 240 s.
9. Khodyreva E. A. Pravo nasledovaniya v grazhdanskom prave Rossii: monografiya. — M.: Statut, 2022. — 386 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.067-077

В. И. Гильманова*

Особенности определения предмета доказывания в делах о признании и приведении в исполнение иностранных решений

Аннотация. Автор обращает внимание на то, что, в отличие от обычных дел, где требуется рассмотреть исковое заявление и разрешить спор по существу, в делах о выдаче экзекватуры предметом судебного рассмотрения являются процессуально-правовые факты. Необходимость установления данных фактов подтверждается анализом норм законодательства, определяющих основания к отказу в признании и приведении в исполнение иностранных решений, а также научными воззрениями. В то же время в статье демонстрируется специфика установления обстоятельств, свидетельствующих о противоречии иностранного решения публичному порядку Российской Федерации. Путем обращения к теоретическим знаниям о понятии публичного порядка, а также посредством анализа практики арбитражных судов автор выявляет, что для проверки иностранного решения на его соответствие публичному порядку суду необходимо устанавливать и факты материально-правового характера. К ним относятся факты о субъектах и предмете спора, разрешенного зарубежным судом, а также об основаниях возникновения обязательства должника перед взыскателем.

Ключевые слова: арбитражный процесс; гражданский процесс; международный гражданский процесс; признание и приведение в исполнение; иностранные решения; экзекватура; трансграничные споры; публичный порядок; предмет доказывания; факты, подлежащие доказыванию

Для цитирования: Гильманова В. И. Особенности определения предмета доказывания в делах о признании и приведении в исполнение иностранных решений // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 67–77. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.067-077

© Гильманова В. И., 2026

* Гильманова Виктория Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
gilmatoria@gmail.com

Specific Features of Determining the Subject Matter of Proof in Cases Concerning the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments

Viktoriia I. Gilmanova, Cand. Sci. (Law), Senior lecturer Department of Civil and Administrative Procedure named after M.S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
gilmatoria@gmail.com

Abstract. The author emphasizes that, unlike ordinary cases, in which a statement of claim must be examined and the dispute resolved on the merits, in proceedings concerning the issuance of exequatur, the subject of judicial review consists of procedural legal facts. The need to establish such facts is confirmed by an analysis of statutory provisions defining the grounds for refusing recognition and enforcement of foreign judgments, as well as by scholarly views. At the same time, the paper demonstrates the specific features of establishing circumstances indicating that a foreign judgment is contrary to the public policy of the Russian Federation. By drawing on theoretical approaches to the concept of public policy and by analyzing the practice of commercial courts, the author establishes that, in order to determine whether a foreign judgment complies with public policy, the court must also ascertain facts of a substantive legal nature. These include facts concerning the parties to and the subject matter of the dispute resolved by the foreign court, as well as the grounds on which the debtor's obligation to the creditor arose.

Keywords: arbitration procedure; civil procedure; international civil procedure; recognition and enforcement; foreign judgments; exequatur; cross-border disputes; public order; subject matter of proof; facts to be proved

Cite as: Gilmanova VI. Specific Features of Determining the Subject Matter of Proof in Cases Concerning the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):67-77. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.067-077

Подход к порядку определения предмета доказывания в деле, где требуется рассмотреть исковое заявление и разрешить спор по существу, четко определен в науке и практике. При этом в ходе рассмотрения судом заявления о признании и приведении в исполнение иностранного решения отсутствует необходимость в разрешении материально-правового спора. Производство в таких делах направлено на выявление допустимости наделения обязательностью и исполнимостью зарубежного акта правосудия, что свидетельствует о наличии в них своего особого предмета судебного рассмотрения. Данная отличительная черта обуславливает специфику определения предмета доказывания в соответствующей категории дел и требует ее научного исследования. Верное определение предмета доказывания по делу имеет существенное практическое значение для вывода о законности и обоснованности судебного акта или постанов-

ления, а также о его соответствии цели правосудия, ориентированной на защиту прав, свобод и законных интересов участников дел. Кроме того, признание и приведение в исполнение иностранных решений служит защитой не только частных, но и публичных интересов, и определение категории фактов, подлежащих установлению с целью выдачи экзекватуры, является принципиально важным для охраны национального правопорядка Российской Федерации.

Как указывал С. В. Курылев, «факты, входящие в предмет доказывания, определяются на основе гипотезы применяемой судом нормы материального права или нескольких норм», при этом почти в каждом деле имеются конкретные обстоятельства, которые подлежат учету при применении закона; такие индивидуальные особенности дела не предусмотрены прямо гипотезой нормы в качестве юридических фактов, но имеют юридическое значение¹. И те и другие

¹ Курылев С. В. Избранные труды. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 332, 352.

факты спорных отношений, урегулированных нормами материального права, являются фактами материально-правового характера. Факты, которые устанавливаются с применением норм материального права для вывода о субъективном праве (факты материально-правового характера), составляют предмет доказывания по делу, а все остальные факты, которые устанавливаются в деле, охватываются пределами доказывания². Следовательно, по общему правилу для разрешения спора по существу необходимо установить факты материально-правового характера, и непосредственно их совокупность является предметом доказывания. От таких фактов зависит объем доказывания, они зачастую определяют характер средств доказывания, и, будучи установленными, такие факты доказывают правомерность (или неправомерность) иска³.

При этом еще в классической русской литературе было обращено внимание на то, что в деле о признании и приведении в исполнение иностранного решения русский суд, осуществляя «абсолютно свободный контроль», «не вправе лишь под предлогом отправления этого контроля дойти до оценки существа спора, ибо эта оценка не входит в круг его полномочий»⁴. Так, и должник «в своих средствах защиты ограничен лишь в одном отношении: он не может атаковать решение по существу, доказывая неправоисполнимость самого решения»⁵. Действительно, спор по существу был рассмотрен иностранным судом, и факты материально-правового

характера, касающиеся материальных правоотношений сторон, не подлежат установлению в рамках дела о выдаче экзекватуры в силу ч. 4 ст. 243 АПК РФ⁶, ч. 4 ст. 411 ГПК РФ⁷. По той же причине в данной категории дел суд не применяет нормы материального права, которые подлежат применению к спорному материальному правоотношению сторон дела и в соответствии с которыми иностранным судом определялся предмет доказывания по делу, находившемуся в его производстве.

В. В. Ярковым уже обращалось внимание на то, что в рассматриваемой нами категории дел полностью самостоятельный предмет доказывания составляют факты процессуально-правового характера⁸. Под фактами процессуально-правового характера (процессуальными юридическими фактами) понимаются: действия, бездействие, процессуальные нарушения всех субъектов гражданского процессуального отношения, а именно суда, судьи, должностных лиц суда, лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих правосудию, а иногда и иных субъектов; события; односторонние волеизъявления субъектов правоотношений; сроки; презюмируемые факты⁹.

Как указывает И. В. Решетникова, в предмет доказывания по делу о выдаче экзекватуры входят факты, свидетельствующие о наличии или отсутствии оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения¹⁰. По мнению ученого, в деле о при-

² Треушников М. К. Судебные доказательства : монография. 3-е изд., испр. и доп. М. : Городец, 2004. С. 15–17.

³ Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М. : Госюриздат, 1951. С. 152.

⁴ Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль, 1909. С. 188.

⁵ Яблочков Т. М. Указ. соч. С. 192.

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 453.

⁸ Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 156–157.

⁹ Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 66.

¹⁰ Решетникова И. В. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 439.

знании и приведении в исполнение решения иностранного суда взыскатель должен представить доказательства того, что судом иностранного государства в его пользу было принято решение; решение по закону государства, на территории которого оно принято, вступило в законную силу; сторона, против которой принято решение, была своевременно и надлежащим образом извещена о времени и месте рассмотрения дела. Действительно, необходимость установления названных обстоятельств следует из п. 1–3 ч. 3 ст. 242 АПК РФ, п. 1, 2, 4 ч. 2 ст. 411 ГПК РФ и обусловлена основаниями отказа в признании и приведении в исполнение иностранных решений.

Возражая относительно признания и приведения в исполнение иностранного решения, должник, очевидно, будет указывать на обстоятельства, являющиеся препятствием к выдаче экзекватуры и перечисленные в ч. 1 ст. 244 АПК РФ, ч. 1 ст. 412 ГПК РФ. Из части 2 ст. 244 АПК РФ, ч. 2 ст. 411 ГПК РФ следует, что вне зависимости от возражений должника по делу устанавливаются обстоятельства, связанные с компетенцией иностранного суда, отсутствием текущего или состоявшегося производства в отечественном суде по тождественному спору, сроком исполнительской давности, а также с противоречием иностранного решения публичному порядку.

Анализируя обстоятельства, в соответствии с которыми допускается либо становится невозможным признание и приведение в исполнение иностранного решения, мы видим, что они носят процессуально-правовой характер. Вступление решения иностранного суда в законную силу и факт течения срока давности приведения иностранного решения к исполнению являются процессуально-правовыми фактами, связанными с течением процессуальных сроков. Порядок извещения должника в иностранной юрисдикции, отсутствие условий для представления им

объяснений также относятся к процессуальным юридическим фактам в виде действия либо бездействия иностранного суда по соблюдению базовых гарантий процессуальной формы (а именно обеспечения права быть заслушанным). Отсутствие компетенции иностранного суда, наличие вступившего в законную силу российского решения по тождественному спору либо нахождение такого спора в производстве отечественных судов может свидетельствовать о процессуальном нарушении иностранным судом правил о компетенции (международной подсудности), т.е. именно процессуальных правил. Все указанные обстоятельства касаются процессуально-правовых отношений. Однако факт противоречия иностранного решения публичному порядку требует отдельного рассмотрения.

Учеными замечено, что «в большинстве случаев нарушение публичного порядка — это единственное основание для отказа в признании и приведении в исполнение на территории РФ иностранного решения, которое может иметь отношение к содержанию решения и затрагиваемым в нем вопросам материального права, в то время как остальные применимые основания связаны, как правило, с вопросами процессуального характера»¹¹. Для разрешения вопроса о том, какие юридические факты устанавливаются при проверке иностранного решения на его соответствие публичному порядку, необходимо проанализировать содержание данной категории и конкретные условия обращения судов к ней.

Как указывает С. В. Крохалев, категория публичного порядка является «нормативным обобщением высокого уровня, предусматривающим максимально широкий круг возможных вариантов жизненных ситуаций в конкретной области отношений»¹². Автор подчеркивает, что данная категория является продуктом естественного права, которое закреплено в праве позитивном, и ее использование остается на усмотрение

¹¹ Асосков А. В., Кучер А. Н. Президиум ВАС РФ определил подходы к понятию публичного порядка: краткий комментарий к информационному письму от 26.02.2013 № 156 // Вестник международного коммерческого арбитража. 2013. № 1. С. 191.

¹² Крохалев С. В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. С. 28.

правоприменителя, что фактически не исключает множественности подходов к ее трактовке. Именно поэтому в делах о признании и приведении в исполнение иностранных решений как государственных судов, так и арбитражей возникают проблемы в применении положения процессуального закона о публичном порядке, на что в доктрине неоднократно обращалось внимание¹³.

В юридической науке под публичным порядком понимается «выражение общих принципов и ценностей, из которых исходит определенное государственное сообщество и соблюдение которых необходимо для поддержания его существования и стабильности. Акцент делается на “порядок”, т.е. устои существования определенного общества. Противоречие ему — это противоречие “настрою, атмосфере, общим принципам”, обеспечивающим существование данной системы»¹⁴.

Необходимость в соблюдении публичного порядка имеется и в положениях материального права, которые предусматривают отказ от применения нормы иностранного права к правоотношениям с участием иностранного элемента, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка Российской Федерации (п. 1 ст. 1193 ГК РФ¹⁵). Подобное закрепление в законе оговорки о публичном порядке определяется как негативное, т.е. предполагающее указание на ограничение в применении нормы иностранного права, когда «применение иностранного закона могло бы

породить результат, недопустимый с точки зрения нашего правосознания»¹⁶. Как утверждает Г. К. Дмитриева, при оценке нормы иностранного права правоприменителю необходимо учитывать следующие элементы публичного порядка в российской юрисдикции: 1) основополагающие, фундаментальные принципы российского права, прежде всего конституционные, а также частноправовые и гражданско-процессуальные; 2) общепринятые принципы морали, на которые опирается российский правопорядок; 3) законные интересы российских граждан и юридических лиц, российского общества и государства, защита которых составляет основную задачу правовой системы страны; 4) общепринятые принципы и нормы международного права, являющиеся частью российской правовой системы, включая международно-правовые стандарты прав человека¹⁷. Признаем, данный подход демонстрирует возможность довольно широкого толкования категории публичного порядка в материальном праве.

Однако при рассмотрении вопроса о признании и приведении в исполнение иностранного решения речь идет не о применении иностранного права, а о последствиях действия иностранного акта правосудия с точки зрения их соответствия публичному порядку. В связи с этим согласимся с Т. Н. Ивановой, которая резюмирует имеющиеся исследования о соответствующей категории и указывает, что «более приемлемо говорить не о публичном порядке вообще, а об оговорке, ограничивающей действие иностран-

¹³ *Карабельников Б. Р.* Конституционный суд объяснил, что такое арбитрабельность и публичный порядок. Но арбитражные суды этого пока не услышали // *Вестник международного коммерческого арбитража*. 2011. № 2. С. 253 ; *Муранов А. И.* Некоторые аспекты понятия «публичный порядок» применительно к международному коммерческому арбитражу в России // *Международное право = International Law*. 2001. № 5. С. 406–409.

¹⁴ *Литвинский Д. В.* Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины). СПб., 2005. С. 509.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

¹⁶ *Лунц Л. А.* Курс международного частного права : в 3 т. Т. 1 : Международное частное право. Общая часть. М. : Спарк, 2002. С. 286.

¹⁷ *Дмитриева Г. К.* Международное частное право (часть третья ГК РФ). М. : Юрист, 2002. С. 118–120.

ного правопорядка и реализацию иностранных судебных решений»¹⁸.

Как справедливо отмечает С. А. Курочкин, «если в начале 2000-х гг. для уяснения сущности публичного порядка необходимо было обращаться к доктрине, то сегодня соответствующие разъяснения в изобилии содержатся в судебных актах»¹⁹. Действительно, поскольку законодатель не дает определения публичному порядку, намеренно оставляя на усмотрение судов применение данной оговорки в конкретной ситуации, сформировать современные представления о данной категории позволит только судебная практика. Кроме того, здесь важное значение имеют и временные рамки, поскольку с изменением политических, экономических и иных тенденций развития государства естественным образом трансформируется и содержание публичного порядка, что вызывает потребность в исследовании именно текущего подхода к применению данной категории.

Наглядным примером применения категории публичного порядка при рассмотрении дел о выдаче экзекватуры, как мы полагаем, может служить практика арбитражных судов. На сегодняшний день основным ориентиром в применении оговорки о публичном порядке в арбитражном судопроизводстве служит информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156²⁰ (далее — Информационное письмо № 156), содержащее обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Из указанного обзора следует, что правила о публичном порядке применяются единообразно безотносительно к тому, в отношении какого именно иностранного решения испрашивается выдача экзекватуры — решения иностранного государственно-

го суда либо международного коммерческого арбитража.

Согласно п. 1 Информационного письма № 156 под публичным порядком в целях применения п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

Не анализируя все приведенные в Информационном письме № 156 случаи, обратим внимание лишь на некоторые из них. В пункте 5 названного обзора на предмет нарушения публичного порядка оценивается иностранное решение, вынесенное на основании нормы, аналоги которой отсутствуют в российском праве. Суд руководствовался принципами свободы договора и добросовестности как основополагающими принципами гражданского законодательства России и пришел к выводу о допустимости признания и приведения в исполнение иностранного решения по требованию, которое не знакомо отечественному правопорядку, однако возможность его предъявления была добровольно согласована сторонами договора. Для вывода о том, что исполнение иностранного решения не будет противоречить публичному порядку Российской Федерации, арбитражному суду потребовалось установить факт заключения сторонами спора дистрибьюторского соглашения на конкретных условиях, а также факт нали-

¹⁸ Иванова Т. Н. Оговорка о публичном порядке в процессе признания и исполнения иностранных арбитражных решений // Вестник арбитражной практики. 2015. № 3. С. 8.

¹⁹ Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка Российской Федерации как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений // Закон. 2013. № 2. С. 40.

²⁰ Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

чия воли на включение в данное соглашение специального условия об уплате заранее оцененных убытков. Указанные факты, очевидно, являются фактами материально-правового характера, определяющими разрешенное иностранным судом спорное правоотношение.

В пункте 6 Информационного письма № 156 Высшим Арбитражным Судом РФ поддержан сформулированный судом кассационной инстанции общий подход, согласно которому признание и приведение в исполнение иностранных решений, предусматривающих взыскание заранее установленных в заключенных между контрагентами договора убытков, противоречит публичному порядку Российской Федерации. Определены следующие условия оценки соответствия взысканных убытков публичному порядку: если размер таких убытков настолько аномально высок, что многократно превышает тот, который стороны могли разумно предвидеть при заключении договора; если при согласовании размера таких убытков имелись очевидные признаки злоупотребления свободой договора (в форме эксплуатации слабых переговорных возможностей должника, нарушения публичных интересов и интересов третьих лиц и др.). Приведенный подход предполагает установление в рамках дела о выдаче экзекютуры обстоятельств, касающихся заключения договора, намерений сторон, а также разумной величины убытков, то есть, по сути, позволяет вторгнуться в пределы деятельности иностранного суда, разрешившего спор, однако теперь уже с учетом отечественных представлений о началах добросовестности и разумности.

Современная практика арбитражных судов также показывает, что с целью установления отсутствия противоречий исполнению иностранного решения публичному порядку суды могут

установить основание возникновения обязательства, подтвержденного иностранным решением, дать ему юридическую квалификацию и сделать вывод о недопустимости взыскания соответствующих сумм (например, штрафных санкций в период действия моратория²¹). Иногда поводом к самостоятельному установлению фактических обстоятельств спора может стать не только оценка допустимости принуждения должника к исполнению отдельных обязательств, но и отсутствие в иностранном решении «убедительного и непротиворечивого толкования условий контракта в части установления обязательств», неприведение в нем мотивов, в соответствии с которыми сделан вывод о возникновении обязательств по оплате присужденных денежных сумм²². Данные обстоятельства, как указывают суды, могут свидетельствовать об умалении права собственности должника и обогащении взыскателя за счет должника при отсутствии оснований, что противоречит фундаментальным правовым принципам Российской Федерации.

Рассмотренные примеры демонстрируют применение оговорки о публичном порядке с целью защиты частноправовых интересов, однако порядок ее применения с целью охраны публичного интереса не отличается особенностями установления обстоятельств. Например, в деле № А41-22518/2014, которое прошло длительную и неоднократную инстанционную проверку, рассматривался вопрос о признании и приведении в исполнение решения Специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области Республики Казахстан, которым в пользу казахстанского Департамента таможенного контроля была взыскана задолженность по таможенным платежам и налогам с российского учреждения²³.

²¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.03.2024 по делу № А41-83576/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/855ca268-0e7b-4fad-9230-37b312f4bd58> (дата обращения: 20.09.2025).

²² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.04.2021 по делу № А56-131886/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/83b8e1bb-d119-47b2-b0e5-cfe25004d5c5> (дата обращения: 20.09.2025).

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.02.2017 по делу № А41-22518/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ccfe7744-c9df-44a6-bc02-a386dbe2b5cf> (дата обращения: 20.09.2025).

Верховный Суд РФ, оценив установленные нижестоящими судами обстоятельства дела, пришел к выводу, что указанное иностранное судебное решение не направлено на защиту частного интереса. Для вывода о том, что соответствующее решение направлено на защиту публичного интереса другого государства, установлены факты, касающиеся основания требований взыскателя (взыскание таможенных платежей, налогов, пеней в бюджет иностранного государства), предмета обложения таможенными платежами и налогами (военное имущество), правового статуса должника в спорном правоотношении (наличие или отсутствие фискального иммунитета) и другие факты материально-правового характера.

Судами могут быть учтены также факты, касающиеся материально-правового статуса стороны дела, разрешенного иностранным судом, когда речь идет, например, о субъекте естественной монополии России, деятельность которого способна оказать влияние на национальный правовой порядок. Арбитражные суды могут принять во внимание, что «удовлетворение заявленных иностранным субъектом требований может привести к существенному росту тарифов и превышению установленных ФАС России их предельных уровней», и признают иностранное решение нарушающим публичный порядок Российской Федерации, поскольку в результате его приведения в исполнение может быть причинен ущерб экономическим интересам страны²⁴.

В практике встречается обращение к оговорке о публичном порядке, когда суды приходят к выводу о вынесении иностранного решения без участия лиц, чьи права или обязанности фактически затрагиваются принятым иностранным судом решением²⁵. Для урегулирования данного

вопроса, безусловно, необходимо установить факты материально-правового характера, касающиеся спорных правоотношений, и дать им соответствующую юридическую квалификацию, оценить последствия принудительного осуществления притязания взыскателя и их влияние на права или обязанности лица, не привлеченного к участию в деле.

Особенно показательными являются случаи, когда при наличии определенных сомнений в добросовестности поведения участников иностранного процесса арбитражные суды полностью переоценивают все фактические обстоятельства дела, разрешенного иностранным судом. Так, в деле № А60-14725/2019, проанализировав обстоятельства, установленные Специализированным межрайонным экономическим судом г. Астаны, арбитражные суды пришли к выводу о том, что участники дела в отсутствие реальных (фактических) договорных отношений создали видимость частнопроводимого спора, проводимые между ними денежные операции носили транзитный характер, не имеющий экономического смысла²⁶. Оценив фактические материально-правовые отношения сторон спора, арбитражные суды сочли, что выдача экзекватуры приведет к нарушению публичного порядка Российской Федерации по причине недобросовестного, направленного на злоупотребление правом и обход закона поведения участников судебного разбирательства и согласованности их действий, в связи с чем в удовлетворении заявления отказали. Аналогичным образом выводы о противоречии публичному порядку исполнения иностранных решений были сделаны судами и в других делах на основании установления фактов, свидетельствующих о номинальном статусе стороны сделки и подозрительности ее участия в спорном право-

²⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.01.2021 по делу № А40-41591/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/571d99ce-0453-446a-8850-133c7ea5fc10> (дата обращения: 20.09.2025).

²⁵ Определение Верховного Суда РФ от 11.09.2019 по делу № А40-232485/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ed95b322-fa3d407e-a61d42b32b45e1585> (дата обращения: 20.09.2025).

²⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.09.2019, оставленное без изменения определением Верховного Суда РФ от 19.12.2019, по делу № А60-14725/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ebf6a41b-de75-4e22-8672-3369b111caa8> (дата обращения: 20.09.2025).

отношении²⁷. С целью определения номинального статуса стороны разрешенного иностранным судом спора арбитражные суды устанавливают факты, касающиеся даты регистрации организации, заключившей сделку, из которой возникло обязательство, наличия сведений о недостоверности информации об организации в реестре юридических лиц, соотношения величины уставного капитала с суммой взыскания и иные материально-правовые обстоятельства²⁸.

Из приведенных примеров видно, что для выявления соответствия последствий исполнения иностранного решения публичному порядку суду необходимо сопоставить не только само материальное притязание взыскателя с фундаментальными принципами на предмет наличия либо отсутствия противоречий, но и установить основания возникновения такого притязания. Определить соответствие удовлетворенного иностранным судом требования принципам, обеспечивающим защиту российского правопорядка, невозможно без установления обстоятельств, на которых базируются такие требования. Получается, что в целях защиты основ правопорядка на территории России суд вправе затронуть существо принятого иностранным судом решения, поэтому «принцип невозможности пересмотра решения по существу не должен препятствовать реализации принципа защиты публичного порядка»²⁹.

Как мы видим, определение наличия либо отсутствия оснований для отказа в признании и

приведении в исполнение иностранного решения по мотиву его несоответствия публичному порядку Российской Федерации предполагает установление и материальных юридических фактов о статусе субъектов спора, а также о предмете спора (спорных материально-правовых отношениях, разрешенных иностранным судом). При этом, поскольку «элементом публичного порядка является в том числе право каждого на суд»³⁰, данная оговорка может быть применена в результате выявления фактов процессуально-правового характера, свидетельствующих о нарушении в иностранной юрисдикции основ осуществления правосудия в России. Таким фактом, например, может быть аффилированность иностранного судьи с участниками процесса, что нарушает фундаментальные принципы независимости и беспристрастности (п. 13 Информационного письма № 156), и даже пассивность суда в проверке обоснованности позиций стороны дела³¹.

Таким образом, в предмет доказывания по делу о признании и приведении в исполнение иностранных решений включаются две группы фактов. К ним относятся факты процессуально-правового характера, касающиеся юридической силы самого иностранного решения, порядка его вынесения с учетом соблюдения базовых процессуальных гарантий и наличия у иностранного суда компетенции по разрешению соответствующего спора. С целью предупреждения исполнения решения, противоречащего

²⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.01.2019 по делу № А76-21109/2018 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7145cbef-d25c-4438-8c0b-a2a2dccb88f3> (дата обращения: 20.09.2025).

²⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.02.2018 по делу № А76-28126/2016 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ec6b6ce7-454d4a4c-a539-04c8cd2ac8fa> (дата обращения: 20.09.2025); постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2018 по делу № А41-15132/2018 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1ada403f-019f-495d481ec-0e253d4cca43> (дата обращения: 20.09.2025).

²⁹ Богатина Ю. Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. С. 151.

³⁰ П. 46 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

³¹ Определение Верховного Суда РФ от 25.07.2022 № 306-ЭС22-6854 по делу № А72-14198/2021 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/feafd9f4-88f9-4fbf-bf74-ee329cba61c5> (дата обращения: 20.09.2025).

публичному порядку Российской Федерации, устанавливаются факты материально-правового характера о субъектах и предмете спора, раз-

решенного зарубежным судом, а также об основаниях возникновения обязательства должника перед взыскателем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асосков А. В., Кучер А. Н. Президиум ВАС РФ определил подходы к понятию публичного порядка: краткий комментарий к информационному письму от 26 февраля 2013 г. № 156 // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2013. — № 1. — С. 190–198.
2. Богатина Ю. Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. — М. : Статут, 2010. — 480 с.
3. Дмитриева Г. К. Международное частное право (часть третья ГК РФ) : учебное пособие. — М. : Юристъ, 2002. — 254 с.
4. Иванова Т. Н. Оговорка о публичном порядке в процессе признания и исполнения иностранных арбитражных решений // Вестник арбитражной практики. — 2015. — № 3. — С. 6–10.
5. Карабельников Б. Р. Конституционный суд объяснил, что такое арбитрабельность и публичный порядок. Но арбитражные суды этого пока не услышали // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2011. — № 2. — С. 249–265.
6. Крохалев С. В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. — СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 472 с.
7. Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка Российской Федерации как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений // Закон. — 2013. — № 2. — С. 39–45.
8. Курылев С. В. Избранные труды. — Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. — 607 с.
9. Литвинский Д. В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины). — СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. — 951 с.
10. Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. Т. 1 : Международное частное право. Общая часть. — М. : Спарк, 2002. — 1007 с.
11. Муранов А. И. Некоторые аспекты понятия «публичный порядок» применительно к международному коммерческому арбитражу в России // Международное право = International Law. — 2001. — № 5. — С. 396–425.
12. Решетникова И. В. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 480 с.
13. Треушников М. К. Судебные доказательства : монография. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Городец, 2004. — 272 с.
14. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. — М. : Госюриздат, 1951. — 295 с.
15. Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. — Ярославль, 1909. — 220 с.
16. Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1992. — 523 с.
17. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе : монография. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 608 с.

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Asoskov A. V., Kucher A. N. Prezidium VAS RF opredelil podkhody k ponyatiyu publichnogo poryadka: kratkiy kommentariy k informatsionnomu pismu ot 26 fevralya 2013 g. № 156 // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. — 2013. — № 1. — S. 190–198.
2. Bogatina Yu. G. Ogovorka o publichnom poryadke v mezhdunarodnom chastnom prave: teoreticheskie problemy i sovremennaya praktika. — M.: Statut, 2010. — 480 s.
3. Dmitrieva G. K. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo (chast tretya GK RF): uchebnoe posobie. — M.: Yurist, 2002. — 254 s.
4. Ivanova T. N. Ogovorka o publichnom poryadke v protsesse priznaniya i ispolneniya inostrannykh arbitrazhnykh resheniy // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2015. — № 3. — S. 6–10.
5. Karabelnikov B. R. Konstitutsionnyy sud obyasn timer, chto takoe arbitrabilnost i publichnyy poryadok. No arbitrazhnye sudy etogo poka ne uslyshali // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. — 2011. — № 2. — S. 249–265.
6. Krokhavev S. V. Kategoriya publichnogo poryadka v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse. — SPb.: Izdatelskiy dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yuridicheskogo fakulteta S.-Peterb. gos. un-ta, 2006. — 472 s.
7. Kurochkin S. A. Narushenie publichnogo poryadka Rossiyskoy Federatsii kak osnovanie dlya otказа v priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh sudebnykh i arbitrazhnykh resheniy // Zakon. — 2013. — № 2. — S. 39–45.
8. Kurylev S. V. Izbrannye trudy. — Minsk: Redaktsiya zhurnala «Promyshlenno-torgovoe pravo», 2012. — 607 s.
9. Litvinskiy D. V. Priznanie inostrannykh sudebnykh resheniy po grazhdanskim delam (sravnitelno-pravovoy analiz frantsuzskogo zakonodatelstva, sudebnoy praktiki i yuridicheskoy doktriny). — SPb.: Izdatelskiy dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yuridicheskogo fakulteta S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. — 951 s.
10. Lunts L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t. T. 1: Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Obshchaya chast. — M.: Spark, 2002. — 1007 s.
11. Muranov A. I. Nekotoroe aspekty ponyatiya «publichnyy poryadok» primenitelno k mezhdunarodnomu kommercheskomu arbitrazhu v Rossii // Mezhdunarodnoe pravo = International Law. — 2001. — № 5. — S. 396–425.
12. Reshetnikova I. V. Spravochnik po dokazyvaniyu v arbitrazhnom protsesse. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 480 s.
13. Treushnikov M. K. Sudebnye dokazatelstva: monografiya. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Gorodets, 2004. — 272 s.
14. Yudelson K. S. Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse. — M.: Gosyurizdat, 1951. — 295 s.
15. Yablochkov T. M. Kurs mezhdunarodnogo grazhdanskogo protsessualnogo prava. — Yaroslavl, 1909. — 220 s.
16. Yarkov V. V. Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessualnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 1992. — 523 s.
17. Yarkov V. V. Yuridicheskie fakty v tsivilisticheskom protsesse: monografiya. — M.: Infotropik Media, 2012. — 608 s.

Запрет на насилие в детско-юношеском спорте: пробелы правового регулирования и способы их преодоления

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблемы насилия и иных форм жестокого обращения в детско-юношеском спорте с позиций трудового и уголовного права и с учетом международных стандартов защиты прав ребенка. Установлено, что международные акты, принятые в целях защиты ребенка от насилия, носят лишь декларативный характер. В статье отмечается, что ввиду отсутствия единой дефиниции термина «насилие», а также характеристики возможных злоупотреблений в спортивной среде правовое регулирование в Российской Федерации фрагментарно. Помимо этого, не выстроены процедуры раннего выявления случаев насилия и реагирования на них, а охранительных гарантий для несовершеннолетних спортсменов оказывается меньше, чем для других несовершеннолетних работников, что наиболее отчетливо отражается в ч. 4 ст. 348.8 ТК РФ. На материале Конвенции о правах ребенка и доктрины обоснована необходимость смещения акцента с декларативных норм на механизм контроля, который может функционировать по образцу существующей в США модели Safe Sport.

Ключевые слова: детско-юношеский спорт; несовершеннолетние спортсмены; насилие в спорте; трудовые права несовершеннолетних работников; охрана труда; защита прав детей; статья 348.8 ТК РФ; спортивное право; Конвенция о правах ребенка; трудовое право

Для цитирования: Ванин Н. В. Запрет на насилие в детско-юношеском спорте: пробелы правового регулирования и способы их преодоления // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 78–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.078-085

The Prohibition of Violence in Youth Sports: Gaps in Legal Regulation and Means of Overcoming Them

Nikita V. Vanin, Postgraduate Student, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
vaninnikita11@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to a comprehensive analysis of violence and other forms of abuse in youth sports from the perspectives of labor law and criminal law, taking into account international standards for the protection of children's rights. It establishes that international instruments adopted for the purpose of protecting children

© Ванин Н. В., 2026

* Ванин Никита Владимирович, аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП)
Большая Черемушкинская ул., д. 34, г. Москва, Российская Федерация, 117218
vaninnikita11@gmail.com

from violence are merely declaratory in nature. The study also notes that the current legal regulation in the Russian Federation is fragmented due to the absence of a unified definition of the term «violence» and of any characterization of potential abuses in the sports environment. At the same time, international instruments likewise do not articulate a uniform approach to the term «violence». In addition, procedures for the early detection of and response to incidents of violence have not been developed, while the range of protective guarantees afforded to minor athletes is narrower than that available to ordinary minor employees, which is most clearly reflected in Part 4 of Article 348.8 of the Labor Code of the Russian Federation. Drawing on the Convention on the Rights of the Child and legal doctrine, the paper substantiates the need to shift the emphasis from declaratory norms to an operational monitoring mechanism, which may be constructed on the model of the SafeSport system currently existing in the United States.

Keywords: youth sports; underage athletes; violence in sports; labour rights of underage workers; occupational safety; protecting children's rights; Article 348.8 of the Labor Code of the Russian Federation; sports law; Convention on the Rights of the Child; employment law

Cite as: Vanin NV. The Prohibition of Violence in Youth Sports: Gaps in Legal Regulation and Means of Overcoming Them. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):78-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.078-085

Проблема насилия в сфере детско-юношеского спорта в последние годы обращает на себя повышенное внимание государств, спортивных федераций и международных организаций. Результаты проекта Child Abuse in Sport: European Statistics (CASES)¹, в рамках которого было проанализировано свыше 10 000 анкетных ответов от взрослых в возрасте 18–30 лет, занимавшихся спортом в детстве, показали, что 44 % респондентов испытали те или иные формы физического насилия именно в спортивной среде (то есть со стороны тренеров, инструкторов, сверстников-спортсменов и других лиц).

При этом, помимо физического и сексуального насилия, серьезной проблемой в спорте является психологическое (эмоциональное) насилие — систематическое унижение, оскорбления, чрезмерная критика, игнорирование, угрозы. По некоторым данным, это самая распространенная форма насилия в спорте: крупное исследование в Великобритании выявило, что до 75 % юных спортсменов сталкивались с психологическим

насилием, в том числе со стороны тренеров². Нередко такие методы используются для «мотивации» или наказания детей за ошибки. Эксперты подчеркивают, что эмоциональное злоупотребление часто становится почвой для других форм насилия: детям, привыкшим испытывать страх и молчать об этом, труднее раскрыть случаи сексуальных или физических посягательств.

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, под жестоким обращением с детьми понимаются «все формы физического и/или эмоционального (психологического) насилия, сексуального насилия, пренебрежения или небрежного обращения либо коммерческой или иной эксплуатации, ведущие к реальному или потенциальному вреду здоровью ребенка, его выживанию, развитию или достоинству, в контексте отношений ответственности, доверия или власти»³. В данном определении перечисляется несколько ключевых форм насилия:

1) физическое насилие — любое умышленное причинение телесного вреда: нанесение

¹ URL: <https://sites.edgehill.ac.uk/cps/projects/child-abuse-in-sport-european-statistics-cases/>. Первое крупное общеевропейское исследование масштабов насилия в спорте, проведенное в 2019–2021 гг. консорциумом ученых из шести стран (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Испания, Румыния) под руководством М. Хартиллы и Б. Рулофс.

² Mountjoy M., Brackenridge C., Arrington M. International Olympic Committee consensus statement: harassment and abuse (non-accidental violence) in sport // *British Journal of Sports Medicine*. 2016. Vol. 50. No. 17. P. 1019–1029.

³ Report of the Consultation on Child Abuse Prevention, 29–31 March 1999, WHO, Geneva. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/65900>. P. 15.

побоев, попытки удушения, жестокие физические наказания и т.п.;

2) эмоциональное (психологическое) насилие — оскорбления, унижение, запугивание, изоляция ребенка, чрезмерное давление, травля;

3) сексуальное насилие — как прямое физическое (контактное) сексуальное посягательство, так и развратные действия, домогательства, использование ребенка в порнографии или проституции;

4) небрежное обращение — неспособность обеспечить базовые потребности ребенка, отсутствие заботы, игнорирование состояния здоровья или безопасности⁴;

5) эксплуатация — коммерческая (вовлечение в криминальную деятельность, трудовое или сексуальное использование) или иная (например, избыточные тренировочные нагрузки ради достижений в ущерб здоровью ребенка).

Ключевым международным актом, устанавливающим обязательства государств по защите детей от любых форм насилия, является Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. (далее — Конвенция)⁵, которая содержит следующие важнейшие положения.

Статья 3 закрепляет приоритет наилучшего обеспечения интересов ребенка, а также одну из важнейших корреспондирующих правам ребенка обязанностей государств-участников — должный контроль над учреждениями, службами и органами, ответственными за заботу о детях и их защиту.

Статья 12 дает ребенку право быть заслушанным при принятии затрагивающих его решений, а значит, и решений о его интенсивной спортивной подготовке.

Статья 19 Конвенции обязывает государства-участники принимать «все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка

от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке». Представляется, что по смыслу данной статьи права ребенка должны соблюдаться везде, в том числе в семье и в образовательных, спортивных и досуговых учреждениях.

Помимо Конвенции, заслуживают внимания разъяснения Комитета ООН по правам ребенка. В Замечании общего порядка № 13 (2011) «Право ребенка на свободу от всех форм насилия» Комитет подчеркивает, что статья 19 должна рассматриваться во взаимосвязи с другими нормами Конвенции, включая право ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 24), на защиту от экономической эксплуатации и вредной работы (ст. 32), на защиту от жестокого обращения в учреждениях (ст. 3)⁶. Применительно к сфере спорта данные разъяснения означают запрет практик, унижающих достоинство ребенка (включая тренировки в качестве способа наказания и опасные перегрузки), и наличие обязательных процедуры сообщения и независимого рассмотрения жалоб.

В статье 24 Конвенции закрепляется право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья, а также устанавливается обязанность государств обеспечить, чтобы ни один ребенок не был лишен этого права. В Замечании общего порядка № 15 (2013) комитет трактует данные положения как обязанность государства предотвращать практики, наносящие вред здоровью детей, обеспечивать доступ к квалифицированной помощи, регулярным медосмотрам и

⁴ Fortier K., Parent S., Lessard G. Child maltreatment in sport: smashing the wall of silence: a narrative review of physical, sexual, psychological abuses and neglect // British Journal of Sports Medicine. 2019. Vol. 54. No. 1. P. 4–7.

⁵ Конвенция о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

⁶ Замечание общего порядка № 13 (2011) к ст. 19 Конвенции о правах ребенка (CRC/C/GC/13).

информированному согласию с учетом возраста и зрелости⁷. В сфере спорта это прямо переводится в установление профилактики допинга у несовершеннолетних как несовместимого с правом на здоровье и с достоинством ребенка, а также в запрет «медицинской эксплуатации», которая может быть выражена в виде назначения обезболивающих препаратов, проведения манипуляций с весом, сокрытия травм, а также в иных способах для достижения результата.

Статья 34 обязывает государства-участники защищать детей от всех форм сексуальной эксплуатации и совращения, в частности принимать меры для предотвращения «склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности».

Статьей 39 предусмотрено принятие государствами-участниками всех необходимых мер для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой насилия.

Таким образом, Конвенция и разъяснения Комитета закрепляют императив «нулевой терпимости» к насилию и возлагают на государства-участники обязанность обеспечить целостный механизм защиты ребенка во всех средах, включая спорт. Вышеуказанные статьи предусматривают приоритет наилучших интересов ребенка, запрет унижающих достоинство практик и опасных перегрузок, установление обязательных процедур сообщения и независимого рассмотрения жалоб, а также разработку гарантий медицинской безопасности (регулярные осмотры, информированное согласие, недопустимость допинга и «медицинской эксплуатации») и последующей реабилитации.

В этой связи предполагается, что нормы Конвенции, посвященные правам ребенка (многие из которых носят декларативный характер), должны быть надлежащим образом реализова-

ны в нормативных правовых актах государств — участников Конвенции.

Положения отечественного законодательства устанавливают принципы недопустимости дискриминации и насилия в области физической культуры и спорта⁸, а также гарантируют содействие в реализации и защите прав и законных интересов ребенка с учетом его возраста и в пределах установленного законодательством Российской Федерации объема дееспособности ребенка⁹.

Статья 34 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет право обучающихся на уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности, охрану жизни и здоровья. Однако нормы отечественного законодательства о спорте не определяют ни дефиниции, ни типологии форм насилия в спортивной среде, что препятствует выработке адресных превентивных норм и процедур реагирования.

Трудовое законодательство регулирует трудовые отношения с несовершеннолетними, включая случаи, когда в качестве работников выступают юные спортсмены. Так, нормы Трудового кодекса РФ допускают заключение трудового договора с лицами, достигшими возраста 16 лет, при определенных условиях — с лицами, достигшими 15 и 14 лет, а в некоторых сферах, в том числе в спорте, — с лицами моложе 14 лет (ст. 63, 348.8 ТК РФ).

В статье 348.8 ТК РФ законодатель установил особенности регулирования труда несовершеннолетних спортсменов. В научной литературе отмечалось, что несовершеннолетние спортсмены обладают трудовым статусом, сочетающим в себе общие и специальные элементы и предполагающим более низкий уровень предоставления гарантий, так как в определенных случаях гарантии, положенные другим несовер-

⁷ Замечание общего порядка № 15 (2013) к ст. 24 Конвенции о правах ребенка (CRC/C/GC/15).

⁸ П. 5 ст. 3 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

⁹ Ст. 7 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

шеннолетним работникам, на них не распространяются¹⁰.

Наиболее ярким примером такого тезиса является часть 4 ст. 348.8 ТК РФ, в которой законодатель предусмотрел возможность превышения во время участия в соревнованиях спортсменом, не достигшим возраста 18 лет, предельно допустимых норм нагрузок при подъеме и перемещении тяжестей вручную, если это необходимо в соответствии с планом подготовки спортсмена к спортивным соревнованиям и применяемые нагрузки не запрещены ему по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением. Критерии, содержащие предельные нормы переноски и передвижения тяжестей для работников моложе 18 лет, утверждены нормативным правовым актом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации¹¹.

Положения ст. 348.8 ТК РФ не содержат определения плана подготовки спортсмена, а также не указывают на субъект, наделенный полномочиями и ответственностью по утверждению данного плана. По смыслу содержания приказа Минтруда¹² субъектом, осуществляющим подготовку спортсмена, является тренер, и именно тренеру предоставлено право самостоятельно определять план подготовки спортсмена к соревнованиям.

При этом такое право создает тонкую грань между тем, что действительно необходимо ребенку с учетом его возраста, психофизиологического состояния, особенностей развития, и интересами тренера, который для достижения результата на соревнованиях может пренебрегать здоровьем юных спортсменов. Более

того, иногда вопреки клиническим показаниям план подготовки спортсмена может содержать формы «медицинской эксплуатации»¹³. Таким образом, в отсутствие четких границ определения плана подготовки подобное пренебрежение здоровьем юных спортсменов ради достижения результата полностью подпадает под понятие «насилие».

Представляется, что положение ч. 4 ст. 348.8 ТК РФ должно применяться исключительно как крайняя мера, с узким пониманием необходимости превышения норм нагрузок, то есть только при наличии индивидуальной спортивной цели, недостижимой иными (менее рискованными) средствами. А наличие плана подготовки само по себе не образует необходимость, и для превышения плана должны быть истребованы письменные обоснования тренера и врача по спортивной медицине, привязанные к конкретным соревнованиям, с фиксацией расчетной нагрузки и рисков. Медицинское заключение должно подтверждать не только отсутствие противопоказаний, но и возможный уровень нагрузки, а иначе допуск превращается в формальность (что прямо противоречит охранительной логике статуса несовершеннолетнего спортсмена).

Наконец, в случае спора любое сомнение должно быть истолковано в пользу охраны здоровья ребенка, а работодатель и лицо, ответственное за подготовку, несут повышенное бремя доказывания того, что без превышения норм невозможно достижение цели, при этом сама цель соразмерна возрасту и интересам ребенка.

Нужно понимать, что несовершеннолетние спортсмены являются особой категорией

¹⁰ Буянова А. В. Содержание трудового статуса несовершеннолетних спортсменов // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 104–108.

¹¹ С 01.03.2026 вступил в силу приказ Минтруда России от 10.06.2025 № 369н «Об утверждении предельных норм переноски и передвижения тяжестей работниками в возрасте до восемнадцати лет». Данным приказом отменяются критерии предельно допустимых нагрузок, принятые постановлением Минтруда России от 07.04.1999 № 7 «Об утверждении норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную».

¹² Приказ Минтруда России от 27.04.2023 № 362н «Об утверждении профессионального стандарта “Тренер”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 25.05.2023).

¹³ Рахманова Е. Н. Жестокое обращение с несовершеннолетними спортсменами // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3. № 2. С. 139–153.

работников и их правовое положение должно регулироваться нормами ТК РФ с учетом спортивной специфики, с применением дифференцированного подхода¹⁴. В этой связи для совершенствования ст. 348.8 ТК РФ следует уточнить диспозицию, заменив общую ссылку на план подготовки на индивидуальную программу участия в конкретных соревнованиях, а также закрепить право несовершеннолетнего спортсмена на мотивированный отказ от превышения норм без негативных последствий для него.

Важным элементом в системе законодательства, препятствующим насилию при спортивной подготовке, является уголовная ответственность субъекта, совершившего противоправное деяние в отношении несовершеннолетнего спортсмена. Так, статьями 111, 112, 115–118 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена ответственность за причинение вреда здоровью (умышленное и по неосторожности), побои, истязание; статьями 131–135 — за сексуальное насилие.

Особого внимания заслуживают положения ч. 2 ст. 230.1 УК РФ, предусматривающие ответственность за «медицинскую» и «допинговую эксплуатацию» несовершеннолетних спортсменов, а именно — за склонение несовершеннолетнего спортсмена к использованию запрещенных в спорте веществ/методов (допинг). Так, выявлена судебная практика, где был установлен факт склонения тренером спортсменов к использованию субстанций, запрещенных для использования в спорте, в том числе действия были совершены в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена¹⁵.

В этой связи следует отметить, что нормы УК РФ хотя и направлены на охрану интересов несовершеннолетних спортсменов, но далеко

не всегда служат действующим механизмом, способным не допускать правонарушений, и очевидно, что данные нормы применяются уже после того, как было совершено преступление.

Представляется, что в отсутствие должного контроля со стороны уполномоченных органов государства правовые нормы могут утрачивать свой главный признак — общеобязательность. Поэтому в рассматриваемой сфере отношений, где возможны самые разные формы насилия над несовершеннолетними спортсменами, необходимо также создать функционирующий механизм контроля, благодаря которому случаи насилия будут пресекаться еще до того, как они станут носить массовый характер.

Подобная система контроля реализована в США, где существует U.S. Center for SafeSport (далее — Центр SafeSport) — независимая организация по обеспечению безопасности в спорте, которая разрабатывает программы обучения, методы работы, политику и процедуры для предотвращения случаев насилия в отношении несовершеннолетних спортсменов, а также осуществляет расследование отдельных нарушений¹⁶. При этом на Олимпийский и паралимпийский комитет США (USOPC) и национальные спортивные федерации (NGB) также возложены обязанности по внедрению стандартов безопасного спорта и предотвращению случаев насилия. Ключевым элементом контроля выступает требование, согласно которому любое лицо, узнавшее о возможном насилии в отношении несовершеннолетнего спортсмена, обязано немедленно (не позднее 24 часов) направить сообщение в Центр SafeSport и правоохранительные органы¹⁷.

При этом контроль строится на обязательных правилах Minor Athlete Abuse Prevention

¹⁴ Алексеев С. В. Трудовые отношения в спорте: особенности регулирования труда спортсменов в возрасте до восемнадцати лет // Право и государство: теория и практика. 2016. № 11 (143). С. 88–94.

¹⁵ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2021 № 77-2152/2021.

¹⁶ Protecting Young Victims from Sexual Abuse and Safe Sport Authorization Act of 2017 (Pub. L. 115-126) // URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/534/text/eah>.

¹⁷ U.S. Olympic & Paralympic Committee. SafeSport: Reporting Obligations // URL: <https://www.teamusa.org/SafeSport/reporting> (дата обращения: 15.09.2025).

Policies (МААРР) 2025 г.¹⁸, которые подробно описывают особенности взаимодействия взрослых с несовершеннолетними спортсменами, устанавливают ограничение взаимодействия в формате «один на один», определяя, что такое взаимодействие должно быть наблюдаемым (находящимся в поле зрения других людей), прерываемым (в любой момент в него может вмешаться третье лицо) и осуществляться в рамках программы или служебных обязанностей, за исключением чрезвычайных случаев. Данными правилами также устанавливаются требования в части проведения индивидуальных тренировок, посещения раздевалок, электронной коммуникации, а также проживания на спортивных сборах. За соблюдением этих правил следят и требуют их исполнения USOPC, NGB и аффилированные местные организации.

Прозрачность контроля обеспечивается публичным дисциплинарным реестром Centralized Disciplinary Database (CDD)¹⁹ и корреспондирующими обязанностями USOPC и NGB по направлению уведомлений о санкциях, что позволяет спортивным организациям и законным представителям несовершеннолетних верифицировать правовой статус лиц, осуществляющих тренерские функции. В рамках подобного механизма существует процедура, согласно которой поступающие обращения проходят обязательный этап предварительной оценки на предмет ведомственной юрисдикции Центра SafeSport и достаточности правовых оснований для возбуждения производства. Независимое расследование и последующее назначение санкций осуществляются

Центром SafeSport исключительно при подтверждении указанных критериев, а в открытый реестр CDD подлежат внесению сведения о временных ограничениях и итоговых дисциплинарных санкциях. USOPC и NGB в свою очередь обеспечивают мониторинг базы данных и контроль за исполнением наложенных ограничений *ex officio* (в силу занимаемой должности).

Таким образом, анализ подтверждает, что российская модель регулирования не обеспечивает целостной профилактики насилия в детско-юношеском спорте, а специальные исключения для несовершеннолетних спортсменов фактически размывают часть базовых гарантий для несовершеннолетних работников. Главным фактором риска выступает действующая редакция ч. 4 ст. 348.8 ТК РФ, которая формирует возможность для перегрузок спортсмена под видом необходимости. Для преодоления подобных пробелов требуется изменить редакцию данной нормы посредством указания на обязательное наличие индивидуальной программы участия в конкретных соревнованиях и закрепления права несовершеннолетнего на мотивированный отказ, а также посредством введения внешнего мониторинга условий тренировочного процесса и медицинской безопасности. Заслуживает внимания также возможность введения системы контроля, например по образцу Safe Sport. Реализация указанных мер превращает охранительные положения о запрете насилия в спорте из норм, носящих декларативный характер, в полноценный механизм, функционирующий с учетом законных интересов ребенка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. В. Особенности регулирования труда и правового статуса отдельных категорий спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. — 2012. — № 4. — С. 4–10.
2. Алексеев С. В. Трудовые отношения в спорте: особенности регулирования труда спортсменов в возрасте до восемнадцати лет // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 11 (143).
3. Буюнова А. В. Содержание трудового статуса несовершеннолетних спортсменов // Социально-политические науки. — 2015. — № 4. — С. 104–108.

¹⁸ URL: <https://www.teamusa.org/SafeSport/MAAPP> (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁹ URL: https://cdd.uscenterforsafesport.org/?utm_source (дата обращения: 15.09.2025).

4. Понкин И. В., Шевченко О. А., Рогачев Д. И., Редькина А. И. Особенности правовой защиты несовершеннолетних спортсменов при организации и проведении спортивных соревнований // Право и государство: теория и практика. — 2017. — № 7 (151). — С. 67–70.
5. Рахманова Е. Н. Жестокое обращение с несовершеннолетними спортсменами // Правосудие/Justice. — 2021. — Т. 3. — № 2. — С. 139–153.
6. Файрушин В. И. Трудовые отношения с участием несовершеннолетних спортсменов: актуальные вопросы // Вестник экономики, права и социологии. — 2022. — № 2. — С. 74–77.
7. Canty K. W., Giardino A. P. Confronting child maltreatment in youth sports // Pediatrics. — 2022. — Vol. 150. — No. 1.
8. Franchini E., Brito C. J., Artioli G. G. Weight loss in combat sports: physiological, psychological and performance effects // Journal of the International Society of Sports Nutrition. — 2012. — Vol. 9. — Article 52.
9. Lang M., Hartill M. (eds.). Safeguarding, child protection and abuse in sport: international perspectives in research, policy and practice. — London : Routledge, 2014. — 234 p.
10. Mountjoy M., Brackenridge C., Arrington M., Blauwet C., Carska-Sheppard A., Fasting K., et al. International Olympic Committee consensus statement: harassment and abuse (non-accidental violence) in sport // British Journal of Sports Medicine. — 2016. — Vol. 50. — No. 17. — P. 1019–1029.
11. Vertommen T., Schipper-van Veldhoven N., Wouters K., Kampen J. K., Brackenridge C. H., Rhind D. J. A., et al. Interpersonal violence against children in sport in the Netherlands and Belgium // Child Abuse & Neglect. — 2016. — Vol. 51. — P. 223–236.

Материал поступил в редакцию 16 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. V. Osobennosti regulirovaniya truda i pravovogo statusa otdelnykh kategoriy sportsmenov // Sport: ekonomika, pravo, upravlenie. — 2012. — № 4. — С. 4–10.
2. Alekseev S. V. Trudovye otnosheniya v sporte: osobennosti regulirovaniya truda sportsmenov v vozraste do vosemnadsati let // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2016. — № 11 (143).
3. Buyanova A. V. Soderzhanie trudopravovogo statusa nesovershennoletnikh sportsmenov // Sotsialno-politicheskie nauki. — 2015. — № 4. — С. 104–108.
4. Ponkin I. V., Shevchenko O. A., Rogachev D. I., Redkina A. I. Osobennosti pravovoy zashchity nesovershennoletnikh sportsmenov pri organizatsii i provedenii sportivnykh sorevnovaniy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2017. — № 7 (151). — С. 67–70.
5. Rakhmanova E. N. Zhestokoe obrashchenie s nesovershennoletnimi sportsmenami // Pravosudie/Justice. — 2021. — Т. 3. — № 2. — С. 139–153.
6. Fayrushin V. I. Trudovye otnosheniya s uchastiem nesovershennoletnikh sportsmenov: aktualnye voprosy // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2022. — № 2. — С. 74–77.
7. Canty K. W., Giardino A. P. Confronting child maltreatment in youth sports // Pediatrics. — 2022. — Vol. 150. — No. 1.
8. Franchini E., Brito C. J., Artioli G. G. Weight loss in combat sports: physiological, psychological and performance effects // Journal of the International Society of Sports Nutrition. — 2012. — Vol. 9. — Article 52.
9. Lang M., Hartill M. (eds.). Safeguarding, child protection and abuse in sport: international perspectives in research, policy and practice. — London: Routledge, 2014. — 234 p.
10. Mountjoy M., Brackenridge C., Arrington M., Blauwet C., Carska-Sheppard A., Fasting K., et al. International Olympic Committee consensus statement: harassment and abuse (non-accidental violence) in sport // British Journal of Sports Medicine. — 2016. — Vol. 50. — No. 17. — P. 1019–1029.
11. Vertommen T., Schipper-van Veldhoven N., Wouters K., Kampen J. K., Brackenridge C. H., Rhind D. J. A., et al. Interpersonal violence against children in sport in the Netherlands and Belgium // Child Abuse & Neglect. — 2016. — Vol. 51. — P. 223–236.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.086-095

В. В. Антонченко*

Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве

Аннотация. Возможности искусственного интеллекта (ИИ) и его способность в той или иной степени заменить человека являются актуальной научной проблемой. Требуется серьезное теоретическое и эмпирическое изучение как положительных, так и отрицательных последствий этого неизбежного в будущем шага. Установлено, что в сфере уголовного судопроизводства, отличающегося значительным количеством данных, требующих учета, применение возможностей цифровых технологий и ИИ является необходимым и обещает выгоды, связанные со значительной экономией трудозатрат, упрощением процедур и уменьшением процессуальных сроков. Неоспоримыми достоинствами ИИ являются его свобода от некомпетентности, пристрастности, конъюнктурности и коррупционности. Вместе с тем внедрение ИИ в уголовный процесс несет в себе и определенные риски, связанные с тем, что на данном этапе своего развития ИИ не обладает рядом ключевых характеристик, свойственных только человеческому разуму. Автор делает вывод о необходимости создания программного обеспечения, способного в экспериментальном тестовом режиме решать условные уголовные дела, и накопления знаний о возможностях использования ИИ в уголовном процессе и потенциальных рисках его применения в реальном уголовном деле.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровизация; цифровая трансформация; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; правоохранительная деятельность; автоматизация; кибертехнологии; суд; приговор

Для цитирования: Антонченко В. В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 86–95. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.086-095

Artificial Intelligence in Criminal Proceedings

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, the Far Eastern Academy of EMERCOM of Russia, Vladivostok, Russian Federation
antovadim@yandex.ru

Abstract. The capacity and potential of artificial intelligence (AI) to replace human beings, to one degree or another constitute a pressing scholarly issue. The positive and negative consequences of this future and seemingly inevitable development require serious theoretical and empirical examination. In the field of criminal proceedings, which

© Антонченко В. В., 2026

* Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии п. Аякс, д. 27, о. Русский, г. Владивосток, Российская Федерация, 690922
antovadim@yandex.ru

is characterized by a substantial volume of data requiring consideration, the use of digital technologies and AI has been shown to be necessary and to offer potential benefits, including a significant reduction in labor costs, the simplification of procedures, the acceleration of processes, and the shortening of procedural time limits. The indisputable advantages of AI include its freedom from incompetence, bias, opportunism, and corruption. At the same time, the introduction of AI into criminal procedure entails certain risks, since, at the present stage of its development, AI lacks a number of key characteristics inherent only in the human mind. The author concludes that it is necessary to develop software capable of resolving hypothetical criminal cases in an experimental testing mode and of generating the knowledge needed to assess both the possibilities of using AI in criminal proceedings and the potential risks of its application in an actual criminal case.

Keywords: artificial intelligence; digitalization; digital transformation; criminal process; criminal proceedings; law enforcement; automation; cyber technology; court; sentence

Cite as: Antonchenko VV. Artificial Intelligence in Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):86-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.086-095

Введение

Широкое распространение искусственного интеллекта (ИИ) трансформирует общество, вызывая переход к усиленной автоматизации, влияющей на рынок труда, государственное управление, промышленность, образование, здравоохранение, распространение информации и борьбу с дезинформацией. Противодействие преступности и, в частности, уголовное право и уголовное судопроизводство, будучи высокоинтеллектуальными сферами деятельности, не могут оставаться в стороне от стремительного проникновения кибертехнологий в общественную жизнь. Проблемы применения в правоохранительной деятельности технических средств, цифровизации и ИИ осмысливаются в научных трудах, в том числе и на диссертационном уровне¹. Неизбежный переход к использованию цифровых инструментов в уголовном судопроизводстве актуализирует дискуссии, направленные на выявление в этом процессе как преимуществ, так и рис-

ков и угроз, требующих заблаговременного учета.

В самом широком смысле искусственный интеллект (англ. artificial intelligence), искусственный разум — это способности компьютерных машин и их программного обеспечения выполнять действия по решению интеллектуальных задач и достижению интеллектуальных целей, в том числе и с помощью самообучения. Исследования в области ИИ начали в 60-х гг. прошлого столетия А. Тьюринг, Дж. Маккарти, М. Мински, Н. Рочестер и другие ученые, уже тогда сходящиеся во мнении, что машинный интеллект — это вычислительная составляющая способности выполнять творческие задачи, присущей человеку; способность технических устройств интерпретировать внешние данные, делать выводы из них, использовать их для достижения конкретных целей при помощи гибкой адаптации. Эти свойства (самообучение и решение сложных творческих задач) и позволяют называть вычислительные способности машин интеллектом или даже разумом².

¹ Гилев И. А., Трапезникова Е. В. Что может, а что нет компьютер в правоприменении // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 17–22; Иванова А. П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2022. № 3. С. 89–98; Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461–476; Федюнин А. Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 390 с.

² Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. М. : АСТ, 2025. 128 с.

Сегодня существует множество программ, выполняющих самые разные задачи: от игровых программ (Deep Blue, AlphaGo, 20Q и др.) до систем распознавания речи (ViaVoice и др.), генерации изображений (Midjourney и др.) и медицинской диагностики (MYCIN и др.). Наиболее известным является ChatGPT — чат-бот с искусственным интеллектом, в основе которого лежит нейронная сеть, обученная на обширных текстовых данных, включая статьи из Интернета, энциклопедии, книги, сообщения в социальных сетях.

Несмотря на большое количество гипотез (тест Тьюринга, гипотеза Ньюэлла — Саймона и др.), нет ни критериев достижения компьютерами разумности, ни единого ответа на вопрос, что же такое искусственный интеллект.

Существует подход, широко эксплуатирующийся писателями-фантастами, о том, что интеллект вообще и ИИ в частности — это не только способность к коммуникации и обучению, но и способность чувствовать и творить³. Однако и такое понимание интеллекта несвободно от критики: давно созданы чувствующие, то есть определяющие параметры среды и реагирующие на них, устройства, а продукты ИИ (изображения, речь, музыка и т.д.) можно определять как вид машинного творчества. По мнению американского нейробиолога М. Грациано,

главным отличием Homo sapiens от животных и тем более от машин является не интеллект, а сознание, моделирование которого, несмотря на все успехи в области компьютерных технологий, является нерешенной научной задачей⁴.

Внедрение искусственного интеллекта в государственное управление и правоохранительную деятельность

Осознавая важность развития искусственного интеллекта, проведения научных исследований и подготовки кадров в этой области, Президент России в 2019 г. издал соответствующий Указ⁵. В 2020 г. Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве...»⁶ впервые поставлена задача создания комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта. В том же году утвержден федеральный проект «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁷.

³ Asimov I. The Bicentennial Man and Other Stories. New York : Fawcett Crest Books, 1976. 222 p.

⁴ Грациано М. Наука сознания. Современная теория субъективного опыта. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 254 с.

⁵ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (с изм. и доп.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁶ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701. С 1 сентября 2025 г. наименование данного Федерального закона изменено: «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» (см.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ).

⁷ Протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятель-

В 2024 г. он стал частью национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Тогда же Правительство России утвердило стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления до 2030 г.⁸, в котором ИИ уделяется значительное внимание. В 2025 г. вступил в силу национальный стандарт ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» (модификация международного стандарта ISO/IEC 22989:2022), в соответствии с которым ИИ — это «область науки и техники, рассматривающая технические системы, которые порождают такие результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора поставленных человеком задач»⁹.

Быстрота, с которой высокие компьютерные технологии проникают во все сферы общественной жизни, позволяет предположить, что цифровая революция не обойдет стороной и правоохранительную деятельность, использование ИИ в которой в недалеком будущем может стать обыденностью.

Так, цифровой трансформации и научно-техническому развитию уголовно-исполнительной системы посвящен раздел в концепции ее развития на период до 2030 г. Концепция среди прочего предполагает «создание и развитие систем сбора и обработки данных и принятие

решений на основе результатов применения искусственного интеллекта в части расположения учреждений уголовно-исполнительной системы, обеспечения безопасности (в том числе с использованием видеоаналитики и прогнозирования поведения осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы), контроля за лицами, в отношении которых применены меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, и контроля за поведением освобожденных»¹⁰. Уже сегодня в ряде исправительных колоний внедрены системы, отслеживающие поведение осужденных, невыполнение ими требований администрации и нарушение распорядка дня; вводятся биометрические (распознающие лица и отпечатки ладоней) пропуска.

На неизбежность развития технологий искусственного интеллекта как перспективного направления цифровой трансформации органов прокуратуры, связанной с необходимостью автоматизации рутинных задач, анализа больших объемов данных и прогнозирования криминальных тенденций, указывают Д. А. Кунев и А. А. Симонов¹¹.

Ю. А. Цветков, анализируя опыт использования электронных систем, частично автоматизирующих отдельные функции управления следственными органами, обозначает основные направления, в которых искусственный интеллект может оказать влияние на повышение

ности от 27.08.2020 № 17 // URL: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-iskusstvennyi-intellekt-natsionalnoi-programm> (дата обращения: 12.09.2025).

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // URL: <http://government.ru/docs/all/152609> (дата обращения: 12.09.2025).

⁹ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.10.2024 № 1550-ст) // URL: https://www.garant.ru/files/7/7/1799577/natsionalniy_standart_rf_gost_r_71476_2024_iso_mek_22989_2022_iskusstvennyi_inte.pdf?ysclid=mrj7317lpj76555991 (дата обращения: 12.09.2025).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/?ysclid=mfg9d3gpmf336719630> (дата обращения: 12.09.2025).

¹¹ Кунев Д. А., Симонов А. А. Развитие технологий искусственного интеллекта как перспективное направление цифровой трансформации органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3. С. 27–33.

эффективности работы руководителей следственных органов¹².

Примером мероприятий по цифровизации судопроизводства является создание ГАС «Правосудие»¹³ — территориально распределенной автоматизированной информационной системы, к которой подключены большинство судов общей юрисдикции (143 тыс. автоматизированных рабочих мест, размещенных на 2 394 объектах). Эта система предоставляет открытую информацию о судебном делопроизводстве, обеспечивает информационную интеграцию судебной деятельности в России, формируя единое информационное пространство судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Однако и здесь, как указывают аудиторы Счетной палаты России, существуют системные недостатки, связанные с отсутствием стратегических ориентиров, несовершенством нормативного регулирования и недостаточной организационной готовностью органов судебной системы к цифровым изменениям. Это приводит к тому, что уровень развития информатизации в органах судебной системы существенно различается, единый цифровой контур отсутствует, основные информационные решения функционируют на устаревших импортных версиях программного обеспечения и не имеют аттестатов соответствия по требованиям информационной безопасности. Это ограничивает возможность их модернизации, делает уязвимыми для внешних кибератак и затрудняет интеграцию с новыми технологиями¹⁴.

Между тем актуальная задача внедрения в судопроизводство ИИ, в связи с необходимостью

решения организационных, правовых, теоретико-философских, этических и иных задач, намного сложнее сугубо технической задачи организации электронного учета и документооборота. Из этого следует, что проблема использования ИИ в уголовном судопроизводстве требует к себе самого пристального внимания как на доктринальном, так и на практическом (законодательном, организационном и т.д.) уровнях.

Возможности искусственного интеллекта в сфере правоохранительной деятельности

Благодаря своей вычислительной мощности ИИ способен намного точнее и быстрее обрабатывать и анализировать значительно большие объемы информации из государственных баз данных, учитывать гораздо большее количество факторов, чем это под силу даже группе людей. Например, он может эффективно работать с нераскрытыми уголовными делами за многолетний период, а также использовать архивы судебных решений и справочные правовые системы¹⁵. Сегодня получило широкое распространение обращение к электронным доказательствам, в практику внедрены соответствующие протоколы для изъятия и сбора электронных улик. Еще в 2021 г. Н. А. Кузьмин и А. Ю. Половинка указывали, что при раскрытии большинства преступлений общеуголовной направленности в г. Москве оперативные сотрудники в той или иной степени используют имеющиеся возможности системы АПК «Безопасный город»¹⁶. Проблема здесь в корректности сбора таких доказательств, обеспечении их объектив-

¹² Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в управлении следственными органами // Российский следователь. 2021. № 9. С. 29–33.

¹³ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://ej.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

¹⁴ Не в цифре — Счетная палата оценила состояние информатизации судебной системы // URL: <https://ach.gov.ru/checks/ne-v-tsifre> (дата обращения: 12.09.2025).

¹⁵ Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 43–49.

¹⁶ Кузьмин Н. А., Половинка А. Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 177–180.

ности, достоверности и безопасности, включая инструменты для верификации подлинности и целостности.

Применение ИИ в следственной и судебной практике теоретически способно обеспечить более быстрое и всестороннее расследование и рассмотрение дел. Немаловажным достоинством ИИ является также то, что его решения свободны от влияния эмоций, а также недостатков психики и морали человека, которые принято называть человеческим фактором. Однако при использовании ИИ в юридической практике это его свойство может стать и существенным недостатком.

Цифровые инструменты, как уже было указано, хорошо работают с большими объемами унифицированной информации. Но каждое уголовное разбирательство, несмотря на общие закономерности, обладает индивидуальными особенностями. Если решение технических задач силами и средствами ИИ не вызывает сомнения, то гуманитарные проблемы, к которым, безусловно, относится и государственно-правовая область, и вопросы правоохранительной деятельности, требуют активного участия человека. В основании всех видов правовой деятельности должны лежать понимание теоретико-философских начал права, принципы гуманизма и справедливости, вряд ли реализуемые силами машинного интеллекта. Догматический и нормативистский подход к праву, не наполненный гуманистическим содержанием, порождает равнодушное отношение к закону и является, по существу, одной из детерминант правовой энтропии, разрушающей социально-правовую среду¹⁷.

Уголовный процесс обладает особыми свойствами, которые вытекают из уникальной природы возникающих в его рамках отношений. Исполнение профессиональных обязанностей судьями требует от них как знания правовых норм, так и когнитивно-эмоциональной компетентности, доступной сегодня только человеку. Установление мотивов и целей поведения, отделение истинных намерений участников

процесса от ложных, определение формы и степени вины подсудимого, оценка доказательств с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности производится на основе внутреннего убеждения судьи, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя, которое требует некоего эмоционального интеллекта.

Искусственный интеллект не способен заменить человеческое мышление или понимание справедливости, необходимые при принятии правовых решений, однако часть комплекса следственных и судебных процессуальных действий возможно производить с помощью средств ИИ. Применение компьютерной программы в качестве инструмента поддержки может значительно упростить деятельность судьи или следователя, особенно на этапе обоснования принимаемого решения. Специально настроенный машинный алгоритм может оказать помощь в обнаружении следов преступления. При этом важно помнить, что ни сами следы, ни доказательства, сформированные на их основе, не могут быть оценены машиной самостоятельно. Подобная оценка базируется на личном убеждении и пока не поддается алгоритмизации. Участие человека в установлении релевантности доказательств расследуемому делу, а также в вопросах их допустимости и достоверности представляется обязательным. ИИ же, углубляя анализ обстоятельств дела за счет сопоставления с анализом аналогичных дел и судебных решений, хранящихся в базе данных, способен предоставить следствию или суду максимально широкий спектр вариантов разрешения ситуации.

Эмоциональная компетентность и эмпатия помогают (или должны помогать) судьям находить правильное решение в условиях неоднозначности фактических обстоятельств или неопределенности в выборе применимой правовой нормы. Судья в ходе рассмотрения уголовного дела должен стремиться не только следовать букве закона, но и балансировать частные и общественные интересы, принимая во внимание как юридическую, так и мораль-

¹⁷ Антонченко В. В. Энтропия права в закрытом обществе // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26. № 1. С. 19–27. DOI: 10.17150/1819 0928.2025.26(1).19-27.

ную важность своего решения и все его возможные последствия. Это особенно актуально в ситуациях конфликта между законом и справедливостью, требующих учета морально-этических норм. Неслучайно норма ст. 17 УПК РФ устанавливает в качестве оснований оценки доказательств и закон, и совесть указанных выше участников уголовного процесса¹⁸.

Принцип, на котором следует основывать процесс цифровизации уголовного судопроизводства, состоит в том, что внедрение в данную сферу любых технологий не должно приводить к нарушению прав участвующих в нем лиц. Алгоритмы ИИ, применяемые в уголовном судопроизводстве, должны подчиняться главному правилу, исходящему из конституционного принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции России¹⁹), — защите законных прав вовлеченного в уголовный процесс человека.

Риски применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве

Уголовно-процессуальная деятельность включает в себя процесс познания и доказывания, где, вне всяких сомнений, при рассмотрении возможностей цифровизации следует уделять внимание человеческому фактору. Сегодня машинный интеллект способен, опираясь на имеющийся массив данных, установить наличие признаков преступления в деянии, обоснованность обвинения, относимость и допустимость доказательств. При этом вывод о достоверности и достаточности доказательств, как и разрешение вопросов виновности, требует юридической (в широком смысле), когнитивной и эмоциональной компетентности.

Компьютерные алгоритмы не обладают эмпатией, необходимой для справедливого суждения. ИИ, которому недоступны понятия справедливости и совести, осмысляемые человеком

на основе получаемых знаний, формируемых жизненным опытом, убеждений, мировоззрения и ценностей, будет, как представляется, принимать слишком формальные и прямолинейные решения, в справедливости и обоснованности, а значит, и законности которых можно усомниться. Если в основе принятия решений и/или процессуальных действий будет лежать машинный алгоритм, функционирующий на базе предельного упрощения, формализации данных и однозначности выбора, то велика вероятность судебных и следственных ошибок, неправодушных решений и ущемления прав личности.

Результатом судебного процесса является решение судеб реальных людей, которое предусматривает юридическую и моральную ответственность, то есть способность и готовность отвечать за принятое решение и его последствия, — еще одно свойство, недоступное искусственному интеллекту. Ответственность за судебное решение, особенно за приговор в уголовном деле, должны принимать на себя люди, осознающие практическое значение юридически важных решений. Как бы ни эволюционировали самые современные технологии, они не могут нести ответственность, а значит, их способность определять судьбы людей в судебном приговоре всегда будет подвергаться сомнению.

В рамках уголовного судопроизводства возникают случаи, когда установленные обстоятельства и собранные доказательства могут противоречить друг другу, не формируя целостной картины. Поиск правовых норм, применимых к подобным уголовным делам, часто связан с разногласиями: может возникнуть ситуация, когда ни одна из существующих норм права не соответствует фактическим обстоятельствам полностью или, наоборот, факты можно отнести к нескольким нормам одновременно. Стороны обвинения и защиты могут иметь различное мнение по поводу относимости и допустимости доказательств, сути законодательных положений, интерпретации юридических текстов и

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. от 04.10.2022) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.

юридических фактов. Даже деяния, совершенные в условиях очевидности (например, при видеофиксации или задержании преступника с поличным), могут иметь значимые детали, существенным образом влияющие на их квалификацию и последующее движение уголовного дела. Вряд ли компьютерная программа способна справиться с подобной задачей без непосредственного включения человека. Подчинение некоему шаблону, нивелирование отдельных обстоятельств при применении ИИ может привести к искажению реальной картины, а итоговые вердикты — к несправедливости или даже нарушению закона.

Однако здесь важно отметить, что профессиональные юристы в своем большинстве не обладают, как правило, достаточными компетенциями в сложной и специфичной области компьютерных технологий. О безуспешности попыток отечественных ученых-процессуалистов разрешить проблемы, связанные с внедрением в уголовный процесс систем искусственного интеллекта, объясняемой некомпетентностью юристов в сфере компьютерных, информационных технологий и искусственного интеллекта, аргументированно говорит А. Ю. Афанасьев²⁰.

Широкое внедрение IT-специалистов, поддерживающих применение цифровых технологий и ИИ, в уголовный процесс является неизбежным. Такие специалисты (по разработке и внедрению алгоритмов машинного обучения и систем искусственного интеллекта, анализу и интерпретации больших данных, защите информационных систем, программисты, системные администраторы и т.д.) не являются участниками уголовного процесса, но при активном использовании ИИ смогут на него влиять. ИИ — это настраиваемый алгоритм, он не принимает решений самостоятельно, а выполняет волю того, кто его создал и определенным образом сконфигурировал. Это также может представлять риски для независимого и беспристрастного судебного разбирательства.

А. И. Зазулин обоснованно говорит о вреде как «цифрового оптимизма» — чрезвычайно оптимистического отношения к цифровым технологиям, выражающегося в преждевременных и завышенных ожиданиях от них, — так и «цифрового пессимизма» — сугубо отрицательного отношения к цифровизации²¹. Для минимизации и устранения противоречий, возникающих в ходе цифровой трансформации уголовного процесса, и ее негативных последствий нужен комплексный подход к изучению и всестороннему анализу существующей практики со всеми ее достоинствами и недостатками. Уже сегодня кажется необходимым создание программного обеспечения, отвечающего современным требованиям, определение условий его применения в уголовном деле. Такая программа могла бы разрешать в экспериментальном тестовом режиме условные уголовные дела (либо реальные уголовные дела по их окончании в традиционном порядке) с последующей проверкой в соответствующих инстанциях. Данный натурный эксперимент позволил бы накопить обширную базу знаний о возможностях использования ИИ в уголовном процессе и потенциальных рисках его применения в реальном уголовном деле, исключить или свести эти риски к минимуму, усовершенствовать саму компьютерную программу и методы ее применения.

Тщательное (возможно, долгосрочное) исследование и объективная оценка применимости ИИ в уголовном судопроизводстве позволили бы не только развивать и улучшать сам машинный интеллект и методы его использования, но и совершенствовать цифровые компетенции работников правоохранительной сферы, прежде всего судей, приобретать нужные им для работы с программным обеспечением знания, умения и навыки, адаптироваться к изменениям в цифровой среде.

Выводы

²⁰ Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 571–574.

²¹ Зазулин А. И. Позитивный и негативный взгляды на цифровизацию права: в поисках объективной точки зрения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1. С. 6–12.

Несмотря на риски применения искусственного интеллекта и то, что принятие решения в условиях неполной, противоречивой или недостаточной информации препятствует полной цифровизации уголовного процесса, это направление развития системы уголовного правосудия представляется перспективным.

Эмоциональная отстраненность машинного интеллекта может быть не только его минусом, но и серьезным достоинством, устраняющим из уголовного процесса эмоциональную предвзятость, ангажированность и конъюнктурность лиц, принимающих правовые решения. Его иммунитет к коррупционным схемам и способность неукоснительно следовать букве закона и принимать взвешенные решения, основанные

на множестве факторов, включая информацию о сторонах конфликта, тоже являются очевидными преимуществами.

Внедрение в уголовное судопроизводство цифровых технологий и ИИ должно быть осмыслительным и тщательно спланированным. Только крайне взвешенная и последовательная стратегия цифровизации уголовного процесса, не допускающая, однако, волокиты и бюрократизации, может обеспечить своевременное и эффективное внедрение ИИ, адаптировать его возможности к процессуальным потребностям, снизить риски и обеспечить всесторонний учет правовых, программных, этических и иных факторов для реализации гарантированных законом прав и свобод граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонченко В. В. Энтропия права в закрытом обществе // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26. — № 1. — С. 19–27. — DOI: 10.17150/1819 0928.2025.26(1).19-27.
2. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 571–574.
3. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 2. — С. 43–49.
4. Гилев И. А., Трапезникова Е. В. Что может, а что нет компьютер в правоприменении // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 17–22.
5. Грациано М. Наука сознания. Современная теория субъективного опыта. — М. : Альпина нон-фикшн, 2021. — 254 с.
6. Зазулин А. И. Позитивный и негативный взгляды на цифровизацию права: в поисках объективной точки зрения // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 1. — С. 6–12.
7. Иванова А. П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. — 2022. — № 3. — С. 89–98.
8. Кузьмин Н. А., Половинка А. Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 5. — С. 177–180.
9. Кунев Д. А., Симонов А. А. Развитие технологий искусственного интеллекта как перспективное направление цифровой трансформации органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2024. — № 3. — С. 27–33.
10. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 461–476.
11. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. — М. : АСТ, 2025. — 128 с.
12. Федюнин А. Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 390 с.

13. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в управлении следственными органами // Российский следователь. — 2021. — № 9. — С. 29–33.
14. Asimov I. The Bicentennial Man and Other Stories. — New York : Fawcett Crest Books, 1976. — 222 p.

Материал поступил в редакцию 13 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonchenko V. V. Entropiya prava v zakrytom obshchestve // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. — 2025. — Т. 26. — № 1. — С. 19–27. — DOI: 10.17150/1819 0928.2025.26(1).19-27.
2. Afanasev A. Yu. Iskusstvennyy intellekt v ugovnom protsesse // Yuridicheskaya tekhnika. — 2021. — № 15. — С. 571–574.
3. Bakhteev D. V. Iskusstvennyy intellekt v kriminalistike: sostoyanie i perspektivy ispolzovaniya // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. — 2018. — № 2. — С. 43–49.
4. Gilev I. A., Trapeznikova E. V. Chto mozhet, a chto net kompyuter v pravoprimeneniі // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2021. — № 3. — С. 17–22.
5. Gratsiano M. Nauka soznaniya. Sovremennaya teoriya subektivnogo opyta. — M.: Alpina non-fikshn, 2021. — 254 s.
6. Zazulin A. I. Pozitivnyy i negativnyy vzglyady na tsifrovizatsiyu prava: v poiskakh obektivnoy tochki zreniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. — 2022. — № 1. — С. 6–12.
7. Ivanova A. P. Iskusstvennyy intellekt v osushchestvlenii pravosudiya: novye vozmozhnosti i novye problemy // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4, Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 3. — С. 89–98.
8. Kuzmin N. A., Polovinka A. Yu. O nekotorykh vozmozhnostyakh ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta v sisteme APK «Bezopasnyy gorod» pri raskrytii prestupleniy v g. Moskve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2021. — № 5. — С. 177–180.
9. Kunev D. A., Simonov A. A. Razvitie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta kak perspektivnoe napravlenie tsifrovoy transformatsii organov prokuratury // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 3. — С. 27–33.
10. Mosechkin I. N. Iskusstvennyy intellekt i ugovnaya otvetstvennost: problemy stanovleniya novogo vida subekta prestupleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 461–476.
11. Turing A. Vychislitelnye mashiny i razum. — M.: AST, 2025. — 128 s.
12. Fedyunin A. E. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnicheskikh sredstv v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2009. — 390 s.
13. Tsvetkov Yu. A. Iskusstvennyy intellekt v upravlenii sledstvennymi organami // Rossiyskiy sledovatel. — 2021. — № 9. — С. 29–33.
14. Asimov I. The Bicentennial Man and Other Stories. — New York: Fawcett Crest Books, 1976. — 222 p.

Дистанционное мошенничество с недвижимостью: современная социальная угроза и векторы противодействия

Аннотация. В условиях цифровизации современной экономики и социума на первый план выходят криминальные способы дистанционного завладения имуществом граждан обманным путем. Преступники всё чаще используют информационно-телекоммуникационные технологии при реализации криминальных способов ввиду существующих трудностей в их поиске и идентификации. Принимаемые в настоящее время государственные меры в области противодействия дистанционным преступлениям только начинают давать результаты. Однако здесь наблюдается очевидное отставание правоприменительной практики — как в уголовно-правовой сфере, так и в отдельных гражданских институтах. Это обуславливает сложности в защите и восстановлении прав потерпевших по таким делам. «Эффект Долиной» породил неоднозначность в правоприменительной практике. Под угрозой оказался ряд гражданско-правовых институтов, регулирующих оборот недвижимого имущества. «Бабушкины схемы» негативно влияют на стабильность рынка недвижимости. Проведенный автором анализ следственной и судебной практики позволил выявить основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться правоприменителям при защите прав потерпевших от дистанционного мошенничества. Предложены пути разрешения коллизионных ситуаций в данной области.

Ключевые слова: мошенничество; информационно-коммуникационные технологии; бабушкина схема; недвижимое имущество; сделки с недвижимостью; расследование преступлений; судопроизводство; исковое производство; специальные знания; экспертиза; защита прав потерпевшего

Для цитирования: Кисленко С. Л. Дистанционное мошенничество с недвижимостью: современная социальная угроза и векторы противодействия // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 96–108. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.096-108

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (центр компетенций «Киберправо»).

© Кисленко С. Л., 2026

* Кисленко Сергей Леонидович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ser-kislenko@yandex.ru

Remote Real Estate Fraud: A Current Social Threat and Responses

Sergey L. Kislenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ser-kislenko@yandex.ru

Abstract. In the context of the digitalization of the modern economy and society, criminal methods of remotely acquiring citizens' property through fraudulent means are coming to the fore. Criminals are increasingly using information and telecommunications technologies to carry out criminal activities due to the existing difficulties in finding and identifying them. The government's current measures to combat remote crime are only just beginning to yield results. However, in this area there is an obvious lag in law enforcement practice. This concerns both the criminal law sphere and individual civil institutions. This creates difficulties in protecting and restoring the rights of victims in such cases. The «Dolina effect» has created ambiguity in law enforcement practice. A number of civil law institutions regulating the real estate transactions are under threat. The growing popularity of «babushka» («granny's») schemes negatively impacts the stability of the real estate market. The author's analysis of investigative and judicial practice make it possible to identify the main problems that law enforcement officers face in protecting the rights of victims of remote fraud. The ways of resolving conflict situations in this area are given.

Keywords: fraud; information and communication technologies; «babushka» («granny's») scheme; real estate; real estate transactions; crime investigation; legal proceedings; specialized knowledge; expertise; protection of victims' rights

Cite as: Kislenko SL. Remote Real Estate Fraud: A Current Social Threat and Responses. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):96-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.096-108

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program (Cyberlaw Competence Centre).

Трансформация преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, и проблемы правоприменительной практики. Цифровизация современного социума, прогрессирующая в последние два десятилетия, закономерно отразилась на разных аспектах человеческой жизнедеятельности. Многие процессы переходят из живого формата в онлайн (получение госуслуг, осуществление покупок и сделок с недвижимостью, работа, развлечения и пр.). При этом наряду с положительными моментами стоит выделить и негативные явления, связанные с повышением роста преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. По данным МВД России, преступники в целях реализации неправомерных деяний всё чаще используют информационно-коммуникацион-

ные технологии¹. Статистика свидетельствует о привлекательности для криминала дистанционных форм совершения преступлений ввиду существующих трудностей в поиске и идентификации преступников.

Важно подчеркнуть, что при наличии прогрессивных законодательных, административных и иных мероприятий в сфере противодействия дистанционным преступлениям проблема борьбы с ними в целом остается актуальной. И здесь наблюдается очевидное отставание правоприменительной практики.

Отчасти такое положение дел объясняется динамичностью криминального механизма таких преступлений, который с каждым годом становится всё более изощренным. Отечественный законодатель попросту не успевает за подобной динамикой. Так, предпринятые в последнее

¹ Статистическая информация о состоянии преступности в Российской Федерации за январь — август 2024 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/55292003> (дата обращения: 10.11.2025).

время законодательные меры противодействия преступлениям, связанные с ужесточением операций в банковской сфере, действительно усложнили способы обманного похищения у граждан денежных средств. Однако это привело к резкому увеличению числа случаев, когда граждане продавали свои квартиры, действуя по указке дистанционных мошенников. Вместе с тем отмечается закономерная связь между стоимостью недвижимого имущества, которая зависит от региона его нахождения, и действиями преступников по выбору жертвы посягательства. Так, по данным МВД России, в 2024–2025 гг. от жертв дистанционных мошенников пострадали граждане из регионов с наиболее дорогой недвижимостью: в Санкт-Петербурге под влиянием мошенников было продано 70 квартир, в Московской области — 38, в Новосибирской — 34, в Челябинской — 22. Лидирует в этом списке Москва — 75 квартир только в 2025 г.²

Проблема переориентации криминала на обманные способы завладения денежными средствами граждан, сопряженные с лишением их прав на жилье (ч. 4 ст. 159 УК РФ), сегодня тесно переплетается с вопросом о восстановлении прав потерпевших от таких преступлений. Актуальность этого ее аспекта обусловлена в первую очередь отсутствием должных правовых механизмов и разъяснений со стороны законодателя для правоприменителей по рассматриваемому вопросу. К сожалению, как уже сказано, законодатель попросту не успевает за развитием высокотехнологичной преступности³.

Можно констатировать, что формирование комплексного решения проблем противодей-

ствия дистанционному мошенничеству в совокупности с защитой и восстановлением прав жертв таких преступлений находится на начальной стадии. И в этом вопросе до недавнего времени были явные перегибы в сторону уголовной политики государства в сфере борьбы с высокотехнологичной преступностью. В результате ряд гражданско-правовых институтов остались за бортом внимания государства. Особенно это касается граждан, потерпевших по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Правоприменительная практика защиты и восстановления прав таких потерпевших складывается неоднозначно. Приведем пару примеров. Так, в апреле 2023 г. гражданин С. Е. продал свою квартиру гражданину С. Д., а впоследствии обратился в суд с иском о признании сделки недействительной, ссылаясь на то, что в момент совершения сделки находился под влиянием мошенников (представлявшихся работниками ЦБ России, МВД России) и не был способен понимать значение своих действий и руководить ими. Иск С. Е. был удовлетворен. Но С. Д. подал кассационную жалобу и попросил признать его добросовестным приобретателем квартиры, указав, что при покупке действовал добросовестно и осмотрительно, сделка была возмездной и цена соответствовала рыночной стоимости аналогичных предложений. С. Д. воспользовался услугами риелтора, который проверил объект на наличие обременений или судебных споров в отношении ее собственника. В удовлетворении иска С. Д. было отказано⁴.

По другому уголовному делу, возбужденному по ч. 4 ст. 159 УК РФ, установлено, что потерпевшей позвонило неизвестное лицо,

² Не возвращать квартиру, пока не вернет деньги: как защитят покупателей жилья от «жертв мошенников» // URL: <https://www.kp.ru/daily/27746.5/5174057/?ysclid=mizjfw9rg682570581> (дата обращения: 11.12.2025).

³ Примером может служить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3). Представляется, что за такой длительный срок часть способов совершения рассматриваемых преступлений попросту потеряли свою актуальность.

⁴ Мужчина продал квартиру по «бабушкиной схеме» и вернул ее через суд // URL: <https://ren.tv/news/v-Rossii/1386755-muzhchina-pytalsia-vernut-prodannuiu-im-kvartiru?ysclid=mizlku2x7v235609442> (дата обращения: 11.12.2025).

представившись следователем, и с целью хищения денежных средств сообщило ложную информацию о том, что оно якобы расследует преступление в отношении потерпевшей и что с целью сохранности недвижимого имущества истца ей необходимо его реализовать, после чего документы на квартиру ей будут возвращены. В рамках гражданского судопроизводства потерпевшая обратилась в суд с иском о признании недействительным договора купли-продажи квартиры. В обоснование своей позиции она указала, что стала жертвой мошенников, продажа квартиры не была связана с ее действительной волей, поэтому совершенная сделка является ничтожной. Однако судом не установлено законных оснований для признания сделки недействительной, поскольку истец самостоятельно подписала договор купли-продажи, лично присутствовала в МФЦ для сдачи необходимых документов на регистрацию сделки, в дальнейшем получила из банковской ячейки денежные средства за проданную недвижимость. То есть сделка совершена при наличии волеизъявления обеих сторон⁵. Доводы истца о том, что на всех этих этапах она находилась под воздействием мошенников, суд не учел. Как и аргументы о проблемах со здоровьем и состоянии, которое не позволяло ей в момент сделки понимать значение своих действий.

Данные правоприменительной практики свидетельствуют о том, что в настоящее время политика гражданских судов складывается в трех направлениях: в 41 % случаев сделка признается недействительной, а покупатель квартиры, являющийся добросовестным, остается и без денег, и без квартиры; в 39 % — сделка также признается недействительной, но применяется двухсторонняя реституция (когда каждая сторо-

на сделки возвращает второй то, что получила); в 20 % — бывшему собственнику в исковых требованиях отказывают, считая, что жертва сама ответственна за свои действия, сделку признают совершенной, а квартиру оставляют за добросовестным покупателем⁶.

Неоднозначность правоприменительной практики и новые криминальные угрозы. Закономерно указанные выше правоприменительные лакуны детерминировали новые мошеннические схемы, основанные на активизации недобросовестных продавцов, действующих под ширмой мнимого психического воздействия и манипуляции со стороны мошенников. Речь идет о так называемой бабушкиной схеме, когда граждане (зачастую пенсионного возраста⁷) продают свои квартиры, а затем заявляют в правоохранительные органы, что действовали (не осознавая суть своих действий) под влиянием мошенников, которым они переводили полученные от продажи деньги. В последующем такие «пострадавшие» обращаются в суд с иском о признании сделки недействительной (ст. 178 ГК РФ), как правило с одновременной подачей заявления о признании жертвы банкротом, тем самым сохраняя за собой деньги и недвижимое имущество.

Усугубляет ситуацию эффект социального диссонанса: на одной чаше весов находится растерянный пожилой человек, лишившийся порой единственного жилья, на другой — участник гражданско-правовой сделки с объектом недвижимости. «Отягчающим» обстоятельством для покупателя может выступать, например, факт приобретения объекта недвижимости у пенсионера по заведомо заниженной стоимости (что порой суды рассматривают как не проявление покупателем должной осмотрительности).

⁵ Решение Курчатовского районного суда г. Челябинска от 20.09.2023 № 2-3733/2023 2-3733/2023~М-2596/2023 М-2596/2023 по делу № 2-3733/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oAXVYTAoGJe/> (дата обращения: 03.12.2025).

⁶ В МВД назвали число квартир, похищенных телефонными мошенниками // URL: <https://realty.rbc.ru/news/6920690f9a79470a0a50d8f1?from=copy> (дата обращения: 10.12.2025).

⁷ По данным МВД России, в категорию жертв мошенников чаще всего попадают женщины в возрасте 50–70 лет. См.: Ни дома, ни денег: как на Ставрополье расторгают сделки с жильем по «схеме Долиной» // URL: <https://pobeda26.ru/articles/obshhestvo/2025-12-01/ni-doma-ni-deneg-kak-na-stavropolie-rastorgayut-sdelki-s-zhiliem-pod-vliyaniem-moshennikov-344762> (дата обращения: 10.12.2025).

В результате суд руководствуется принципами защиты социально менее защищенных категорий граждан. Что и породило в последнее время волну злоупотреблений со стороны мнимых жертв дистанционного мошенничества.

На практике всё чаще встречаются ситуации, когда от таких решений судов страдают интересы добросовестных участников рынка недвижимости. Так, в 2024 г. семейная пара приобрела квартиру у 67-летней пенсионерки. Сделку оформляли через сервис «Домклик», передачу денег дополнительно зафиксировали распиской. Но в момент передачи квартиры пенсионерка заявила, что ее обманули мошенники. По ее данным, она перевела им все деньги, полученные от сделки, дополнив сумму несколькими кредитами. Суд признал сделку недействительной, обязав возратить продавцу квартиру, а покупателю деньги⁸.

Представляется, что в подобной ситуации процедуры защиты и восстановления прав жертв дистанционного мошенничества, лишившихся прав на недвижимость (по ч. 4 ст. 159 УК РФ), должны согласовываться с иными гражданскими институтами, в частности осуществляющими защиту прав добросовестных покупателей. Доктринально признание сделки недействительной предполагает восстановление положения, существовавшего до совершения неправомерных действий, то есть возвращение недвижимости продавцу, а денег покупателю. Однако основная проблема в том, что денежные средства уже переведены мошенникам. Кроме того, требовать возврата от мошенников средств может только продавец, который и перечислил их в адрес мошенников. Вариант с последующей продажей жилья изначального собственника в счет возмещения добросовестному покупателю

причиненного ущерба тоже маловероятен, тем более если спорная квартира является единственным жильем жертвы мошенников.

Добросовестный приобретатель или жертва мошенничества? В отсутствие должного законодательного регулирования обозначенной проблемы граждане (и юристы) на практике стали выискивать подходящие правовые конструкции, позволяющие восстановить баланс интересов участников сделки с недвижимостью в ситуации дистанционного мошенничества. Так, по одному гражданскому делу родные пенсионерки, которую суд обязал вернуть добросовестному покупателю средства, полученные от продажи ему ее единственной квартиры под воздействием мошенников, нашли инвестора, который внес стоимость квартиры на депозит суда. Деньги были возвращены добросовестному покупателю, квартира перешла в собственность инвестора, а продавец (пенсионерка) сохранила пожизненное право безвозмездного проживания в квартире⁹. В рамках другого искового производства стороны пришли к согласию относительно расторжения договора, в результате которого продавец обязался вернуть покупателю полученные деньги через безотзывный покрытый аккредитив, действующий до оговоренного срока, а покупатель — освободить квартиру и передать ее прежнему владельцу по акту приема-передачи¹⁰.

До появления определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2 по иску Л. А. Долиной к П. А. Лурье¹¹ суды не всегда однозначно оценивали причинно-следственную связь между установленным в процессе уголовного судопроизводства фактом введения в заблуждение продавца недвижимости и добросовест-

⁸ Купил квартиру — остался ни с чем: как татарстанцы теряют всё при покупке жилья // URL: https://www.evening-kazan.ru/obshchestvo/articles/kupil-kvartiru---ostalsya-ni-s-chem-kak-tatarstancy-teryayut-vse-pri-pokupke-zhilya?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.12.2025).

⁹ Сделка под влиянием обмана: как изменить подход к спорам о недвижимости // URL: <https://realty.rbc.ru/news/69170f579a7947ed6a320947> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁰ В Петербурге суд впервые пресек квартирный спор по «схеме Долиной» // URL: <https://life.ru/p/1819833> (дата обращения: 10.12.2025).

¹¹ URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1931943/> (дата обращения: 10.12.2025).

ностью покупателя. В одних случаях суд вставал на защиту жертвы мошенничества, ссылаясь на то, что она действовала под психологическим давлением со стороны третьих лиц¹², в других признание продавца потерпевшим по уголовному делу не расценивалось судами достаточным основанием для расторжения сделки, поскольку обман был не со стороны покупателей.

Стоит отметить, что действующее законодательство не содержит однозначного понятия «сделка под влиянием» или «продавец под влиянием», а также не устанавливает перечня признаков мошеннического воздействия, которые должны доказываться в суде. Как подчеркнула зампред Комитета Госдумы по строительству С. Разворотнева, это вынуждает суд принимать решения исходя лишь из собственного понимания ситуации, что создает огромную неопределенность, в том числе для рынка недвижимости¹³.

Анализ гражданских дел по признанию недействительной сделки по продаже жилого помещения, совершенной под влиянием заблуждения, показал, что главная проблема — доказывание того, что договор купли-продажи был заключен потерпевшим под влиянием третьих лиц и что отсутствовало его волеизъявление на отчуждение квартиры.

Как видно из обобщения следственной и судебной практики, основаниями для проведения исследования по установлению состояния беспомощности потерпевших по делам о мошенничестве чаще всего выступают данные, полученные от потерпевшего, свидетельствующие о том, что он в юридически значимый период находился в «необычном» состоянии,

действовал нехарактерным для него образом и не мог объяснить свое поведение.

Психолого-психиатрическая экспертиза жертв анализируемого вида мошенничества позволяет дополнить их последующие показания в суде в плане констатации состояния и ситуации, когда жертва действительно действовала без обычной или должной осмотрительности, просто выполняя указания преступников. Задача подобного рода исследования — подтвердить, что лицо, совершившее сделку под влиянием мошенников, было неспособно принимать самостоятельные решения, не понимало сути сделки в силу ошибочного восприятия и оценки ситуации, фактически находилось в беспомощном состоянии (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ), то есть установить состояние заблуждения, возникшее у жертвы в результате манипуляции (под влиянием психологического воздействия) со стороны мошенников и обусловившее формирование у потерпевшего зависимого поведения, которое, как отмечается в литературе, сводилось к набору конкретных действий при отсутствии собственного целеполагания и выбора, самостоятельности в принятии решения, а также критической оценки адекватности и эффективности навязанных извне способов действия¹⁴.

Заключение психолого-психиатрической экспертизы может содержать, например, выводы о том, что жертва вменяема, однако является гиперответственной либо не отдавала отчет своим действиям ввиду нестабильного эмоционального состояния. Примером может служить положенное в обоснование иска о признании кредитного договора недействительным заключение психолого-психиатрической экспертизы,

¹² Так, в решении Советского районного суда Казани от 09.10.2025 по делу № 2-2226/2025 указано, что потерпевшая в юридически значимый период времени находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое не носило болезненного характера, но лишало ее способности критически оценивать происходящее, понимать характер и значение совершаемых в отношении нее действий и оказывать сопротивление. См.: Защитить права всех сторон: как законодатель обезопасит добросовестных покупателей квартир // URL: <https://dzen.ru/a/aS21WIP5dFYdsM7V?ysclid=mj03qbnacu8189336329> (дата обращения: 10.12.2025).

¹³ В Думе заявили о волне возвратов квартир продавцам после дела Долиной // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6928e45e9a79476d40c2218b?ysclid=mizm8sqjrjn557955296> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁴ Сафуанов Ф. С., Широкова В. В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки // Психология и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 7.

где было указано, что «с учетом индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития в исследуемой ситуации потерпевшая могла совершать действия по заключению кредитного договора, а также перечислению денежных средств третьим лицам, находясь в состоянии психического принуждения (психологического давления, убеждения, принуждения, манипуляции) со стороны третьих лиц»¹⁵.

Однозначной практики применения заключения психолого-психиатрической экспертизы в вопросе установления беспомощного состояния продавца объекта недвижимости также пока не сложилось. Суды указывают в решениях, что истцы (потерпевшие от мошеннических действий) заблуждались лишь относительно мотивов, по которым они заключили сделку, что не может расцениваться как существенное заблуждение, являющееся основанием для признания сделки недействительной¹⁶. В других случаях заключение данной экспертизы используется в обосновании защиты и восстановления прав жертв телефонного мошенничества. Так, в 2023 г. Черемушкинская межрайонная прокуратура г. Москвы в судебном порядке добилась признания недействительным договора купли-продажи квартиры москвички, пострадавшей от действий телефонных мошенников, поскольку в момент подписания договора она была в подавленном моральном состоянии, переживала страх, заблуждалась относительно природы сделки и лица, с которым ее заключила, а также обстоятельств, из наличия которых она с очевидностью для другой стороны исходила, совершая сделку. При этом весь процесс контролировали неустановленные лица¹⁷.

Существенную роль в решении назревших проблем сыграло вышеупомянутое определение судебной коллегии по гражданским делам Вер-

ховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2, в котором было указано, что при разрешении споров об оспаривании сделок, совершенных гражданином под влиянием заблуждения, сформированного третьими лицами при совершении в отношении такого гражданина имущественного преступления, предоставлять другой стороне сделки меньший объем защиты, чем предоставлено законом контрагенту при оспаривании договора по мотивам ее заключения под влиянием обмана, являлось бы неверным.

Участники рынка недвижимости: возможные меры защиты. Следует констатировать, что единичное разрешение вопроса о «состоянии и воле» продавца квартиры не панацея для решения обозначенной проблемы. Представляется, что выход из сложившейся сегодня ситуации должен не только основываться на мерах, предполагающих унификацию правоприменительной практики и задействование современных знаний из психологии и психиатрии, но и сопровождаться комплексными законодательными мерами.

В частности, в практику оборота недвижимости нужно широко внедрять сервисы безопасных сделок. На наш взгляд, это снизит долю преступлений в рассматриваемой сфере, поскольку мошенники при таком виде преступных деяний ориентированы на «быстрые» схемы получения денежных средств. Любое затягивание процесса расценивается ими как дополнительный фактор риска.

Анализ современной законодательной инициативы позволяет наметить ключевые моменты, связанные с вопросами защиты как жертв дистанционного мошенничества по ч. 4 ст. 159 УК РФ, так и иных участников рынка недвижимости.

1. Необходимость периода «охлаждения» сделки купли-продажи недвижимости, предусматривающего растягивание сделки во

¹⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.01.2025 № 67-КГ24-13-К8 (УИД 54RS0010-01-2022-009206-88) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=849707#Ss5bMgU4KHsVtQan> (дата обращения: 03.12.2025).

¹⁶ Решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы по делу № 2-246/2016.

¹⁷ Черемушкинская межрайонная прокуратура в судебном порядке добилась признания недействительным договора купли-продажи квартиры москвички, пострадавшей от действий мошенников // URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/dogovora-kupli-prodazhi-kvartiri/128030296/> (дата обращения: 03.12.2025).

времени. По мнению депутатов, при наличии промежутка от 5 до 14 рабочих дней или еще больше продавцам будет сложнее в последующем апеллировать к тому, что всё это время они находились «под влиянием мошенников» в состоянии измененного сознания¹⁸. И это поможет защитить добросовестных покупателей от недобросовестных продавцов или в ситуации, когда продавец по-настоящему находился во временно невменяемом состоянии.

При этом период «охлаждения» должен сопровождаться только безналичным расчетом, а средства будут замораживаться на специальном банковском счете (по аналогии со счетами эскроу), получение их продавцом станет возможным только после официально зарегистрированного перехода права собственности на недвижимость.

Однако данное предложение не лишено спорных моментов. Как быть в ситуациях, когда нужна срочная продажа недвижимости или когда имеет место цепочка сделок купли-продажи, при которой последующая покупка возможна только после продажи объекта недвижимости?

В этом плане неизбежно увеличение рисков, которые будут отражаться на стоимости недвижимости, действовавшей в сложных многоходовых сделках.

Полагаем, что введение периода «охлаждения» потребует решения ряда вопросов, связанных с совершенствованием существующих механизмов перехода прав на недвижимое имущество. Например, любая сделка с участием несовершеннолетнего проводится с разрешения органа опеки и попечительства, который выдает предварительное разрешение под условием одновременного приобретения на имя несовершеннолетнего конкретного объекта недвижимости взамен отчуждаемого. Как будет соотноситься период охлаждения с условием одновременного приобретения, когда в цепочке несколько аль-

тернативных сделок с участием несовершеннолетних. На практике может сложиться ситуация, когда момент получения денег у финальных продавцов растянется на месяц и более.

Кроме того, очевидно, что введение периода «охлаждения» закономерно скажется на увеличении стоимости банковских услуг.

Данная мера не гарантирует того, что недобросовестный продавец через месяц-два не заявит, что продал квартиру под воздействием мошенников.

2. Совершенствование механизма двусторонней реституции за счет введения дополнительных ограничительных и обеспечительных мер. В частности, предлагается не возвращать квартиры продавцам без возврата полной суммы уплаченных за недвижимость денег покупателям. По мнению Росреестра, спорные объекты недвижимости должны находиться в залоговом режиме до полного исполнения решения суда, что обеспечит баланс прав сторон¹⁹.

Кроме того, предлагается расширить перечень мер по обеспечению исковых требований. Так, продавец жилья, обратившийся в суд для признания сделки недействительной, предварительно должен внести деньги, полученные по договору купли-продажи, на залоговый счет суда. Если договор купли-продажи признают недействительным, покупатель сразу получит свои деньги после окончания судебного процесса²⁰.

Представляется, что механизм реализации этих предложений столкнется с препятствиями, такими, например, как факт последующей перепродажи квартиры третьим лицам или лишение продавца денежных средств за проданный объект недвижимости теми же мошенниками.

На наш взгляд, государству при разрешении анализируемой проблемы нужно пересмотреть механизмы компенсирования потерь добросовестному приобретателю, от которого было истребовано приобретенное жилое помеще-

¹⁸ «Не возвращать квартиру, пока не вернет деньги»: как защитят покупателей жилья от «жертв мошенников».

¹⁹ Росреестр предложил не возвращать квартиры жертвам мошенников без возврата денег // URL: <https://vz.ru/news/2025/11/22/1375644.html> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁰ Законопроект «О внесении изменения в статью 140 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850929-8> (дата обращения: 10.11.2025).

ние, за счет казны РФ²¹. Для этого понадобится разработка четких механизмов компенсации (и соответствующие бюджетные средства). Например, можно позаимствовать практику Фонда обманутых дольщиков, где государство выступает в роли независимого инвестора. Данная мера позволит защитить граждан, которые попали в ситуацию невозможности истребовать денежные средства ни от продавца недвижимости, ни от третьих лиц (мошенников). Право на получение единовременной компенсации закономерно обусловит необходимость формирования однозначных и четких критериев признания покупателя добросовестным.

3. Психиатрическая экспертиза пожилых продавцов до сделки купли-продажи недвижимости. Вероятнее всего, такая процедура будет носить добровольный характер и оплачиваться покупателем недвижимости. На практике целесообразнее в предварительном договоре купли-продажи учесть условие, обязывающее собственника недвижимости представить до подписания основного договора справки из психоневрологического и наркологического диспансеров по месту регистрации.

Дополнительно предлагается вести реестр лиц, в отношении которых в рамках судебного процесса было установлено, что продавец во время сделки «не осознавал свои действия»²². В дальнейшем все сделки с недвижимостью такого продавца должны проводиться при участии органов опеки или кого-то из родственников.

Следует разработать единую процедуру психиатрического освидетельствования до сделки, с тем чтобы она не вызывала вопросов в судах. Думается, что такая процедура должна проводиться в профильных государственных психиатрических заведениях соответствующего региона. Как свидетельствует судебная практика, заключения частных психиатрических

учреждений нередко оспариваются в суде. Так, в ноябре 2025 г. Верховный суд Якутии отменил решение о возврате квартиры пенсионерке, которая, по ее словам, продала жилье в 2023 г. под влиянием мошенников. Высшая судебная инстанция Республики провела повторную экспертизу, доказавшую стабильное психическое, психологическое и эмоциональное состояние продавца в ходе проведения сделки²³.

Кроме того, как показало обобщение судебной практики, у судов зачастую возникают сложности с определением вида экспертизы, необходимой для разрешения поставленных ими вопросов, ввиду недостаточной осведомленности судей о классификации экспертиз. Так, психолого-психиатрическая экспертиза, к проведению которой привлекаются специалисты из разных областей, некоторыми судами ошибочно именовалась комиссионной. Суды порой не соблюдают процедуру дачи оценки выводам такой экспертизы в своих решениях. Так, в заключении комиссии экспертов Алтайской краевой клинической психиатрической больницы имени Ю.К. Эрзмана (дело по иску Р. к Б., администрации Октябрьского района г. Барнаула о признании договора приватизации квартиры недействительным) содержался вывод о том, что выявленное у Р. психическое расстройство не сопровождается значимыми нарушениями мнестических, интеллектуальных функций и критических способностей и на конкретную дату по психическому состоянию испытываемая не была лишена способности понимать значение своих действий либо руководить ими. Заключение не было подписано членом комиссии экспертом-психологом первой категории, который в своем заключении выразил иную точку зрения: с учетом низкого интеллектуального уровня, индивидуально-психологических особенностей Р. и сложной для ее понимания

²¹ Возможность получить разовую компенсацию от государства при утрате права собственности предусмотрена статьей 68.1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218 «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

²² «Не возвращать квартиру, пока не вернет деньги»: как защитят покупателей жилья от «жертв мошенников».

²³ Суд Якутии впервые отказал пенсионерке в возврате квартиры // URL: <https://vz.ru/news/2025/11/17/1374258.html> (дата обращения: 10.11.2025).

информации последняя в момент подписания согласия на приватизацию могла иметь ошибочное мнение относительно содержания данного документа. Но суд в решении не оценил мотивы несогласия с заключением эксперта-психолога и не привел их в решении²⁴.

4. *Расширение практики проведения нотариальных сделок купли-продажи недвижимости.* Предлагается шире заимствовать зарубежный опыт. Так, в Европе нотариус выступает ключевой фигурой, гарантирующей законность сделки. В нашей стране даже нотариально удостоверенные сделки оспариваются. В настоящее время высказываются соображения о целесообразности пересмотра такой практики. В частности, если договор был заверен нотариусом и внесен в ЕГРН, он должен считаться неоспоримым, кроме случаев доказанного мошенничества²⁵. Дополнительно рекомендуется при покупке недвижимости у пожилых продавцов требовать от них заверенное нотариально заявление о том, что квартира не находится в процессе каких-то следственных или процессуальных действий и что продавец не давал подписку о сохранении тайны дознания и следствия.

Эти предложения не лишены ряда спорных моментов. Так, нотариальное заверение способно лишь подтвердить юридическую чистоту сделки, однако нотариус не компетентен констатировать психическое здоровье и состояние заявителя.

5. *Совершенствование механизма реализации страхования титула (права собственности), способного на практике реально защитить в ситуации с «бабушкиными схемами», признавая ее страховым случаем, а не форс-*

мажором. Предложение на законодательном уровне утвердить обязательное страхование сделок с недвижимостью, закладывая, например, стоимость страховки в стоимость продаваемого объекта²⁶, вероятно, будет носить скорее рекомендательный характер, в ином случае его практическая реализация неизбежно приведет к удорожанию жилья.

6. *Расширение практики использования статуса гражданина как добросовестного покупателя в юридической защите с соблюдением принципов социально ориентированного государства, способного сохранять доверие граждан к рынку недвижимости и законодательному регулированию прав его участников.* Считаем, что суды должны более тщательно подходить к вопросу оценки факта добросовестности приобретения объектов недвижимости, а не полагаться на формальные признаки и справки. Для этого целесообразно пересмотреть положения ст. 302 ГК РФ, уточнив критерии добросовестности приобретателя и порядок доказывания недобросовестности.

7. *Введение лицензирования риелторской деятельности с установлением единого контролирующего органа над этой сферой.* В настоящее время в России нет государственных или коммерческих вузов, где можно выучиться на риелтора, хотя с 2019 г. существует профессиональный стандарт «Специалист по операциям с недвижимостью»²⁷, где перечисляются необходимые знания, которыми должен обладать такой специалист. На практике именоваться риелтором может любой желающий независимо от образования, квалификации или работы в определенном агентстве недвижимости.

²⁴ Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам — Верховный Суд РФ // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.ru/files/13860/?ysclid=mj2hogocv8835839415> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁵ Добросовестный, но без квартиры: покупатель будет под защитой от мошеннических схем // URL: <https://dzen.ru/a/aRRgl6mz3nz5ed6o?ysclid=mj03p56vvo976532434> (дата обращения: 10.12.2025).

²⁶ Этого недостаточно: в Гильдии риелторов оценили проект обязательных страховок и нотариуса для сделок // URL: <https://dzen.ru/a/aSQVnVJLY2cMhpwt?ysclid=mizwv4qwg4575145725> (дата обращения: 10.12.2025).

²⁷ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 10.09.2019 № 611н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по операциям с недвижимостью» // URL: <https://base.garant.ru/73054922/> (дата обращения: 19.01.2025).

В результате возникают ситуации оказания некачественной помощи при сопровождении сделок с недвижимостью, ответственность за которую риелторы не несут.

Кроме того, данное обстоятельство, как показали наши исследования, выступает ключевой проблемой при привлечении риелторов в качестве специалистов по анализируемой категории уголовных дел. Правоохранители и суды испытывают трудности в определении перечня документов, которыми их компетенция должна быть удостоверена.

В связи с этим введение на государственном уровне реестра риелторов позволит потенциальным клиентам до начала сделки проверить, имеет ли конкретный риелтор право участвовать в сделках.

Необходимо определить, какие конкретно юридически значимые действия охватываются риелторской деятельностью, их содержание и границы, а также отграничение от смежных

видов деятельности, например юридических или консультационных услуг²⁸.

В целом следует признать, что на общем фоне актуальности «бабушкиных схем» они не новы и по большому счету явились закономерным отражением такого нового для России социального фактора, как рост дистанционного мошенничества с недвижимостью. С другой стороны, появление таких схем обнажило правовые и правоприменительные коллизии, которые государство активно разрешает. И это закономерно, поскольку уровень доверия граждан к финансовым и имущественным операциям напрямую влияет на экономику страны. Поэтому в ближайшее время ожидается принятие пакета мер, нацеленных на снижение рисков утраты жилья участниками сделок с недвижимостью, что, на наш взгляд, повысит стабильность данного рынка и уверенность граждан в защите права собственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. В Думе заявили о волне возвратов квартир продавцам после дела Долиной // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6928e45e9a79476d40c2218b?ysclid=mizm8sqjrn557955296> (дата обращения: 10.12.2025).
2. В МВД назвали число квартир, похищенных телефонными мошенниками // URL: <https://realty.rbc.ru/news/6920690f9a79470a0a50d8f1?from=copy> (дата обращения: 10.12.2025).
3. В Петербурге суд впервые пресек квартирный спор по «схеме Долиной» // URL: <https://life.ru/p/1819833> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Добросовестный, но без квартиры: покупатель будет под защитой от мошеннических схем // URL: <https://dzen.ru/a/aRRgl6mz3nz5ed6o?ysclid=mj03p56vvo976532434> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Защитить права всех сторон: как законодатель обезопасит добросовестных покупателей квартир // URL: <https://dzen.ru/a/aS21WIP5dFYdsM7V?ysclid=mj03qbncu8189336329> (дата обращения: 10.12.2025).
6. Купил квартиру — остался ни с чем: как татарстанцы теряют все при покупке жилья // URL: https://www.evening-kazan.ru/obshchestvo/articles/kupil-kvartiru---ostalsya-ni-s-chem-kak-tatarstancy-teryayut-vse-pri-pokupke-zhilya?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.12.2025).
7. Мужчина продал квартиру по «бабушкиной схеме» и вернул ее через суд // URL: <https://ren.tv/news/v-Rossii/1386755-muzhchina-pytalsia-vernut-prodannui-im-kvartiru?ysclid=mizlku2x7v235609442> (дата обращения: 11.12.2025).

²⁸ Против произвола риелторов предложили ввести меры: на существующие проблемы указали в Госдуме // URL: <https://rg.ru/2026/01/15/v-gosdume-predlozhili-mery-protiv-proizvola-rieltorov.html> (дата обращения: 11.12.2025).

8. Не возвращать квартиру, пока не вернет деньги: как защитят покупателей жилья от «жертв мошенников» // URL: <https://www.kp.ru/daily/27746.5/5174057/?ysclid=mizjfw9rg682570581> (дата обращения: 10.12.2025).
9. Против произвола риелторов предложили ввести меры: на существующие проблемы указали в Госдуме // URL: <https://rg.ru/2026/01/15/v-gosdume-predlozhili-mery-protiv-proizvola-rieltorov.html> (дата обращения: 11.12.2025).
10. Риски покупки квартиры у пожилых людей // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6928e45e9a79476d40c2218b?ysclid=mizm8sqjrn557955296> (дата обращения: 10.12.2025).
11. Росреестр предложил не возвращать квартиры жертвам мошенников без возврата денег // URL: <https://vz.ru/news/2025/11/22/1375644.html> (дата обращения: 10.11.2025).
12. Сафуанов Ф. С., Широкова В. В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки // Психология и право. — 2025. — Т. 15. — № 2. — С. 3–18.
13. Сделка под влиянием обмана: как изменить подход к спорам о недвижимости // URL: <https://realty.rbc.ru/news/69170f579a7947ed6a320947> (дата обращения: 10.12.2025).
14. Суд отказал взыскивать убытки с Ларисы Долиной в деле о квартире // URL: <https://dzen.ru/a/aUDRkuj8yzbxow0F?ysclid=mj8783a9h838082726> (дата обращения: 10.12.2025).
15. Суд Якутии впервые отказал пенсионерке в возврате квартиры // URL: <https://vz.ru/news/2025/11/17/1374258.html> (дата обращения: 10.11.2025).
16. Черемушкинская межрайонная прокуратура в судебном порядке добилась признания недействительным договора купли-продажи квартиры москвички, пострадавшей от действий мошенников // URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/dogovora-kupli-prodazhi-kvartiri/128030296/> (дата обращения: 03.12.2025).
17. Этого недостаточно: в Гильдии риелторов оценили проект обязательных страховок и нотариуса для сделок // URL: <https://dzen.ru/a/aSQVnVJLY2cMhpwt?ysclid=mizwv4qwg4575145725> (дата обращения: 10.12.2025).

Материал поступил в редакцию 22 февраля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. V Dume zayavili o volne vozvratov kvartir prodavtsam posle dela Dolinoy // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6928e45e9a79476d40c2218b?ysclid=mizm8sqjrn557955296> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
2. V MVD nazvali chislo kvartir, pokhishchennykh telefonnyimi moshennikami // URL: <https://realty.rbc.ru/news/6920690f9a79470a0a50d8f1?from=copy> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
3. V Peterburge sud v pervye presek kvartirnyy spor po «skheme Dolinoy» // URL: <https://life.ru/p/1819833> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
4. Dobrosovestnyy, no bez kvartiry: pokupatel budet pod zashchitoy ot moshennicheskikh skhem // URL: <https://dzen.ru/a/aRRgl6mz3nz5ed6o?ysclid=mj03p56vvo976532434> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
5. Zashchitit prava vseh storon: kak zakonodatel obezopasit dobrosovestnykh pokupateley kvartir // URL: <https://dzen.ru/a/aS21WIP5dFYdsM7V?ysclid=mj03qbncu8189336329> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
6. Kupil kvartiru — ostalsya ni s chem: kak tatarstantsy teryayut vse pri pokupke zhilya // URL: https://www.evening-kazan.ru/obshchestvo/articles/kupil-kvartiru---ostalsya-ni-s-chem-kak-tatarstancy-teryayut-vse-pri-pokupke-zhilya?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (data obrashcheniya: 03.12.2025).

7. Muzhchina prodal kvartiru po «babushkinoy skheme» i vernul ee cherez sud // URL: <https://ren.tv/news/v-Rossii/1386755-muzhchina-pytalsia-vernut-prodannuiu-im-kvartiru?ysclid=mizlku2x7v235609442> (data obrashcheniya: 11.12.2025).
8. Ne vozvrashchat kvartiru, poka ne vernet dengi: kak zashchityat pokupateley zhilya ot «zhertv moshennikov» // URL: <https://www.kp.ru/daily/27746.5/5174057/?ysclid=mizjfw9rg682570581> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
9. Protiv proizvola rieltorov predlozhili vvesti mery: na sushchestvuyushchie problemy ukazali v Gosdume // URL: <https://rg.ru/2026/01/15/v-gosdume-predlozhili-mery-protiv-proizvola-rieltorov.html> (data obrashcheniya: 11.12.2025).
10. Riski pokupki kvartiry u pozhilykh lyudey // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6928e45e9a79476d40c2218b?ysclid=mizm8sqjrn557955296> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
11. Rosreestr predlozhil ne vozvrashchat kvartiry zhertvam moshennikov bez vozvrata deneg // URL: <https://vz.ru/news/2025/11/22/1375644.html> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
12. Safuanov F. S., Shirokova V. V. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza zhertv telefonnogo moshennichestva: ekspertnye otsenki // *Psikhologiya i pravo*. — 2025. — T. 15. — № 2. — S. 3–18.
13. Sdelka pod vliyaniem obmana: kak izmenit podkhod k sporam o nedvizhimosti // URL: <https://realty.rbc.ru/news/69170f579a7947ed6a320947> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
14. Sud otkazal vzyskivat ubytki s Larisy Dolinoy v dele o kvartire // URL: <https://dzen.ru/a/aUDRkuj8yzbxow0F?ysclid=mj8783a9h838082726> (data obrashcheniya: 10.12.2025).
15. Sud Yakutii vperve otkazal pensionerke v vozvrate kvartiry // URL: <https://vz.ru/news/2025/11/17/1374258.html> (data obrashcheniya: 10.11.2025).
16. Cheremushkinskaya mezhrayonnaya prokuratura v sudebnom poryadke dobilas priznaniya nedeystvitelnym dogovora kupli-prodazhi kvartiry moskvichki, postradavshey ot deystviy moshennikov // URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/dogovora-kupli-prodazhi-kvartiri/128030296/> (data obrashcheniya: 03.12.2025).
17. Etogo nedostatochno: v Gildii rieltorov otsenili proekt obyazatelnykh strakhovok i notariusa dlya sdelok // URL: <https://dzen.ru/a/aSQVnVJLY2cMhpwt?ysclid=mizwv4qwg4575145725> (data obrashcheniya: 10.12.2025).

Вовлечение в совершение преступлений террористического характера и публичные призывы к террористической деятельности: проблемы разграничения

Аннотация. В статье доказывается, что существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, в общественной опасности) вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ч. 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ) связаны в первую очередь с уровнем конкретности соответствующих высказываний, степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования подтверждают, что призывы к конкретным действиям, постановка инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим мотивационным эффектом, чем побудительные высказывания общего характера. Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга: склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности. Конкретика специального подстрекательства, предусмотренного частями 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ, заключается в том, что вербовщик склоняет другое лицо к террористическому преступлению (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация), что отличает его от публичных призывов к террористической деятельности, для которых такая конкретизация не характерна.

Ключевые слова: противодействие терроризму; вовлечение в совершение преступлений; преступления террористического характера; вербовка в террористических целях; публичные призывы к террористической деятельности; уголовное законодательство; преступление; общественная опасность; квалификация террористических преступлений; подстрекательство к преступлению; степень конкретизации высказываний

Для цитирования: Боков Д. К. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера и публичные призывы к террористической деятельности: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 109–121. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.109-121

Involvement in Terrorist Offenses and Public Appeals for Terrorist Activity: Issues of Differentiation

Dmitry K. Bokov, Cand. Sci. (Law), Vice-Rector, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
dimbok@mail.ru

Abstract. The paper proves that significant differences in the criminogenic potential (and, as a consequence, in the public danger) of involvement in the commission of terrorist crimes (Part 1, 11 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and public appeals for terrorist activity (Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) are primarily associated with the level of specificity of the relevant statements, with the degree of their detail. Psychological and linguistic research confirms that calls to specific actions and setting instrumental tasks that are easy to imagine and plan have a much greater motivational effect than general incentive statements. These patterns also apply to criminal recruitment: encouraging individuals to commit a specific terrorist crime with a description of its details (type of crime, sequence of criminal actions, time, place, etc.) has an incomparably greater motivating effect than general calls for terrorist activity. The specific nature of instigation, as provided for in Parts 1 and 11 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, is that the recruiter incites another person to commit a terrorist crime (specification), while detailing the essential individual characteristics of the future crime (factual specification). This distinguishes it from public appeals for terrorist activity, for which such specification is not characteristic.

Keywords: counter-terrorism; involvement in the commission of crimes; terrorist crimes; recruitment for terrorist purposes; public appeals for terrorist activity; criminal legislation; crime; public danger; classification of terrorist crimes; instigation; degree of specificity of statements

Cite as: Bokov DK. Involvement in Terrorist Offenses and Public Appeals for Terrorist Activity: Issues of Differentiation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):109-121. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.109-121

В отечественном уголовном законодательстве установлена ответственность за две специфические формы «террористического рекрутинга» — вовлечение в совершение преступлений террористического характера (ч. 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ) и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ). Оба эти деяния нацелены на побуждение иных лиц к террористическим практикам, что неизбежно порождает проблемы их разграничения.

На страницах юридической литературы представлены несовпадающие подходы к разграничению указанных деяний. С точки зрения З. А. Шибзухова, их разграничение необходимо осуществлять на основании двух критериев: 1) адресной направленности: «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности обра-

щены к персонально не определенному кругу лиц», тогда как подстрекательство «нацелено на конкретное, персонально определенное лицо (группу лиц)»; 2) степени конкретизации обращений, направленных на побуждение других лиц к осуществлению террористической деятельности: «обязательным признаком подстрекательства к преступлению является его нацеленность на склонение другого лица (группы лиц) к совершению конкретного, определенного преступления», в то время как публичные призывы «имеют общий характер и не требуют конкретизации: в них нет конкретного содержания о месте, времени и способе совершения преступления»¹.

Иной подход к разграничению исследуемых деяний представлен в работе А. А. Докуева. Он соглашается с З. А. Шибзуховым в том, что вовлечение в совершение преступлений терро-

¹ Шибзухов З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 134–138.

ристического характера и публичные призывы к террористической деятельности имеют различия в адресной направленности. При этом в качестве второго критерия разграничения указанных деяний А. А. Докуев называет «количество лиц, на которых направлены действия виновного»: «для квалификации по ст. 205.1 УК РФ достаточно, чтобы вовлечение... осуществлялось в отношении одного лица, в то время как... призывы производятся в отношении как минимум двух человек»². По сути дела, А. А. Докуев проводит разграничение составов исключительно на основании признака публичности, включая в него качественные (обезличенность) и количественные (не менее двух адресатов) характеристики. При этом такой критерий разграничения публичных призывов и вовлечения, как степень конкретизации побудительных высказываний, А. А. Докуевым не упоминается.

В представлении О. В. Костылевой приоритетное значение для разграничения анализируемых деяний имеет признак публичности, которую, по ее мнению, «следует связывать в первую очередь с характеристикой адресата». Для подстрекательства, особой разновидностью которого О. В. Костылева считает вовлечение в совершение террористического преступления, «характерна индивидуальная определенность (конкретизированность) склоняемых к преступлению лиц», тогда как публичность призывов предполагает их «обращенность к неопределенному кругу лиц»³. Тем самым О. В. Костылева переносит акцент с содержания криминогенных обращений, побуждающих к террористическим преступлениям, на его адресатов.

Не углубляясь пока в эту дискуссию, обратим внимание на принципиально важное обстоятельство. Рассуждая о критериях разграничения рассматриваемых деяний, необходимо прежде всего понять, почему законодатель дифференцированно оценивает их общественную опасность. Устанавливая уголовную ответственность за различные формы побудительного воздействия на других лиц, законодатель четко дает понять, что вовлечение (ч. 1, 1.1 ст. 205.1 УК РФ) обладает гораздо большей общественной опасностью, нежели публичные призывы (ст. 205.2 УК РФ) (это прекрасно видно по санкциям⁴). В чем же причина столь значимых различий в степени общественной опасности этих деяний?

О. В. Костылева, ссылаясь на мнение немецких правоведов, объясняет различие в общественной опасности исследуемых деяний следующим образом: «...для подстрекательства необходимо личное отношение подстрекателя к исполнителю, позволяющее воздействовать на последнего; в случаях же публичных призывов “говорящий не обладает возможностью лично влиять на адресата”, “не в силах усилить давление, побуждающее к действию, или адаптировать его к конкретному индивидууму” (здесь автор цитирует работу W. K. Timmermann. — прим. Д. Б.). Воздействие в последнем случае обладает меньшей эффективностью как по причине отсутствия личного контакта с адресатом, так и в связи с наличием других, в том числе противоположных оказываемых на аудиторию влияний, которыми не может управлять призывающий»⁵. В этой парадигме принципиальное различие вовлечения и публичных призывов

² Докуев А. А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 123–124.

³ Костылева О. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 122.

⁴ Вовлечение в совершение террористических преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет, а совершение деяний, перечисленных в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, — лишением свободы на срок от 8 до 15 лет, тогда как за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности установлена санкция втрое ниже (если брать по максимальному пределу) — лишение свободы на срок от двух до пяти лет.

⁵ Костылева О. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование. С. 59.

кроется в их адресной направленности: обращение к конкретному лицу, к группе персонально определенных лиц более опасно, нежели обращение к безликой общественности.

Такое объяснение выглядит не вполне убедительным. Представляется, что существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, в общественной опасности) побудительных высказываний связаны не столько с их адресатами, сколько с уровнем конкретности соответствующих высказываний, со степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования эмпирически подтверждают, что призывы к конкретным действиям, постановка конкретных, инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим побудительным эффектом, чем призывы и слова общего характера. Как отмечают исследователи, более продуктивной окажется постановка конкретной и понятной задачи «поменять цепь на велосипеде», чем абстрактная задача «подготовиться к поездке». Объясняя результаты эмпирического исследования, его авторы констатируют: «Чтобы побудить кого-то заняться альпинизмом, нужно пробудить в нем намерение действовать. Однако слова “давайте поднимемся на эту вершину” останутся лишь намерением, если вы не превратите их в конкретный план — как это сделать и когда... Наши исследования ясно показывают, что, если люди хотят побудить других к действию, они особенно часто используют две лингвистические категории. Одна категория включает глаголы, являющиеся носителями действия (например, делать, идти, брать, готовить) и повышающие уровень мобилизации. Другой лингвистический фактор таких сообщений — указание конкретного способа выполнения запланированного действия»⁶. Иными слова-

ми, конкретика помогает легче представить и спланировать понятные шаги, которые позволят достичь цели.

Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга. В уголовно-правовой науке уже обращалось внимание на «зависимость степени опасности распространения криминогенной информации от конкретности призывов (оправданий, одобрения) и их непосредственного содержания». Эта зависимость выражена в простой формуле: «Чем более абстрактный (общий) характер имеет информация, тем менее опасным следует признавать само деяние»⁷. Именно поэтому склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим побудительным воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности, не имеющие конкретики. Что же касается адресной направленности (персонифицированной или обезличенной) побудительных высказываний, то таковая в этом плане имеет второстепенное значение.

В качестве иллюстрации различий вышеизложенных теоретических подходов рассмотрим следующий кейс: вербовщик распространял в сети Интернет обращения, побуждающие неопределенный круг лиц к вступлению в запрещенную террористическую организацию, сообщая при этом требования к «новобранцам» (минимальный и предельный возраст, уровень физической подготовки и т.п.) и условия «службы» (вид деятельности, ежемесячное денежное содержание, разовые выплаты в случае ранения или смерти с указанием их размеров, прохождение обучения). При этом в сообщении были указаны каналы связи с вербовщиком, даны

⁶ Formanowicz M., Beneda M., Witkowska M., Nikadon J., Suitner C. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // Pers Soc Psychol Bull. 2025 Nov. Vol. 51. №. 11. P. 2341–2356. DOI: 10.1177/01461672241238418. Epub 2024 May 8. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418> ; The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts // URL: <https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html>.

⁷ Кунов И. М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 134.

подробные инструкции по соблюдению конспирации.

Если руководствоваться критерием адресной направленности, то действия вербовщика нужно квалифицировать по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, поскольку обращение направлено неопределенному кругу лиц. Если же положить в основу разграничения исследуемых деяний критерий конкретности побудительных высказываний, то действия вербовщика надлежит квалифицировать по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Второй подход представляется предпочтительным, ведь наличие признаков вовлечения в совершение конкретного террористического преступления не может перечеркиваться тем, что такое вовлечение нацелено на персонально не определенный круг лиц. Если же руководствоваться первым подходом, то мы получим парадоксальную (если не сказать абсурдную) ситуацию: конкретизированная вербовка одного человека в ряды запрещенной террористической организации будет квалифицирована по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ с максимальной санкцией в 15 лет лишения свободы, в то время как конкретизированная вербовка, обращенная к широкому кругу лиц, получит оценку в рамках санкции ч. 2 ст. 205.2 УК РФ с максимальным наказанием в семь лет лишения свободы (и это при том, что конкретизация преступления, к которому осуществляется склонение, абсолютно одинакова).

Доводом против квалификации по ст. 205.1 УК РФ конкретизированных побудительных высказываний, обращенных к неопределенным лицам, может служить довольно распространенное мнение о том, что подстрекательство к преступлению (а значит, и вовлечение как его частное проявление) должно иметь адресную персонификацию — нацеленность на конкрет-

ное лицо или группу персонально определенных лиц. Применительно к классическому подстрекательству (ч. 4 ст. 33 УК РФ) такое мнение высказывается, в частности, в известном энциклопедическом издании: «...при подстрекательстве склонение всегда адресовано одному или нескольким конкретным лицам и направлено на возбуждение у них желания совершить вполне определенные преступления»⁸. А поскольку вовлечение в совершение преступлений террористического характера устойчиво ассоциируется с подстрекательством, то этот тезис о конкретизированном адресном воздействии воспроизводится и применительно к ст. 205.1 УК РФ. Проекция общих положений о подстрекательстве на ст. 205.1 УК РФ отчетливо видна в следующей цитате: «...публичные призывы к осуществлению террористической деятельности носят обобщенный, абстрактный характер и направлены на группу лиц. *Подстрекатель же всегда обращается к определенному лицу. Иными словами, склонение к преступлению является адресным действием*, которое направлено на то, чтобы породить у конкретного лица умысел на совершение конкретного уголовно наказуемого деяния (например, совершить террористический акт, захватить заложника и т.д.)»⁹.

Однако исходный тезис об обязательной персонифицированной адресной направленности подстрекательства, который, судя по всему, воспринимается в качестве аксиомы (по крайней мере должного его обоснования в процитированных работах не приводится), представляется излишне категоричным и потому неверным. Законодательное определение подстрекателя (ч. 4 ст. 33 УК РФ) акцентирует внимание на результативности (успешности) подстрекательских действий, вследствие кото-

⁸ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 6 : Соучастие в преступлении. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2007. С. 177.

⁹ Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / П. В. Агапов, А. С. Васнецова, М. Н. Косарев [и др.] ; под ред. П. В. Агапова. М. : Проспект, 2019.

Более того, некоторые исследователи распространяют этот тезис на любое криминализованное в Особенной части УК РФ склонение к преступлениям. См.: Кокунов А. И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2023. С. 23.

рых «другое лицо» склонено к совершению преступления (хотя бы неоконченного). При этом закон не требует изначальной персонификации этого «другого лица»; главное, чтобы умысел на совершение преступления сформировался у этого лица именно в результате конкретизированного склоняющего воздействия и при этом склоняющий и склоняемый имели взаимную осведомленность о совместном совершении конкретного преступления (в противном случае соучастия не возникает, что не позволяет считать склоняющего подстрекателем). Иными словами, взаимосвязанные предписания ст. 32 и ч. 4 ст. 33 УК РФ не исключают возможности неперсонифицированного подстрекательства к конкретному преступлению.

На это обстоятельство обращалось внимание еще в дореволюционной уголовно-правовой литературе: по мнению, Н. С. Таганцева, «возбуждение толпы на совершение преступных деяний может рассматриваться как подстрекательство, если толпа намеренно склоняется к определенному преступлению, которое впоследствии действительно учиняется»¹⁰. Возможность подстрекательства персонально не определенных лиц к совершению преступления признается и современными специалистами. Так, В. Кустова полагает, что «публичное обещание награды любому, кто совершит то или иное конкретное преступление, должно признаваться подстрекательством к преступлению либо приготовлением к нему». Обосновывая этот вывод, она указывает: «Несмотря на то что в данном случае отсутствует конкретный адресат обращения, характер воздействия и конкретизация желаемого преступления вполне позволяют, на наш взгляд, признать такое обещание награды

подстрекательством к преступлению (при условии, естественно, если преступление в конечном итоге будет совершено) либо приготовлением к нему (если по независящим от лица обстоятельствам его обещания не окажут стимулирующего воздействия на окружающих)»¹¹.

Эти теоретические выкладки подтверждаются криминальной эмпирикой. Например, по информации правоохранительных органов, в закрытом для общего доступа сегменте сети Интернет (так называемом DarkNet) существуют интернет-площадки, на которых размещаются «заказы» на поджоги чужого имущества, избияния¹², убийства¹³. И если подобный «заказ» на убийство, адресованный персонально не определенному «подрядчику», будет исполнен, то имеются все основания для того, чтобы признать «заказчика» подстрекателем к убийству, даже если взаимодействие между соучастниками имело исключительно анонимный характер. Нам могут возразить, что в подобных случаях подстрекательство возникает лишь после того, как будущий исполнитель преступления даст согласие «заказчику» на совершение убийства по найму. Но в этот момент у будущего исполнителя уже сформировался умысел на убийство (причем именно под воздействием неперсонифицированного склонения к совершению конкретного преступления), а значит, согласование условий исполнения «заказа» подстрекательством не является. Двусторонняя субъективная связь между соучастниками возникает в момент информирования «заказчика» о согласии исполнителя на совершение преступления, а его склонение осуществлено до этого.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что адресная персонификация (воз-

¹⁰ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 346–347.

¹¹ Кустова В. В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 12, 132–133.

¹² Анатомия нападения: как устроен даркнет-рынок заказов на поджоги и избияния // URL: <https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia>.

¹³ См.: Убийц собирают в даркнете. СКР нашел площадку, где заказывали тяжкие преступления // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977700>; Жданов: В теневом сегменте Интернета сформировался рынок заказных убийств // URL: <https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubijstv-stanoviatsia-biznesmeny.html>.

действие на конкретное лицо или группу персонально определенных лиц) не может считаться универсальным, обязательным признаком подстрекательства. Она присутствует в большинстве случаев, но не всегда. Это в полной мере справедливо и для вовлечения в совершение преступлений террористического характера, которое может иметь как индивидуализированную (в большинстве случаев), так и неперсонифицированную (гораздо реже) адресную направленность. А значит, искать критерии разграничения вовлечения и публичных призывов следует не в адресной направленности соответствующих деяний (она, как выяснилось, может совпадать), а в содержании побудительных высказываний, точнее, в степени их конкретности.

Критерий этот иногда трактуется крайне упрощенно: при вовлечении лицо якобы склоняется к совершению конкретного преступления, а публичные призывы имеют «общий характер», побуждают к «абстрактной» террористической деятельности. Однако мнение о том, что публичные призывы к террористической деятельности полностью лишены конкретики (в отличие от вовлечения в совершение террористического преступления), является неверным. По справедливому замечанию О. В. Костылевой, «степень конкретизации действий, к которым побуждает виновный, при публичных призывах действительно может быть ниже, чем при подстрекательстве, но это не означает, что такая конкретизация может отсутствовать вовсе: *из обращения должно следовать, к какого рода деяниям происходит склонение*». Развивая эту мысль, О. В. Костылева пишет: «...призыв обладает побудительным потенциалом, а потому должен содержать явно выраженное желание побудить других к совершению уголовно нака-

зуемых деяний. <...> *Определенная степень конкретизации деяния, к которому осуществляется призыв, необходима именно потому, что высказывания общего характера лишают обращение побудительного потенциала*, превращая его в пропагандистское сообщение. Так, одно дело призвать, например, к совершению террористических актов и присоединению к какой-либо террористической организации, а другое — агитировать за необходимость “борьбы с режимом” или “битвы с неверными”»¹⁴.

Какую именно степень конкретизации побудительных высказываний следует признать достаточной для того, чтобы квалифицировать их в качестве общего или специального подстрекательства? Высший судебный орган, подчеркивая конкретность подстрекательства, отмечает: «Подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя»¹⁵; «призывы и пожелания общего характера, которые непосредственно не направлены на склонение лица к конкретному противоправному деянию, не являются подстрекательством»¹⁶. В уголовно-правовой доктрине утверждается: «конкретизированность умысла не предполагает с необходимостью, что в сознании подстрекателя представлены с необходимой точностью все аспекты юридической квалификации преступления»¹⁷; «побуждая к совершению преступления, подстрекатель вовсе не должен самым детальным образом обрисовывать картину будущего посяательства. Вполне достаточно, чтобы он в основных чертах, а не по строго юридическим канонам определил характер преступного дея-

¹⁴ Костылева О. В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2024. Т. 65. № 1. С. 172–173.

¹⁵ Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 11.09.1967 по делу Б. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 5. С. 43.

¹⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2015 № 30-АПУ15-3 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Некоз А. С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 75.

ния, к которому он склоняет другое лицо»¹⁸. Вместе с тем в цитируемом труде отмечается, что подстрекатель должен обозначить не только видовые, но и индивидуальные признаки преступления, к которому он склоняет: «Так, вполне достаточно, чтобы прозвучало название преступления (хотя бы и не точное), *были описаны существенные признаки объективной стороны, названы вредные последствия*»¹⁹. Более того, некоторые ученые считают, что требуемая конкретизация подстрекательства констатируется лишь при условии детализации всех обстоятельств совершения преступления: «Подстрекательство к террористической деятельности всегда конкретно, нельзя склонить к совершению террористического преступления вообще, без указания реального объекта террористического посягательства, а также способов совершения (взрыв, поджог, вооруженное нападение, распространение ядовитых веществ) и конкретных целей»²⁰.

Последнее высказывание представляется слишком категоричным, ведь на стадии подготовки к преступлению (а подстрекательство осуществляется именно на этой стадии) детали планируемого преступного деяния могут быть неизвестны, а потому нельзя требовать, чтобы подстрекатель описал все нюансы преступления, к которому он склоняет. Однако вообще обойтись без изложения индивидуальных признаков преступления, к которому осуществляется склонение, подстрекатель не может. Нельзя подстрекать к хищению вообще — нужно как минимум обозначить предмет хищения и источник изъятия чужого имущества; точно так же подстрекательство к убийству предполагает указание на будущего потерпевшего, а если подстрекателем движет хулиганский или экстремистский мотив, побуждающий к убийству случайного человека (человека, принадлежащего к национальной, расовой группе), то подстрекатель должен конкретизировать способ, место, время убийства (не обязательно все эти

обстоятельства одновременно). Иными словами, в подстрекательстве заложена такая степень конкретизации, которая относится к индивидуальным характеристикам преступления.

Итак, в качестве промежуточного вывода можно заключить: конкретика подстрекательства состоит в том, что подстрекатель склоняет другое лицо к преступлению определенного вида (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация). Этот тезис в полной мере распространяется и на специальное подстрекательство, криминализованное в ст. 205.1 УК РФ, что отличает его от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, которые не предполагают точных, индивидуализированных указаний на объект террористического нападения, способ, время его совершения, но при этом содержат лингвистические и психологические признаки склонения к террористическому преступлению определенного вида.

Позиция высшего судебного органа относительно степени конкретности вовлечения в совершение преступлений террористического характера неоднозначна, что иллюстрирует решение по делу Колодяжного.

С одной стороны, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ признала «необоснованным суждение адвоката И. Н. Упорова об отсутствии признаков состава преступления в действиях Колодяжного в отношении Н. ввиду несообщения последнему о конкретных способах присоединения к МТО «ИГ»», указав при этом, что «по смыслу ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористической направленности образует состав указанного преступления с момента совершения *любых побудительных действий в отношении вовлекаемого лица, вне зависимости от степени раскрытия перед ним конкретных способов совершения преступлений, к которым*

¹⁸ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. С. 172.

¹⁹ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. С. 172.

²⁰ Алехин В. П. Подстрекатель в террористической деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 137–139.

оно склоняется»²¹. Из процитированной части судебного решения можно заключить, что для констатации признаков вовлечения в совершение террористического преступления не требуется фактической конкретизации способов совершения преступного деяния, к которому склоняется лицо.

С другой стороны, из кассационного определения следует, что побудительные действия Колодяжного, направленные на вовлечение иных лиц в совершение предусмотренного частью 2 ст. 205.5 УК РФ преступления, не ограничились лишь указанием на вид преступления. В этих побудительных действиях усматривается довольно детальная конкретизация преступления, к которому он склонял своих сверстников: Колодяжной, воздействуя на М., З., Д. и Н., «в ходе общения с ними пропагандировал деятельность МТО «ИГ», высказывался о собственной готовности совершать массовые убийства людей, в том числе путем взрыва самодельного взрывного устройства в школе во время последнего звонка, просил оказать ему помощь в подготовке взрыва, неоднократно предлагал им вступить в указанную террористическую организацию, демонстрировал видеозапись, на которой он зачитывает текст, являющийся, по пояснению осужденного, присягой на верность террористической организации». То есть Колодяжной, склоняя четырех персонально определенных лиц к совершению террористического акта путем взрыва (конкретизирован способ) в школе (конкретизировано место) во время последнего звонка (конкретизировано время), а также к вступлению в ряды названной им запрещенной террористической организации (конкретизирована организация) путем уговоров и демонстрации личного примера

(конкретизирован способ), детализировал существенные индивидуальные характеристики преступлений, что обоснованно квалифицировано по ст. 205.1 УК РФ. Поэтому процитированный ранее фрагмент о необязательности раскрытия конкретных способов совершения преступлений нельзя воспринимать таким образом, что высший судебный орган будто бы вообще не требует конкретизации индивидуальных признаков преступления, к которому осуществляется склонение.

В решении по делу Салтыкова Верховный Суд РФ согласился с позицией нижестоящих судов, которые квалифицировали по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ размещение в сети Интернет заявлений, побуждающих к мести «кафирам» — взрывам метро, стадионов, магазинов, кафе, ресторанов, захватам самолетов²². В этих публичных заявлениях содержится прямой призыв к совершению террористических преступлений определенного вида, но при этом степень конкретизации призывов недостаточна для того, чтобы вменить ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Сделанные нами выводы о критериях ограничения вовлечения и публичных призывов позволяют понять и объяснить трансформации доктринальных и правоприменительных подходов к интерпретации признака публичности призывов.

Изначально публичность призывов в контексте ст. 205.2 УК РФ трактовалась как их обращенность к широкому, персонально не определенному кругу лиц, при этом подчеркивался их безличный характер²³. Такое толкование публичности основано на международно-правовом запрете на «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления»: статья 5 Конвенции Совета Европы о предупреж-

²¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18.05.2021 по делу № 223-УД21-5-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См., например: Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19. С. 11; Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 15; Шибзухов З. А. Указ. соч. С. 93–94.

дении терроризма 2005 г. в качестве адресатов «публичного подстрекательства» называет «общественность», то есть обезличенный круг лиц²⁴. Именно эта позиция положена в основу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ: «Вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) должен решаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.)» (п. 19 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1²⁵). И хотя Пленум прямо не указывает на обезличенный характер публичных призывов, приведенные им примеры иллюстрируют обращения к персонально не определенным лицам.

Однако в дальнейшем на доктринальном и правоприменительном уровнях происходит постепенная трансформация в интерпретации публичности деяний, предусмотренных статьей 205.2 УК РФ. В трактовке публичности акцент смещается с качественного критерия

(неперсонифицированность адресатов) на количественный (два и более лица)²⁶, что наглядно демонстрирует практика высшего судебного органа²⁷. Таким образом, интерпретация признака публичности призывов имеет выраженную тенденцию к расширению. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «требование обращенности заявления к неопределенному кругу лиц заменяется на менее строгое — направленность его двум или более лицам, или даже менее точное — присутствие других лиц»²⁸.

Отмеченная трансформация правоприменительного толкования публичности призывов к осуществлению террористической деятельности имеет вполне прагматичное объяснение.

Во-первых, как было показано выше, единственным критерием, позволяющим отграничить вовлечение в совершение преступления террористического характера от публичных призывов к террористической деятельности, выступает степень конкретизации побудительных высказываний. Их адресная направленность (индивидуальная или обезличенная) в этом плане не имеет уголовно-правового значения, так как при фактической конкретизации преступления, к которому осуществляется склонение

²⁴ См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартина Шейнина «Десять элементов наилучшей практики в области борьбы с терроризмом» (A/HRC/16/51, 22.12.2010) (п. 32) // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf>.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

²⁶ Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) ; Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81–89.

²⁷ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15.10.2019 № 203-АПУ19-15 // СПС «КонсультантПлюс» ; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 11.11.2021 № 222-УД21-45-А6 // СПС «КонсультантПлюс» ; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 05.08.2025 № 223-УД25-19-А6 // СПС «КонсультантПлюс» ; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 22.10.2024 № 225-УД24-21-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Костылева О. В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. С. 173.

(конкретизация места, способа, времени, других обстоятельств), такое побуждение квалифицируется по ч. 1 или ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. Вследствие этого в трактовке публичности применительно к ст. 205.2 УК РФ акцент закономерно переносится на количественный критерий (в отношении или в присутствии нескольких лиц).

Во-вторых, субъекты антитеррористической уголовно-правовой политики исходят из того, что любые высказывания и действия, побуждающие к совершению преступления террористического характера, требуют уголовно-правовой реакции. А поскольку инструментарий реагирования на «террористический рекрутинг» ограничен двумя статьями, то логика уголовно-правовой оценки действий, побуждающих к террористической деятельности, приобретает бинарный характер: «или ст. 205.1 — или ст. 205.2 УК РФ»²⁹. Разрешая эту квалификационную дилемму, правоприменительные органы придают приоритетное значение ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического

характера, полагая, что статья 205.2 УК РФ должна применяться по остаточному принципу — в тех случаях, когда побудительные высказывания не имеют фактической (индивидуальной) конкретики, необходимой для применения ст. 205.1 УК РФ. Причем, с точки зрения правоприменителей, статья 205.2 УК РФ, выполняя функцию «запасной нормы», должна перекрывать все проявления побудительных действий, которые не охватываются частями 1 и 1.1 ст. 205.1 УК РФ, или по крайней мере большинство из них. А для этого признак публичности призывов надо трактовать как можно шире, ориентируясь исключительно на количественный критерий.

Таким образом, границы деяния в виде публичных призывов к осуществлению террористической деятельности во многом определяются правоприменительными подходами к интерпретации смежного деяния — вовлечения в совершение преступлений террористического характера, что может служить очередным свидетельством системности и взаимосвязанности антитеррористических уголовно-правовых норм.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алехин В. П.* Подстрекатель в террористической деятельности // *Общество и право*. — 2008. — № 1. — С. 137–139.
2. *Анатомия нападения: как устроен даркнет-рынок заказов на поджоги и избиения* // URL: <https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia>.
3. *Борисов С. В.* Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // *Российский следователь*. — 2007. — № 19. — С. 10–12.
4. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартина Шейнина «Десять элементов наилучшей практики в области борьбы с терроризмом» (A/HRC/16/51, 22.12.2010) // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf>.

²⁹ Эта логика, кстати, прослеживается и в справочных документах Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Отмечая, что в ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. «уголовная ответственность предусмотрена только за публичные заявления», специалисты Управления оговаривают, что «непубличное подстрекательство может преследоваться на основании общих концепций уголовной ответственности, которые могут включать соучастие, участие в преступном сообществе или сговоре, пособничество, консультирование, участие в подготовке преступления, его организацию, руководство совершением преступления и содействие ему». См.: Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. С. 40. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf.

5. *Докуев А. А.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 192 с.
6. Жданов: В тенеовом сегменте Интернета сформировался рынок заказных убийств // URL: <https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubijstv-stanoviatsia-biznesmeny.html>.
7. *Кибальник А., Соломоненко И.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. — 2007. — № 2. — С. 14–16.
8. *Кокунов А. И.* Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2023. — 221 с.
9. *Костылева О. В.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 268 с.
10. *Костылева О. В.* Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2024. — Т. 65. — № 1. — С. 159–178.
11. *Кунашев А. А.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. — 2018. — № 6. — С. 81–89.
12. *Кунов И. М.* Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2017. — 208 с.
13. *Кустова В. В.* Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 206 с.
14. *Некоз А. С.* Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 253 с.
15. Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / П. В. Агапов, А. С. Васнецова, М. Н. Косарев [и др.] ; под ред. П. В. Агапова. — М. : Проспект, 2019. — 120 с.
16. Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. — URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf.
17. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. — М., 1994. — 818 с.
18. Убийц собирают в даркнете. СКР нашел площадку, где заказывали тяжкие преступления // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977700>.
19. *Шибзухов З. А.* Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 181 с.
20. Энциклопедия уголовного права. Т. 6 : Соучастие в преступлении. — СПб. : Изд. проф. Малинина, 2007. — 563 с.
21. *Formanowicz M., Beneda M., Witkowska M., Nikadon J., Suitner C.* Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // Pers Soc Psychol Bull. 2025 Nov. Vol. 51. №. 11. P. 2341–2356. — DOI: 10.1177/01461672241238418. Epub 2024 May 8. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418>.
22. The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts // URL: <https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html>.

Материал поступил в редакцию 7 декабря 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekhin V. P. Podstrekatel v terroristicheskoy deyatel'nosti // Obshchestvo i pravo. — 2008. — № 1. — С. 137–139.
2. Anatomiya napadeniya: kak ustroen darknet-rynok zakazov na podzhogi i izbieniya // URL: <https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia>.

3. Borisov S. V. Ugolovnaya otvetstvennost za publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma // Rossiyskiy sledovatel. — 2007. — № 19. — S. 10–12.
4. Doklad Spetsial'nogo dokladchika po voprosu o pooshchrenii i zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod v usloviyakh borby s terrorizmom Martina Sheynina «Desyat elementov nailuchshey praktiki v oblasti borby s terrorizmom» (A/HRC/16/51, 22.12.2010) // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf>.
5. Dokuev A. A. Ugolovnaya otvetstvennost za sodeystvie terroristicheskoy deyatel'nosti: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2016. — 192 s.
6. Zhdanov: V tenevom segmente Interneta sformirovalsya rynek zakaznykh ubiystv // URL: <https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubiystv-stanoviatsia-biznesmeny.html>.
7. Kibalnik A., Solomonenko I. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma // Zakonnost. — 2007. — № 2. — S. 14–16.
8. Kokunov A. I. Ugolovno-pravovoy zapret sklonayushchego vozdeystviya: dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2023. — 221 s.
9. Kostyleva O. V. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti, publichnoe opravdanie i propaganda terrorizma: ugovno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2024. — 268 s.
10. Kostyleva O. V. Razgranichenie podstrekatelstva i publichnykh priyvov k soversheniyu prestupleniy v ugovnom prave Rossii XX–XXI vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2024. — T. 65. — № 1. — S. 159–178.
11. Kunashev A. A. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti, publichnoe opravdanie terrorizma ili propaganda terrorizma: ugovno-pravovoy analiz i voprosy kvalifikatsii // Ugolovnoe pravo. — 2018. — № 6. — S. 81–89.
12. Kunov I. M. Ugolovno-pravovoe protivodeystvie rasprostraneniyu kriminogennoy informatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2017. — 208 s.
13. Kustova V. V. Ugolovnaya otvetstvennost za finansirovanie prestupnoy deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2016. — 206 s.
14. Neko A. S. Ugolovnaya otvetstvennost za podstrekatelstvo k prestupleniyu: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 253 s.
15. Prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti: nauchno-prakticheskiy kommentariy k normam UK RF (postateyny) / P. V. Agapov, A. S. Vasnetsova, M. N. Kosarev [i dr.]; pod red. P. V. Agapova. — M.: Prospekt, 2019. — 120 s.
16. Spravochnik po ugovno-pravovym meram protivodeystviya terrorizmu. Vena: Upravlenie Organizatsii Obedinennykh Natsiy po narkotikam i prestupnosti, 2009. — URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf.
17. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo: leksii. Chast obshchaya: v 2 t. T. 1. — M., 1994. — 818 s.
18. Ubiysa sobirayut v darknete. SKR nashel ploshchadku, gde zakazyvali tyazhkie prestupleniya // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4977700>.
19. Shibzukhov Z. A. Ugolovnaya otvetstvennost za publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2012. — 181 s.
20. Entsiklopediya ugovnogo prava. T. 6: Souchastie v prestuplenii. — SPb.: Izd. prof. Malinina, 2007. — 563 s.
21. Formanowicz M., Beneda M., Witkowska M., Nikadon J., Suitner C. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // Pers Soc Psychol Bull. 2025 Nov. Vol. 51. №. 11. P. 2341–2356. — DOI: 10.1177/01461672241238418. Epub 2024 May 8. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418>.
22. The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts // URL: <https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html>.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.122-134

А. Н. Халиков*

Проблемы правовой основы международного взаимодействия для выявления и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий

Аннотация. Киберпреступления составляют одну из актуальных внутренних и внешних проблем государства, борьба с которыми требует новых правовых и технических способов защиты от преступных посягательств в цифровом пространстве. В то же время киберпреступления носят в основном международный характер, успешная борьба с ними может идти только при тесном взаимодействии всех государств и их правоохранительных органов. Правовой основой такого взаимодействия является принятая в 2001 г. Будапештская конвенция, посвященная борьбе с киберпреступлениями, которая объединяет более 80 государств. Однако Россия вышла из работы по данной Конвенции вследствие норм, затрагивающих суверенитет нашей страны. Вместе с тем Россией и рядом других государств предложен новый проект конвенции по борьбе с киберпреступлениями, где предусмотрены новые, более эффективные механизмы взаимодействия правоохранительных органов государств, правовые и технические меры по борьбе с киберпреступлениями на современном уровне. В статье анализируется содержание данного проекта конвенции и его соотношения с Будапештской конвенцией и прогнозируются пути применения обоих международных актов.

Ключевые слова: Интернет; информационно-коммуникационные технологии; киберпреступления; конвенция; международное взаимодействие; международное расследование; правоохранительные органы; преступления; следственные действия; трафик; цифровое пространство

Для цитирования: Халиков А. Н. Проблемы правовой основы международного взаимодействия для выявления и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 122–134. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.122-134

© Халиков А. Н., 2026

* Халиков Аслям Наилевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий
ул. Врубеля, д. 12, г. Москва, Российская Федерация, 125080
han010@yandex.ru

Legal Framework Challenges in International Cooperation for the Investigation of Cybercrimes

Aslyam N. Khalikov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Forensic Science, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Professor, Department of Forensic Science, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Moscow, Russian Federation
han010@yandex.ru

Abstract. Cybercrime is one of the most urgent domestic and foreign policy challenges facing the modern state. Counteracting the crime requires new legal and technical safeguards against criminal activity in the digital domain. At the same time, cybercrime is primarily international in nature; successfully combating such can only be achieved through close cooperation between all states and their law enforcement agencies. The prevailing legal framework for such cooperation is the 2001 Budapest Convention on Cybercrime, which now comprises over 80 member states. However, Russia has withdrawn from the Convention, citing provisions that it considers incompatible with its national sovereignty. In response, Russia and several other states have put forward a new draft convention on combating cybercrime, which envisions more effective mechanisms for interstate law enforcement cooperation, as well as up-to-date legal and technical countermeasures. The paper examines the content of the proposed draft convention, compares it with the Budapest Convention, and explores the potential scenarios for the implementation of both international instruments

Keywords: Internet; information and communication technologies; cybercrime; convention; international cooperation; international investigation; law enforcement; crimes; investigative actions; traffic; digital space

Cite as: Khalikov AKh. Legal Framework Challenges in International Cooperation for the Investigation of Cybercrimes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):122-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.122-134

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) составляют материально-интеллектуальную сферу сегодняшнего мира, ее наиболее активную часть в области политики, экономики, социального общения, сферу цифрового пространства. Этот виртуальный мир не имеет четкой локализации и строгих границ между государствами, что в целом положительно сказывается на обеспечении свободы мирового сообщества, трудовой и научной деятельности, многообразии международных коммуникаций. Однако в цифровой сфере происходит быстрая эволюция криминальных явлений, что заставляет говорить о негативных и опасных тенденциях развития современных компьютерных технологий в преступном мире, которые в силу своего совершенства, ускорения и масштабов существенно влияют на рост преступности, вплоть до угроз внутренней и внешней безопасности государств с учетом взаимосвязанности цифровых технологий и ядерного потенциала

стран¹. При этом как на внутреннем уровне, так и на внешнем, то есть в сфере международных отношений, сегодня крайне слаба техническая, правовая, оперативная защита компьютерных технологий от криминальных посягательств.

В противоположность динамичному развитию преступности с применением ИКТ, международных механизмов совершения и сокрытия преступлений, о чем свидетельствуют многомиллиардные хищения дистанционного формата в России и международные хакерские атаки, в настоящее время недостаточно разработаны действенные правовые механизмы выявления, раскрытия, пресечения и расследования противоправных деяний в сфере компьютерной информации в трансграничном пространстве. Причины такого положения заключаются как в состоянии современных международных отношений, так и в правовом нигилизме при построении сотрудничества в сфере международного уголовного права. В результате возникает про-

¹ См.: Аббуд Р. Р. Международно-правовое регулирование противодействия киберпреступлениям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 163–170.

тиворечие между быстрой эволюцией киберпреступлений на межгосударственном уровне и дефицитом правового регулирования и международного взаимодействия по борьбе с этими преступлениями.

Начиная с конца XX в. такие международные организации, как ООН, Совет Европы, ШОС, ОДКБ, озаботились совершением первых киберпреступлений, связанным с интенсивным развитием ИКТ в мире. Были приняты соответствующие международные акты, которые сыграли определенную роль в противодействии криминалу в компьютерной сфере, хотя и не остановили его рост. Причем вряд ли следует разделять киберпреступления и компьютерные преступления, как предлагает М. А. Дубко, поскольку фактически одно без другого в большинстве случаев невозможно².

Одним из первых нормативных актов, направленных на борьбу с киберпреступностью, стала Рекомендация от 13.09.1989 № R89(9) Комитета Министров стран — членов Совета Европы о преступлениях, связанных с использованием компьютера, где практически впервые были определены преступления с использованием компьютерных технологий по 12 составам³. Далее, наиболее полной стала действующая на сегодняшний день Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве), принятая в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. В этой Конвенции закреплено девять наименований преступлений, разрабо-

таны основы международного сотрудничества между странами по выявлению и пресечению киберпреступлений в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах⁴. Вопросы киберпреступности частично стали предметом содержания Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 г. Следует отметить Арабскую конвенцию о борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 21.12.2010 и Конвенцию Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных от 27.06.2014. По линии СНГ было подписано второе Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28.09.2018⁵. Существуют и другие локальные и международные акты, полностью или частично посвященные борьбе с киберпреступлениями в межгосударственной сфере⁶.

Как мы указали, наиболее универсальной и с широким участием других государств стала Европейская конвенция по киберпреступлениям 2001 г. (г. Будапешт). На сегодняшний день, кроме стран Совета Европы, документ ратифицировали 45 государств всех континентов, включая США, что в целом образует 81 государство. В России названная Конвенция вступила в силу в соответствии с распоряжением Президента РФ от 15.11.2005⁷, однако затем Россия вышла из Конвенции. Причиной выхода стала возмож-

² Дубко М. А. Международное сотрудничество в сфере уголовно-правовой борьбы с неправомерным завладением компьютерной информацией // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2012. № 14. С. 180–183.

³ См.: Швед Н. А. Сравнительный анализ уголовной ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации в странах ЕС // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 222.

⁴ Шестак В. А., Чеботарь А. С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования // Образование и право. 2023. № 8. С. 305–310.

⁵ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53417/.

⁶ См.: Мороз Н. О. Международно-правовые основы обеспечения международной информационной безопасности // Труд. Профсоюзы. Общество. 2016. № 1 (51). С. 77–81.

⁷ Распоряжение Президента Российской Федерации от 15.11.2005 № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4929.

ность доступа иностранных спецслужб и других правительственных организаций к ИКТ России исходя из положений дополнительных протоколов к Конвенции, что могло серьезно подорвать суверенитет России⁸.

Вместе с тем Будапештская конвенция по своей структуре и содержанию наиболее полно отразила уголовно-правовые, процессуальные и международно-правовые проблемы киберпреступности и наметила реальные шаги международного сотрудничества государств по противодействию в этой сфере. Конвенция заложила основы международных действий правоохранительных органов государств для получения взаимной процессуальной и оперативной информации, пресечения, раскрытия и расследования киберпреступлений, в связи с чем документ получил положительный отклик в научном мире⁹.

В то же время с момента принятия Будапештской конвенции прошло более 20 лет, за это время изменились и технические, и политические, и правовые условия действия Конвенции, тем более что крупнейшая страна в мире — Россия — не участвует в ней. Но главным недостатком Будапештской конвенции стала ее неэффективность ввиду развития современных компьютерных преступлений, требующих новых технологических и правовых методов реагирования, способов взаимодействия участников Конвенции. Данные обстоятельства позволили России и ряду других государств на международном уровне в рамках Организации Объединенных Наций предложить более совершенный вариант конвенции против киберпреступности, предусматривающий создание действенных механизмов международного сотрудничества в борьбе

с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем и обмена доказательствами¹⁰. И 24 декабря 2024 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла проект конвенции против киберпреступности (далее — проект Конвенции, Конвенция)¹¹. В дальнейшем, осенью 2025 г., эту Конвенцию планируется подписать членами ООН в г. Ханое (Вьетнам), после чего должен начаться процесс ее ратификации подписавшими государствами¹².

Значимость новой Конвенции против киберпреступности — в ее правовом и техническом совершенстве, введении новых методических и тактических способов и приемов в деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступлениями в области ИКТ. Наравне с аналогичными международными актами по борьбе с отдельными видами преступлений — Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988), Конвенцией ООН о борьбе с финансированием терроризма (1999), Конвенцией ООН против коррупции (2003) и другими — рассматриваемая Конвенция не только носит специальный характер (борьба с киберпреступлениями), но и по своей сути направлена на противодействие другим преступлениям, совершаемым в киберпространстве.

Если говорить о политической стороне конструирования и принятия новой Конвенции, то инициатором ее разработки в рамках структуры ООН, как мы отметили, стала Российская Федерация в 2017–2024 гг. Причем западные страны, такие как США, Великобритания и другие, были против многих положений данного международного документа, в связи с чем шли

⁸ См.: Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 6. С. 898–913.

⁹ Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17–25.

¹⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности (2025) // URL: <https://www.un.org/ru/documents>.

¹¹ URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>.

¹² См.: Горелик И. Б. Формирование международно-правовой системы противодействия киберпреступности: от терминологии до проекта универсальной конвенции // Международное право. 2022. № 4. С. 60–71.

довольно долгие дискуссии не только о содержании Конвенции, но и о правомерности ее создания в целом. Как пишет Э. Чернухин, вследствие негативной позиции западных стран из проекта Конвенции выпали положения о противодействии использованию информационно-коммуникативных систем в террористических и экстремистских целях, для незаконного оборота наркотиков и оружия, доведения детей до самоубийства, а также о защите объектов критической информационной инфраструктуры¹³. В то же время, соглашаясь с мнением об острой необходимости существования рассматриваемой Конвенции против киберпреступности, полагаем, что у западных стран были свои причины отчасти критически подходить к некоторым ее положениям. Речь может идти о свободе информации; использовании положений Конвенции в целях излишних запретов общения между людьми в мировом пространстве посредством сети Интернет; избыточной активности спецслужб, направленной не на выявление и раскрытие конкретных преступлений, а на борьбу с политическими преступлениями, неоднозначно оцениваемыми в странах Запада и Востока. Всё это могло и может иметь негативные характеристики при соотношении соблюдения прав и интересов человека с развитием информационно-коммуникационных систем в международном масштабе, препятствовать взаимодействию правоохранительных органов по борьбе с названными преступлениями. Таким образом, проект новой Конвенции по киберпреступности, удаляясь от политической тематики, должен находить свою реализацию в решении наиболее актуальных проблем противодействия совершению компьютерных и общеуголовных преступлений с применением ИКТ, точно выявлять, раскрывать и пресекать наиболее тяжкие и особо тяжкие криминальные деяния, связанные с компьютерными технологиями.

По мнению П. А. Литвишко, Будапештская конвенция против киберпреступности и проект новой Конвенции фактически образуют конкуренцию в международных правоотношениях по противодействию преступлениям в сфере компьютерных технологий¹⁴. Это действительно имеет место, поскольку основные положения двух конвенций дублируют друг друга. Несомненно, проект Конвенции, предложенный Россией, носит более качественный характер, детально регламентируя многие вопросы взаимодействия правоохранительных органов, механизмы производства международных следственных и оперативно-разыскных действий, технические параметры блокирования и пресечения преступлений в компьютерной сети и иные позиции.

Вместе с тем нельзя игнорировать и участие более 80 стран в структуре Будапештской конвенции с учетом суверенной позиции каждого из государств, присоединившихся к Конвенции с 2001 г. Такая ситуация может привести к существованию одновременно двух конвенций против киберпреступности, что хотя и создаст ряд правовых и политических коллизий, однако не станет критическим фактором в борьбе с названными преступлениями. Более того, так как любая монополия несет больше негативного, чем положительного, конкурирование двух правовых систем в сфере борьбы с компьютерными преступлениями может одновременно создавать и эффективные зоны взаимодействия по действующим конвенциям, вводить дополнительный контроль за методами и способами выявления и расследования преступлений в данной сфере, привлечет большее количество государств, заинтересованных в обеспечении коллективной безопасности от киберпреступлений. Дело в том, что область киберпреступлений — это часть виртуального (или цифрового) пространства, называемая иногда киберпростран-

¹³ Чернухин Э. Об истории создания и итогах работы специального комитета по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях // Международная жизнь. 2025. № 2. С. 111.

¹⁴ Литвишко П. А. Первый глобальный договор против киберпреступности: от геополитической конфронтации к профессиональному компромиссу // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 1–27.

ством, которая сегодня фактически является параллельной реальностью мира, в котором мы физически существуем. Глубина и потенциал ИКТ больше, чем ученые в состоянии себе представить, в этих технологиях еще много неизведанного. И когда в этой области происходит неконтролируемое посягательство на информационную систему человеческой деятельности с помощью компьютерных средств или киберинструментов, создается реальная угроза исчезновения значительной части информации, тогда, исходя из здравого смысла, избыток правовых механизмов борьбы с такими общественно опасными тенденциями предпочтительнее, чем их недостаток. Из этого следует, что как Будапештская конвенция, так и проект новой Конвенции от имени Российской Федерации направлены если не на ликвидацию киберпреступлений (это в идеале), то на достижение состояния разумного баланса сдерживания активности криминальной части ИКТ в мировом пространстве, что допускает взаимное существование в определенный период двух конвенций против киберпреступности.

Проект новой Конвенции начинается с преамбулы, где подчеркивается важность борьбы с киберпреступлениями вследствие огромного потенциала ИКТ и его системного развития при совершении разнообразных преступлений, масштабов организованной и транснациональной преступности, использующей ИКТ, необходимость глобальной международной политики против киберпреступности, а также необходимость международного преследования преступников, совершающих киберпреступления или использующих ИКТ. Одновременно в Конвенции подчеркнута необходимость решения задач правоприменения, уважения прав человека и основных свобод с защитой от произвольного и незаконного вмешательства в частную жизнь людей.

Учитывая четко выраженную ориентацию целей и задач борьбы с киберпреступлениями, обозначенную в преамбуле Конвенции, и ее соотношение с правами и интересами человека, в первую очередь подразумевается необходимость свободы киберпространства, а следовательно, ресурсов Интернета, но за исключением

совершения криминальных деяний в цифровом пространстве. Иными словами, в соотношении количества преступлений и преступников в сфере ИКТ, составляющих единицы от всей массы населения государств, борьба с киберпреступлениями должна быть направлена на обеспечение нормального и свободного функционирования ИКТ и интернет-ресурсов, а не их запрет или ограничение, что нарушает права и свободы человека и общества, а значит, не отвечает задачам борьбы с преступностью.

Первая глава (ст. 1–6) указывает на правовые цели Конвенции, которые исходят из содержания ее преамбулы. Приводятся основные технические и правовые термины, обозначается сфера применения, перечисляются преступления, признаваемые таковыми в соответствии как с рассматриваемой Конвенцией, так и с другими конвенциями по борьбе с преступлениями, если они совершаются с использованием ИКТ. Отдельно выделяются нормы о защите суверенитета государств в ходе борьбы с киберпреступлениями и соблюдении при этом прав человека.

Глава вторая (ст. 7–21) посвящена вопросам криминализации деяний при применении ИКТ. К международным составам киберпреступлений отнесены:

- 1) незаконный доступ к ИКТ, включая соединения с другой информационно-коммуникационной системой;
- 2) незаконный перехват передач электронных данных в системе ИКТ;
- 3) воздействие на электронные данные в виде их повреждения, удаления, порчи, изменения или блокирования;
- 4) воздействие на информационно-коммуникационную систему;
- 5) неправомерное использование устройств ИКТ в виде приобретения, ввоза, распространения или предоставления иным способом;
- 6) подлог с применением информационно-коммуникативной системы, приводящий к возникновению неаутентичных данных, используемых в качестве аутентичных;
- 7) мошенничество или извлечение денежной либо имущественной выгоды с использованием информационно-коммуникационной системы;

8) преступления, связанные с размещением в Интернете материалов со сценами сексуальных надругательств над детьми (не достигшими 18-летнего возраста) или их сексуальной эксплуатации;

9) домогательство или создание доверительных отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении ребенка;

10) распространение интимных изображений без согласия лиц старше 18 лет и особые условия для лиц, не достигших возраста 18 лет;

11) отмыwanie доходов от преступлений в самом широком диапазоне понимания данного правонарушения при совершении всех вышеперечисленных преступлений.

Представленные составы преступлений можно разделить на четыре группы: 1) киберпреступления или преступления в сфере ИКТ; 2) мошенничество или иные виды хищений с применением ИКТ; 3) сексуальные посягательства с использованием ИКТ; 4) отмыwanie незаконных доходов при совершении перечисленных преступлений.

Здесь речь идет о преступлениях международного характера или конвенционных преступлениях, посягающих на стабильные позитивные отношения между странами, наносящих ущерб мирной кооперации в разных сферах, а также организациям и гражданам, наказуемых по нормам, установленным в международных соглашениях, либо нормам внутригосударственного уголовного права в соответствии с этими соглашениями¹⁵. Кроме этого, Конвенция предполагает необходимость определения ответственности юридических лиц, понятий участия и покушения по вышеназванным видам преступлений, критериев для установления более продолжительных сроков давности при перечисленных в ней криминальных деяниях.

Как мы указали, исключение из данных составов деяний с политическими или экстремистскими конструкциями при современном диапазоне различия политических и социально-экономических режимов государств является

вполне оправданным. В то же время, отрицая политические составы, традиционно вместе с водой выплеснули и ребенка. На наш взгляд, в данном перечне преступлений, часто подготавливаемых, совершаемых и затем скрываемых, отсутствует такое наиболее тяжкое общественно опасное деяние, как убийство, которое всё же нужно было бы назвать, если оно совершено с применением механизма ИКТ. Априори убийство всё же более опасно, чем сексуальное насилие, если в последнем случае человек остается живым. При наличии посягательства на жизнь человека речь может идти о его похищении, безвестном исчезновении, использовании его органов и т.д., что сегодня совершается в подавляющем большинстве случаев с применением электронных средств связи и компьютерных технологий. Соответственно, нормы Конвенции как наиболее эффективные при антикриминальной деятельности и антикриминальном анализе состояния современного информационного пространства должны использоваться при защите основного права человека на жизнь, что стоило бы отразить в рассматриваемом документе в качестве серьезного преступления.

Глава третья (ст. 22) устанавливает традиционные нормы юрисдикции, относящиеся к территории и лицам по делам о киберпреступлениях в условиях взаимодействия между государствами.

В главе четвертой (ст. 23–34) изложены процессуальные меры и способы правоприменения при осуществлении уголовных расследований и судебных разбирательств по преступлениям, указанным в Конвенции, другим уголовным правонарушениям, совершаемым с помощью ИКТ, сбора доказательств в электронной форме, относящихся к любым преступлениям. Представлены условия и гарантии обеспечения прав человека, включая право на защиту.

Со статьи 25 начинаются положения Конвенции, направленные на криминалистическое и оперативное обеспечение выявления, раскрытия и расследования киберпреступлений с

¹⁵ Международное уголовное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов, П. В. Волосюк / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. С. 277–278.

регламентацией основных технических способов борьбы с ними. Конвенция регулирует оперативное обеспечение сохранности хранимых электронных данных и трафика в государствах-участниках, поскольку эти данные «особенно подвержены риску утраты и изменения». Здесь важно отметить, что в Российской Федерации эта проблема решена на законодательном уровне. С 2017 г., согласно ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁶, организатор распространения информации в сети Интернет обязан хранить на территории РФ любую информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий. А текстовые сообщения пользователей сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения — до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. Эти положения дублируются в ст. 64 Федерального закона «О связи»¹⁷, они относятся ко всем операторам связи.

Сроки хранения сведений, голосовой и текстовой информации должны быть синхронизированы по правилам названной Конвенции. Однако не исключено, что другие страны регламентируют сроки хранения разнообразной цифровой информации по аналогии с российским законодательством, что будет составлять единый международный стандарт сохранения электронной информации.

Далее говорится об оперативном обеспечении сохранности и частичном раскрытии данных о трафике с возможностью обеспечения полномочий компетентных органов давать распоряжения о предоставлении информации. Данные о трафике, исходя из ст. 2 Конвенции, означают любые электронные данные, которые относятся

к сообщению, осуществляемому посредством информационно-коммуникационной системы, генерируются информационно-коммуникационной системой, являющейся составной частью коммуникационной цепочки, и указывают на источник, адресат, маршрут, время, дату, размер и продолжительность сообщения или тип базовой услуги.

Перечисленные действия по раскрытию и расследованию киберпреступлений обеспечиваются рядом следственных и процессуальных действий международного характера. В этой части Конвенцией предусмотрены правила обыска и изъятия хранимых электронных данных с возможностью сбора в режиме реального времени сведений о трафике, перехвата данных о содержании любых сообщений с помощью ИКТ, введены условия замораживания, ареста и конфискации доходов от преступлений. Правила производства обысков, получения сведений о трафике, перехвата данных о содержании, ареста и конфискации доходов от преступлений впервые в Конвенции подобного направления изложены с учетом взаимовыгодного сотрудничества между компетентными органами государств, проведения совместных следственно-оперативных мероприятий и с изъятием объектов, представляющих обоюдный интерес. В этом плане отдельно выделены нормы о взаимном обмене информацией о судимостях с получением судебных приговоров, правила защиты свидетелей и потерпевших.

Из Конвенции становится ясно, что при осуществлении перечисленных и иных процессуальных и следственных действий правоохранительные органы должны руководствоваться национальным уголовно-процессуальным законодательством. Думается, что, ввиду наличия единых стандартов норм о защите прав и интересов гражданина и человека, основывающихся на международных актах ООН, не будет возникать неразрешимых коллизий при производстве процессуальных и оперативных действий правоохранительных органов различных госу-

¹⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

¹⁷ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

дарств. Однако при производстве следственных действий на территории других государств либо получении информации из других государств должно быть исключено нарушение их суверенитета, о чем велись дискуссии при обсуждении Конвенции. В этой части следует назвать новый состав преступления, введенный Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ¹⁸, которым предусмотрена уголовная ответственность по ст. 294.1 УК РФ за незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий на территории РФ.

Глава 5 (ст. 35–53) содержит нормы об общих принципах международного сотрудничества и защиты персональных данных согласно национальному законодательству. Подробно изложены правила выдачи преступников с их арестом или без такового, а также норма о выдаче осужденных. Тем не менее вызывает сомнение положение, разрешающее выдачу гражданина страны другой стране, хотя и с гарантиями справедливого правосудия и возврата гражданина обратно. В первую очередь оно противоречит ст. 61 Конституции РФ, указывающей, что «гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству». Считаем, что это положение не нуждается в широком толковании о возможностях временной выдачи гражданина России. Излишние условия о выдаче преступника — с гарантиями или без них — в любом случае будут нарушать конституционную норму. Здесь должны включаться иные механизмы следственного и оперативного сотрудничества, например расследование на территории другого государства с применением норм УПК РФ и положений Конвенции либо порядок передачи уголовного производства другой стране, что также предусмотрено Конвенцией.

В Конвенции наиболее полно представлена норма об общих принципах и процедурах взаимной правовой помощи по международному обмену при расследовании преступлений (ст. 40). Предполагается, что государства-участ-

ники оказывают друг другу самую широкую взаимную правовую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве по преступлениям, признанным таковыми в соответствии с Конвенцией, а также сборе доказательств в электронной форме о преступлениях согласно Конвенции и иных серьезных преступлениях.

В Конвенции перечислены процессуальные мероприятия, а фактически следственные действия, которые могут быть проведены при сотрудничестве нескольких государств. В этом перечне получение показаний, проведение обыска, сбор в режиме реального времени данных о трафике, предоставление информации, доказательств и заключений экспертов, представление подлинников или заверенных копий соответствующих документов и материалов, выявление или отслеживание доходов от преступлений, оказание любого иного вида помощи, не противоречащего внутреннему законодательству запрашиваемого государства-участника, а также передача необходимой информации без запросов, но с соблюдением интересов другого государства. Новацией в описываемом перечне процессуальных действий стало положение о временной выдаче лица для целей расследования в другом государстве с учетом типичных правовых гарантий обеспечения его прав и возврата выдавшему государству. Данное правило, как мы указали выше, требует дополнительного обсуждения, даже принимая во внимание предложенные правовые гарантии, ввиду известного конституционного запрета о выдаче своих граждан. И в этом смысле актуальны нормы Конвенции об основаниях и правилах отказа в правовой помощи в случае негативных обстоятельств для запрашиваемой стороны.

Отдельные положения Конвенции ориентированы на сотрудничество между правоохранительными органами, включая каналы Международной организации уголовной полиции, с целью поиска лиц, имущества и доходов от преступлений, проведение совместных расследований по соглашению в отдельных случаях.

¹⁸ Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4636.

Введены механизмы возвращения имущества путем международного сотрудничества в деле конфискации.

Наиболее значимыми являются нормы о создании постоянного режима работы национальных и международных правоохранительных служб по борьбе с киберпреступлениями. В этом направлении для оперативного взаимовыгодного сотрудничества введена статья 41 с характерным наименованием «24/7» о необходимости образования и деятельности круглосуточных контактных центров в странах — участниках Конвенции с соответствующими полномочиями согласно положениям Конвенции.

На наш взгляд, важно создать не только контактные центры в отдельных государствах, но и единый международный центр по борьбе с киберпреступлениями (далее — Центр) по аналогии, например, с Интерполом, но с более эффективными средствами правоохранительной деятельности в киберпространстве. Масштаб и глубина работы такого Центра будут носить глобальный характер в рамках Конвенции и внутреннего процессуального регламента. В функции Центра должны входить оперативный обмен информацией между странами в режиме реального времени, обнаружение денежных потоков между банками и государствами и пресечение незаконной деятельности, блокирование компьютерных и иных связей между пользователями сети Интернет и иными средствами связи, выдача указаний об остановке работы средств связи или ограничении потребления электроэнергии. Центр будет обеспечивать международное сотрудничество и взаимную правовую помощь в целях оперативного обеспечения сохранности хранимых электронных данных, оперативного представления сохраненных данных о трафике, перехвата данных о содержании. Основным преимуществом работы Центра и выполнения перечисленных мероприятий будет его деятельность в режиме реального времени.

Заключительные главы Конвенции носят больше организационный характер. Шестая глава посвящена мерам по предупреждению киберпреступлений. Седьмая устанавливает нормы об осуществлении технической помощи между государствами и наращивании потенциа-

ла, возможности обмена информацией. Восьмая глава решает организационные вопросы исполнения Конвенции, такие как учреждение конференции государств — участников Конвенции и обслуживание Конвенции отдельным секретариатом. В последней, девятой главе говорится об осуществлении и действии Конвенции между государствами; взаимном обмене протоколами; процедурах урегулирования споров, подписания, ратификации, принятия, утверждения и присоединения к Конвенции; вступлении ее в силу и возможных поправках.

Изложенное содержание проекта новой Конвенции по борьбе с киберпреступлениями позволяет говорить, что в ней отражены наиболее острые современные направления борьбы с криминальными явлениями в области ИКТ при эффективном взаимодействии правоохранительных органов государств. В данном случае целесообразно создание единого международного Центра по выявлению, раскрытию, пресечению и расследованию таких преступлений, работающего в режиме 24/7, который стал бы координирующей системой с функциями электронного аккумулирования всей криминальной информации по киберпреступлениям и полицейского расследования.

Возможен ли реальный межгосударственный масштаб такой оперативной и следственной деятельности уголовно-правового направления с учетом современного уровня международных отношений? На первый взгляд, это трудно представить. Несмотря на единое киберпространство при совершении преступлений с использованием ИКТ, мир традиционно разделяется на блоки, союзы, альянсы, что не способствует борьбе с такими преступлениями. Однако проблема борьбы с киберпреступлениями становится острее с каждым днем при условной невидимости этих криминальных деяний и реальном ущербе, ими причиняемом. Изохронные хакерские атаки, дистанционные хищения, измеряемые в миллиардных показателях, активность БПЛА, не говоря уже об общеуголовных преступлениях, — всё это активизируется на фоне совершенствования ИКТ в криминальных целях.

Подлинная борьба с киберпреступлениями в системном режиме еще не развернулась. И при

такой ситуации создание международного Центра борьбы с киберпреступлениями и начало его работы будет новой ступенью эффективного противостояния государства в цифровом пространстве. Иными словами, в силу необходимости борьбы с киберпреступлениями, которые имеют исключительно транснациональный характер, наличие постоянно действующего рабочего органа в этой сфере является обязательным¹⁹. Исходя из норм Конвенции предполагается тесная взаимосвязь такого Центра с международными полицейскими организациями — Интерполом, Европолом, Америкой — на уровне информационного и административно-оперативного взаимодействия. При таком Центре должны работать следственный и оперативный аппарат, экспертные службы, подразделения процессуального и международно-правового контроля²⁰. Думается, что подобному Центру понадобятся космические спутники и спутники стратосферной платформы на региональном уровне с функциями фиксации и пресечения деяний с признаками киберпреступлений, от дистанционных хищений и до

масштабных хакерских атак или воздействий на критическую информационную инфраструктуру.

Завершая наши суждения, отметим, что предлагаемый проект Конвенции по борьбе с киберпреступлениями может стать объединяющим документом для большинства государств, заменить или дополнить европейские, азиатские, африканские и другие соглашения локального характера, которые при современном состоянии ИКТ в целом не справляются с задачами борьбы с преступлениями в данной сфере. И в этом аспекте повторим главную мысль, что борьба с киберпреступлениями, преступлениями в компьютерной области возможна только в режиме реального времени, когда само преступление совершается в секунды и доли секунд. И проект Конвенции предлагает наиболее эффективный на сегодня способ такой борьбы — создание международного Центра борьбы с киберпреступлениями, обеспечение его деятельности совокупностью следственных, оперативных и процессуальных действий с учетом национальных и международных интересов государств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аббуд Р. Р. Международно-правовое регулирование противодействия киберпреступлениям : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2025.
2. Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. — 2007. — № 2. — С. 17–25.
3. Горелик И. Б. Возможные направления развития международно-правовых институтов в области обеспечения глобальной кибербезопасности // Международное право. — 2023. — № 2. — С. 33–44.
4. Горелик И. Б. Формирование международно-правовой системы противодействия киберпреступности: от терминологии до проекта универсальной конвенции // Международное право. — 2022. — № 4. — С. 60–71.
5. Дубко М. А. Международное сотрудничество в сфере уголовно-правовой борьбы с неправомерным завладением компьютерной информацией // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2012. — № 14. — С. 180–183.
6. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 6. — С. 898–913.

¹⁹ См.: Лепешкина О. И. Международное сотрудничество государств СНГ по противодействию киберпреступности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 82–91.

²⁰ См.: Горелик И. Б. Возможные направления развития международно-правовых институтов в области обеспечения глобальной кибербезопасности // Международное право. 2023. № 2. С. 33–44.

7. Лепешкина О. И. Международное сотрудничество государств СНГ по противодействию киберпреступности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2023. — Т. 17. — № 4. — С. 82–91.
8. Литивишко П. А. Первый глобальный договор против киберпреступности: от геополитической конфронтации к профессиональному компромиссу // Международная жизнь. — 2024. — № 11. — С. 1–27.
9. Международное уголовное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов, П. В. Волосяк / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 510 с.
10. Мороз Н. О. Международно-правовые основы обеспечения международной информационной безопасности // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2016. — № 1 (51). — С. 77–81.
11. Чернухин Э. Об истории создания и итогах работы специального комитета по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях // Международная жизнь. — 2025. — № 2. — С. 108–113.
12. Швед Н. А. Сравнительный анализ уголовной ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации в странах ЕС // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2016. — № 5. — С. 222–226.
13. Шестак В. А., Чеботарь А. С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования // Образование и право. — 2023. — № 8. — С. 305–310.

Материал поступил в редакцию 17 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abbud R. R. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodeystviya kiberprestupleniyam: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2025.
2. Volevodz A. G. Konventsiya o kiberprestupnosti: novatsii pravovogo regulirovaniya // Pravovye voprosy svyazi. — 2007. — № 2. — S. 17–25.
3. Gorelik I. B. Vozmozhnye napravleniya razvitiya mezhdunarodno-pravovykh institutov v oblasti obespecheniya globalnoy kiberbezopasnosti // Mezhdunarodnoe pravo. — 2023. — № 2. — S. 33–44.
4. Gorelik I. B. Formirovanie mezhdunarodno-pravovoy sistemy protivodeystviya kiberprestupnosti: ot terminologii do proekta universalnoy konventsii // Mezhdunarodnoe pravo. — 2022. — № 4. — S. 60–71.
5. Dubko M. A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugovovno-pravovoy borby s nepravomernym zavladeniem kompyuternoy informatsiyey // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. — 2012. — № 14. — S. 180–183.
6. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Garmonizatsiya rossiyskogo ugovovnogo zakonodatelstva o protivodeystvii kiberprestupnosti s pravovymi standartami Soveta Evropy // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2020. — T. 14. — № 6. — S. 898–913.
7. Lepeshkina O. I. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo gosudarstv SNG po protivodeystviyu kiberprestupnosti // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. — 2023. — T. 17. — № 4. — S. 82–91.
8. Litivishko P. A. Pervyy globalnyy dogovor protiv kiberprestupnosti: ot geopoliticheskoy konfrontatsii k professionalnomu kompromissu // Mezhdunarodnaya zhizn. — 2024. — № 11. — S. 1–27.
9. Mezhdunarodnoe ugovovnoe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / A. V. Naumov, A. G. Kibalnik, V. N. Orlov, P. V. Volosyuk / pod red. A. V. Naumova, A. G. Kibalnika. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2014. — 510 s.
10. Moroz N. O. Mezhdunarodno-pravovye osnovy obespecheniya mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti // Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo. — 2016. — № 1 (51). — S. 77–81.

11. Chernukhin E. Ob istorii sozdaniya i itogakh raboty spetsialnogo komiteta po razrabotke vseobemlyushchey mezhdunarodnoy konventsii o protivodeystvii ispolzovaniyu IKT v prestupnykh tselyakh // Mezhdunarodnaya zhizn. — 2025. — № 2. — S. 108–113.
12. Shved N. A. Sravnitelnyy analiz ugovnoy otvetstvennosti za nesanktsionirovannyi dostup k kompyuternoy informatsii v stranakh ES // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. — 2016. — № 5. — S. 222–226.
13. Shestak V. A., Chebotar A. S. Budapeshtskaya konventsiya kak osnovopolagayushchiy mekhanizm protivodeystviya kiberprestupnosti: novatsii i perspektivy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Obrazovanie i pravo. — 2023. — № 8. — S. 305–310.

Применение Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 года к арбитражным соглашениям, заключенным с помощью современных средств коммуникации

Аннотация. В сферу применения Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. входит подготовка, хранение и/или передача информации в бездокументарной форме сторонами заключенного или планируемого юридически значимого соглашения, при условии что коммерческие предприятия его сторон находятся в разных государствах. Конвенция применяется в отношении арбитражных соглашений, заключенных по модели обмена юридически значимой информацией, и охватывает такие современные способы заключения и фиксации арбитражных соглашений, как обмен электронными сообщениями, соглашения click-wrap и browse-wrap. Закрепленные в Конвенции критерии эквивалентности позволяют установить соответствие заключенных указанными способами арбитражных соглашений подлинному письменному арбитражному соглашению, подписанному обеими сторонами, и тем самым решить проблему действительности таких соглашений с точки зрения формы.

Ключевые слова: форма арбитражного соглашения; письменная форма; электронное сообщение; сообщение данных; обмен электронными сообщениями; click-wrap-соглашение; browse-wrap-соглашение; функционально-эквивалентный подход; критерий эквивалентности; коммерческие предприятия сторон

Для цитирования: Бочарова А. М. Применение Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 года к арбитражным соглашениям, заключенным с помощью современных средств коммуникации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 135–143. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.135-143

© Бочарова А. М., 2026

* Бочарова Анна Михайловна, аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), старший юрист Московской городской коллегии адвокатов «Горбачев и партнеры»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
annetabo4@mail.ru

Applying the 2005 UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts to Arbitration Agreements Concluded via Modern Communication Tools

Anna M. Bocharova, Postgraduate Student, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Senior Lawyer, Moscow City Bar Association «Gorbachev and Partners», Moscow, Russian Federation
annetabo4@mail.ru

Abstract. The scope of application of the UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts 2005 includes the preparation, storage and/or transmission of information in non-documentary form by the parties to a concluded or planned legally significant agreement, provided that the parties' places of business are in different states. The Convention extends to arbitration agreements concluded through the exchange of legally significant information and covers modern methods of concluding and evidencing such agreements, including the exchange of electronic communications, click-wrap agreements, and browse-wrap agreements. The functional equivalence criteria established by the Convention enable arbitration agreements formed through these methods to be recognized as the equivalent of a traditional written arbitration agreement signed by both parties, thereby resolving the issue of their formal validity.

Keywords: form of arbitration agreement; written form; electronic communication; data message; exchange of electronic communications; click-wrap agreement; browse-wrap agreement; functionally equivalent approach; equivalence criterion; parties' places of business

Cite as: Bocharova AM. Applying the 2005 UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts to Arbitration Agreements Concluded via Modern Communication Tools. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):135-143. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.135-143

Внедрение цифровых технологий в процесс разрешения споров привело к возникновению новых способов заключения и фиксации арбитражных соглашений, предполагающих использование современных средств коммуникации. К таким способам на сегодняшний день можно отнести обмен электронными сообщениями, заключение click-wrap- и browse-wrap-соглашений, а также включение арбитражного соглашения в программный код смарт-контракта¹.

В российской и зарубежной доктрине подчеркивается, что заключенные перечисленными

выше способами арбитражные соглашения существенно отличаются от традиционных письменных арбитражных соглашений, что ставит под вопрос их действительность и последующую исполнимость вынесенных на их основании решений по правилам, предусмотренным Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (г. Нью-Йорк, 1958)² (далее — Конвенция 1958 г.)³.

Предполагается, что проблема действительности арбитражных соглашений, заключенных при помощи современных средств коммуника-

¹ Безбородова С. С. Электронное арбитражное соглашение: проблемы и перспективы применения // Третейский суд. 2022. № 1. С. 117–119.

² URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

³ Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 135–136 ; Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: теоретические вопросы // Третейский суд. 2017. № 3. С. 151 ; Wolff R. E. Arbitration Agreements and E-Awards: Arbitration Agreements Concluded in an Electronic Environment and Digital Arbitral Awards // Arbitration in the Digital Age: The Brave New World of Arbitration / M. Piers, C. Aschauer (eds.). Cambridge University Press,

ции, может быть решена посредством обращения к Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (г. Нью-Йорк, 23 ноября 2005 г.) (далее — Конвенция 2005 г.), которая носит зонтичный характер и может применяться к использованию электронных сообщений в связи с заключением и исполнением предусмотренных Конвенцией 1958 г. арбитражных соглашений⁴.

Тем не менее стороны трансграничных арбитражных соглашений крайне редко указывают на применение Конвенции 2005 г., полагаясь в вопросе формы арбитражного соглашения на применимое национальное право. Причиной служит отсутствие четкого представления о сфере применения Конвенции, а также о возможности посредством ее положений решить проблему соответствия письменной форме арбитражных соглашений, заключенных с использованием современных средств коммуникации.

В основу Конвенции 2005 г. положен функционально-эквивалентный подход, устанавливающий критерии эквивалентности электронного сообщения документу на бумажном носителе. Этот подход строится на анализе функций письменной формы документа и состоит в разработке определенных требований, при соблюдении которых электронное сообщение выполняет главные функции бумажного документа, ради которых и устанавливаются требования к форме.

Так, в силу п. 2 ст. 9 Конвенции 2005 г. требование письменной формы в отношении электронного сообщения считается выполненным, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования.

«Доступность информации для последующего использования» выступает критерием эквивалентности, означающим, что отраженная в

электронном сообщении информация должна поддаваться прочтению и толкованию. При этом в Пояснительной записке ЮНСИТРАЛ к данной Конвенции подчеркивается, что прочтение и толкование информации осуществляется как человеком, так и компьютером, в связи с чем о доступности информации для последующего использования может свидетельствовать наличие программного обеспечения, позволяющего такую информацию прочесть.

На первый взгляд приведенный критерий кажется слишком простым для того, чтобы обеспечить функциональное соответствие электронного сообщения требованиям к письменной форме. Однако, согласно Пояснительной записке ЮНСИТРАЛ, требование «письменной формы» в данном положении должно рассматриваться как минимальный стандарт требований к форме, связанный только с составлением документа на бумажном носителе. Этот стандарт не охватывает более строгие требования, предусматривающие подписание документа, а также заверение или представление документа в подлиннике, поскольку такие требования устанавливаются другими пунктами ст. 9 Конвенции 2005 г.⁵

Например, требование о наличии подписи в отношении электронного сообщения считается выполненным, если использован достаточно надежный способ для идентификации и указания намерения направившей сообщение стороны касательно информации, содержащейся в этом сообщении.

При определении степени надежности способа идентификации учитываются цели, для которых электронное сообщение было подготовлено или передано, а также иные обстоятельства, включая любые договоренности сторон и особенности самого способа передачи

2018. Р. 151–181 ; *Muhammad N., Bakhramova M.* The Formation of the E-Arbitration Agreement in the Digital World // *Innovative Technologica: Methodical Research Journal*. 2022. № 3. Р. 2–3. URL: <https://doi.org/10.47134/INNOVATIVE.V3I9.81> (дата обращения: 22.07.2025).

⁴ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ к Конвенции Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах. Постатейные замечания // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/06-57454_ebook.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

⁵ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 55). С. 28.

сообщения. Примерный перечень подлежащих анализу обстоятельств приводится в Пояснительной записке ЮНСИТРАЛ и включает такие факторы, как сложность используемого сторонами оборудования, характер их коммерческой деятельности, функция требований о подписи в законодательстве конкретного государства, важность содержащейся в сообщении информации, наличие альтернативных способов идентификации, затраты на их использование и т.д.

Таким образом, в случае с подписью критерием эквивалентности выступает возможность идентифицировать отправителя сообщения и установить его намерение в отношении содержащейся в сообщении информации. Данный критерий представляется вполне разумным и соответствующим основной цели проставления собственноручной подписи стороны. Вместе с тем порядок определения степени надежности способа идентификации требует анализа значительного количества разнообразных обстоятельств, что допускает высокую степень усмотрения суда при разрешении каждого конкретного дела и может негативно сказываться на практическом применении указанного критерия.

Пунктом 4 ст. 9 Конвенции 2005 г. предусмотрено, что требование о представлении и сохранении соглашения в его подлинной форме считается выполненным, если имеются доказательства целостности содержащейся в электронном сообщении информации с момента, когда оно было подготовлено в его окончательной форме, и если эта информация может быть продемонстрирована лицу, которому она должна быть предоставлена.

Конвенцией 2005 г. также устанавливаются критерии оценки целостности информации, заключающиеся в сохранении ее в полном и неизменном виде. При этом сделано исключение для таких дополнений к первоначальному электронному сообщению, как индоссаменты, удостоверения и нотариальные заверения, добавление которых к электронному сообщению не влияет на его целостность. Применение данных критериев позволяет установить соответствие арбитражного соглашения,

заключенного с использованием электронных сообщений, подлинному письменному арбитражному соглашению, подписанному обеими сторонами и отвечающему требованиям ст. II (2) Конвенции 1958 г.

Однако для того чтобы определить, может ли Конвенция 2005 г. применяться к арбитражным соглашениям, заключенным посредством современных средств коммуникации, и служить основой для признания таких соглашений действительными, необходимо также проанализировать сферу ее применения.

В силу п. 1 ст. 1 Конвенции 2005 г. она применяется к использованию электронных сообщений в связи с заключением или исполнением договоров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах.

Несмотря на кажущуюся простоту и ясность этого положения, в доктрине и практике отсутствует четкое представление о сфере применения Конвенции 2005 г. Обусловлено это тем, что правильное толкование п. 1 ст. 1 требует ответа на целый ряд достаточно сложных вопросов о том, что собой представляет электронное сообщение, в каких случаях такое сообщение считается связанным с заключением и исполнением договора, что признается использованием сообщения, что подразумевается под заключением и исполнением договора и т.д.

Согласно ст. 4 Конвенции 2005 г. под сообщением понимается любое заявление, декларация, требование, уведомление или просьба, включая оферту и акцепт оферты, которые сторонам необходимо сделать или которые они решают сделать в связи с заключением или исполнением договора. В данном определении сообщение фактически приравнивается к заявлению, декларации, требованию, уведомлению или просьбе, что, в соответствии с Пояснительной запиской ЮНСИТРАЛ, позволяет продемонстрировать применение Конвенции 2005 г. к самым разнообразным формам обмена информацией между сторонами договора⁶.

Такой подход к определению сообщения позволяет подчеркнуть сферу применения

⁶ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 91). С. 38.

Конвенции 2005 г., но не исключает того, что сообщение является не «формой обмена информацией», а непосредственно информацией, которая может быть выражена в форме заявления, декларации, требования, уведомления или просьбы. Это обстоятельство важно для правильного понимания сущности сообщения и должно учитываться при толковании рассматриваемого определения.

Приведенный в определении перечень форм обмена информацией не является исчерпывающим и может включать в себя любые другие формы (оговорки, претензии, соглашения и т.д.), связанные с заключением и исполнением договора. На обоснованность такого толкования указывает применение положений Конвенции 2005 г. к широкому кругу международных соглашений, регулирующих разные сферы общественных отношений, а также Пояснительная записка ЮНСИТРАЛ, подчеркивающая, что Конвенция применяется к любому обмену электронными сообщениями⁷.

Таким образом, сообщение — это связанная с заключением и исполнением договора информация, которая может быть выражена в форме заявления, декларации, требования, уведомления или просьбы, а также в иных формах, включая оферту и акцепт.

Электронным сообщением, в соответствии с Конвенцией, признается любое сообщение, передаваемое с помощью сообщения данных, под которым понимается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических или аналоговых средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими.

Из указанного определения вытекает, что отличительная черта электронного сообще-

ния — способ его передачи, именуемый в Конвенции сообщением данных. Такой подход к определению электронного сообщения представляется вполне обоснованным, но вступает в некоторое противоречие с дефиницией сообщения данных, определяющим словом в которой является «информация». Получается очевидная логическая ошибка: информация (сообщение) передается с помощью информации (сообщения данных).

В Пояснительной записке ЮНСИТРАЛ такое противоречие объясняется попыткой сделать акцент на информации, а не на способе ее передачи, который может существенно видоизменяться с развитием техники⁸. Тем не менее такое решение трудно признать верным. Сообщение данных не может фактически приравниваться к сообщению и должно рассматриваться в качестве способа передачи электронного сообщения, обладающего определенными характеристиками, не зависящими от уровня развития техники⁹.

Рассматривая конкретные способы передачи электронных сообщений, необходимо обратить внимание на то, что в определении сообщения данных представлен их открытый перечень, ориентированный на применение положений Конвенции 2005 г. в отношении неизвестных на сегодняшний день, но функционально эквивалентных технологических решений¹⁰. При этом, кроме электронного обмена данных и электронной почты, в перечень включены способы передачи информации, явно не предназначенные для передачи электронных сообщений (например, телеграф).

В Пояснительной записке ЮНСИТРАЛ в связи с этим подчеркивается, что не имеет значения, передаются ли сообщения электронным или каким-либо иным способом без применения телекоммуникационных технологий¹¹. Сооб-

⁷ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 55). С. 28.

⁸ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 95). С. 38–39.

⁹ Козинец Н. В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2017. 110–111. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009535812> (дата обращения: 29.07.2025).

¹⁰ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 93). С. 38.

¹¹ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 95). С. 38–39.

щение данных, с точки зрения разработчиков Конвенции 2005 г., охватывает любые используемые при передаче электронных сообщений технологии, даже если некоторые из них нельзя назвать электронными. При этом основной отличительной чертой сообщения данных является возможность передавать сообщения в безбумажной форме¹².

Значит, в сферу применения Конвенции 2005 г. входит использование не только непосредственно электронных сообщений, но и любых других сообщений, передаваемых в бездокументарной форме.

Из приведенного ранее определения сообщения данных следует, что использование сообщений включает в себя их подготовку, отправку, получение или хранение. При этом встает вопрос, необходима ли для применения Конвенции 2005 г. именно передача (то есть отправка и получение) сообщения или достаточно только его создания и хранения. Согласно Пояснительной записке ЮНСИТРАЛ Конвенция охватывает подготовленные компьютером записи, не предназначенные для передачи. В этом смысле понятие сообщения включает понятие записи, которая может быть отозвана или изменена посредством другого сообщения¹³. По этой же логике в сферу регулирования Конвенции 2005 г. попадает предложение делать оферты (ст. 11 Конвенции 2005 г.), которое фактически представляет собой запись, хранимую в информационной сети и никому не передаваемую.

Правильность такого толкования подтверждается и тем, как сформулировано определение «составитель электронного сообщения». Под таковым понимается сторона, которая или от имени которой электронное сообщение было отправлено или подготовлено до хранения. Использование союза «или» между словами «отправлено» и «подготовлено до хранения» указывает на альтернативность этих действий и применение Конвенции 2005 г. к хранению

сообщений без последующей отправки. Приведенное определение свидетельствует о том, что Конвенция допускает обращение составителя сообщения к услугам посредника для подготовки и отправки сообщения, хотя отношения между составителем и посредником Конвенцией не регулируются.

Таким образом, под использованием электронного сообщения понимается его подготовка, за которой следует либо хранение, либо передача сообщения (отправление и получение), осуществляемые как непосредственно составителем сообщения, так и через посредника. При этом создание и хранение сообщения не обязательно влечет за собой его передачу.

Важно обратить внимание на то, что Конвенция подразумевает под заключением и исполнением договора. В Пояснительной записке ЮНСИТРАЛ указывается, что Конвенция применяется к любому обмену электронными сообщениями в связи с заключением или исполнением договоров, но не ограничивается этим. В сферу применения Конвенции 2005 г. входит использование электронных сообщений для осуществления возникающих из договора прав и исполнения различных обязанностей (например, направления уведомлений о получении товара), а также для разрешения споров, возникающих из договора (например, при заключении арбитражных соглашений)¹⁴.

Кроме того, Конвенция 2005 г. распространяется на сообщения, переданные до момента заключения договора и даже до момента начала переговоров¹⁵. Подтверждением этому служит статья 11, посвященная явно предшествующему каким-либо переговорам приглашению представлять оферты, осуществляемому посредством размещения в информационной системе одного или нескольких электронных сообщений, адресованных неопределенному кругу лиц.

Формулировка ст. 11 совпадает с описанием соглашений *click-wrap* и *browse-wrap*, из чего явствует, что эти формы заключения и фиксации

¹² Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 93). С. 38.

¹³ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 96). С. 39.

¹⁴ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 55). С. 28–29.

¹⁵ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 55). С. 28–29.

арбитражных соглашений попадают в сферу регулирования Конвенции 2005 г. При этом вопрос о том, являются ли сделанные в рамках данных способов заключения арбитражных соглашений предложения именно офертой, решается в каждом случае отдельно в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела.

Исходя из вышеизложенного Конвенция 2005 г. применяется к взаимоотношениям между сторонами заключенного или планируемого договора, касающимся преддоговорного процесса, переговоров, непосредственно заключения договора, его исполнения, прекращения, а также разрешения споров, возникающих из договора.

В связи с этим возникает вопрос о том, что в соответствии с Конвенцией признается договором. Из Пояснительной записки ЮНСИТРАЛ следует, что договор нужно толковать широко и относить к нему любые, прямо или косвенно не исключенные из сферы регулирования Конвенции 2005 г. формы юридически обязывающего соглашения, независимо от их характера и квалификации в соответствии с национальным правом¹⁶. Не имеет значения, именуются ли такие соглашения договором¹⁷, а также заключаются ли они при непосредственном участии человека или с использованием автоматизированных систем сообщений. Тем не менее необходимо учитывать, что сфера применения Конвенции 2005 г. не безгранична. Ее действие не распространяется на договоры, заключаемые в личных, семейных или домашних целях, сделки на регулируемом фондовом рынке, сделки с ино-

странный валютой, межбанковские платежные системы, межбанковские платежные соглашения, расчетно-клиринговые системы для ценных бумаг или других финансовых активов и инструментов, а также другие соглашения, указанные в ст. 2.

В свете сказанного договором признаются любые формы юридически обязывающего соглашения, заключенного как непосредственно самими сторонами, так и при помощи автоматизированных систем, кроме тех соглашений, которые прямо или косвенно исключены из сферы применения Конвенции 2005 г.

Еще одним важным условием применения Конвенции 2005 г. является нахождение коммерческих предприятий сторон договора в разных государствах. Это условие встречается во многих международных соглашениях¹⁸ и указывает на трансграничный характер регулируемых ими правоотношений, однако именно в Конвенции 2005 г. впервые дано определение коммерческому предприятию стороны¹⁹. Согласно пункту «h» ст. 4 коммерческим предприятием стороны следует считать любое место, в котором сторона сохраняет не носящее временного характера предприятие для осуществления иной экономической деятельности, чем временное предоставление товаров или услуг из конкретного места. Порядок определения местонахождения коммерческих предприятий сторон установлен в ст. 6, которая не предусматривает обязанности сторон раскрывать местонахождение своих коммерческих предприятий, но вместе с тем устанавливает правила, позволяющие

¹⁶ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 59). С. 29.

¹⁷ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 57). С. 29.

¹⁸ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2648/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 11.09.2025); Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров (заключена в г. Нью-Йорке 14 июня 1974 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902904?section=status> (дата обращения: 11.09.2025); Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

¹⁹ См.: Терентьева Л. В. Использование электронных сообщений в международных договорах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2. С. 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-elektronnyh-soobscheniy-v-mezhdunarodnyh-dogovorah> (дата обращения: 14.09.2025).

определить местонахождение коммерческого предприятия стороны²⁰.

Важно обратить внимание на то, что местонахождение коммерческого предприятия стороны не может быть определено лишь на основании местонахождения оборудования и иных технических средств, обеспечивающих функционирование информационной системы, используемой какой-либо из сторон в связи с заключением договора. Само по себе не создает презумпции нахождения коммерческого предприятия стороны в какой-либо стране то обстоятельство, что эта сторона использует доменное имя или адрес электронной почты, связанные с этой страной. Данные факторы могут учитываться при определении местонахождения коммерческих предприятий сторон только совместно с другими обстоятельствами²¹.

Таким образом, Конвенция 2005 г. может быть применена, только если не носящие временного характера коммерческие предприятия сторон юридически обязывающего соглашения находятся в разных государствах.

Проведенный анализ Конвенции 2005 г. позволяет сделать вывод, что в сферу ее применения входят подготовка, хранение и/или передача электронных сообщений сторонами заключенного или планируемого юридически обязывающего соглашения, в том числе арбитражного соглашения, осуществляемые в рамках преддоговорного процесса, переговоров, заключения соглашения, его исполнения, прекращения, а также разрешения возникающих из соглашения споров, при условии что коммерческие предприятия сторон соглашения находятся в разных

государствах. Электронным сообщением признается закрепленная в бездокументарной форме информация, выраженная в виде любых заявлений, деклараций, требований, уведомлений или просьб (включая оферту и акцепт), подготовка, хранение и передача которой осуществляется любыми способами, в том числе не связанными с применением современных телекоммуникационных технологий (например, телеграф).

Соответственно, положения Конвенции 2005 г. могут быть применены к арбитражным соглашениям, заключаемым по модели обмена юридически значимой информацией в бездокументарной форме, охватывающей такие современные способы заключения и фиксации арбитражных соглашений, как обмен электронными сообщениями, в том числе автоматизированный, click-wrap- и browse-wrap-соглашения. Закрепленные в Конвенции 2005 г. критерии эквивалентности позволяют установить соответствие заключенных указанными способами арбитражных соглашений подлинному письменному соглашению, подписанному обеими сторонами и отвечающему требованиям ст. II (2) Конвенции 1958 г.

Необходимо учитывать, что заключение арбитражного соглашения путем включения его условий в программный код смарт-контракта не предполагает обмена сообщениями и напоминает скорее включение арбитражной оговорки в текст договора. Такой способ заключения и фиксации арбитражного соглашения не попадает в сферу применения Конвенции 2005 г. и требует иного решения проблемы действительности арбитражного соглашения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безбородова С. С. Электронное арбитражное соглашение: проблемы и перспективы применения // Третейский суд. — 2022. — № 1. — С. 116–119.
2. Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2017. — № 24. — С. 133–147.

²⁰ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 8). С. 14–15.

²¹ Пояснительная записка Секретариата ЮНСИТРАЛ... (п. 120). С. 44.

3. Козинец Н. В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2017. — 209 с.
4. Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: теоретические вопросы // Третейский суд. — 2017. — № 3. — С. 148–162.
5. Терентьева Л. В. Использование электронных сообщений в международных договорах // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2011. — № 2. — С. 77–87.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bezborodova S. S. Elektronnoe arbitrazhnoe soglasenie: problemy i perspektivy primeneniya // Treteyskiy sud. — 2022. — № 1. — С. 116–119.
2. Galkovskaya N. G., Vutyn V. E. Onlayn-arbitrazh kak sredstvo razresheniya transgranichnykh ekonomicheskikh sporov. Problemy prinuditelnogo ispolneniya onlayn-arbitrazhnykh resheniy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2017. — № 24. — С. 133–147.
3. Kozinets N. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya transgranichnoy elektronnoy trgovli: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — М., 2017. — 209 s.
4. Kurochkin S. A. Onlayn-arbitrazh: teoreticheskie voprosy // Treteyskiy sud. — 2017. — № 3. — С. 148–162.
5. Terenteva L. V. Ispolzovanie elektronnykh soobshcheniy v mezhdunarodnykh dogovorakh // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2011. — № 2. — С. 77–87.

Конституционный протекционизм и адаптивный конституционализм в условиях цифровизации: диалектика взаимодействия, противоречия и перспективы развития

Аннотация. Цифровая трансформация ставит под вопрос традиционные основы национального конституционализма, порождая диалектическое напряжение между адаптивностью и протекционизмом. Статья анализирует их взаимодействие как двух комплементарных стратегий обеспечения устойчивости правовой системы: первая работает через гибкую интерпретацию норм и институциональную адаптацию к цифровым вызовам, вторая — через защиту ядра конституционной идентичности от нормативной диффузии. На основе сравнительного анализа практики Германии, Франции, Италии, США, России и Китая выявляется ключевой механизм синтеза этих подходов — конституционная фильтрация, то есть селективная, рефлексивная инкорпорация внешних норм (включая нормы «мягкого» права и решения наднациональных судов) через призму национальных конституционных ценностей, процедурной легитимности и принципа пропорциональности. Эффективность современных правовых систем определяется способностью к критическому отбору: немецкий *Identitätskontrolle*, французский контроль за законом *Avia*, российская локализация данных и американский прагматизм в регулировании платформ реализуют этот механизм по-разному, но с единым результатом — сохранением суверенитета без изоляции. Выделены риски правового релятивизма при использовании термина «цифровой суверенитет» без судебного контроля и пропорциональности. Предложена модель рефлексивного правового иммунитета, где конституционная фильтрация становится не просто техникой, а формой устойчивого развития конституционного права в эпоху алгоритмической власти. Обоснована необходимость междисциплинарного подхода к цифровому конституционализму, алгоритмической справедливости и платформенному суверенитету.

Ключевые слова: конституционализм; конституционный протекционизм; адаптивный конституционализм; конституционная фильтрация; цифровая трансформация; правовой суверенитет; конституционная идентичность; сравнительно-правовой анализ; цифровой конституционализм; конституционное право

Для цитирования: Поярков С. Ю. Конституционный протекционизм и адаптивный конституционализм в условиях цифровизации: диалектика взаимодействия, противоречия и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 144–160. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.144-160

© Поярков С. Ю., 2026

* Поярков Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений
раб. пос. Менделеево, промзона «ВНИИФТРИ», г. Солнечногорск, Московская обл., Российская Федерация, 141570
psu70@bk.ru

Constitutional Protectionism and Adaptive Constitutionalism in the Age of Digitalization: Dialectics of Interaction, Contradictions, and Development Prospects

Sergey Yu. Poyarkov, Cand. Sci. (Pedagogics), Scientific Secretary, All-Russian Research Institute of Physical, Technical and Radiotechnical Measurements, Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation
psu70@bk.ru

Abstract. Digital transformation challenges the traditional foundations of national constitutionalism, creating a dialectical tension between adaptability and protectionism. The paper analyzes their interaction as two complementary strategies for ensuring the sustainability of the legal system: the first operates through a flexible interpretation of norms and institutional adaptation to digital challenges, the second — through the protection of the core of constitutional identity from normative diffusion. Through a comparative analysis of the legal practices of Germany, France, Italy, the United States, Russia, and China, the author identifies constitutional filtration as the key mechanism for synthesizing constitutional protectionism and adaptive constitutionalism. This mechanism consists of the selective and reflexive incorporation of external norms, including soft law norms and decisions of supranational courts, filtered through national constitutional values, procedural legitimacy, and the principle of proportionality. The effectiveness of modern legal systems hinges on their ability to engage in critical selection. German Identitätskontrolle (identity control), French constitutional review of the Avia law, Russian data localization requirements, and American regulatory pragmatism toward digital platforms each implement this mechanism through distinct approaches, yet they converge on a single outcome — the preservation of sovereignty without resorting to isolationism. The risks of legal relativism when using the terms «digital sovereignty» without judicial review and proportionality are highlighted. A model of reflexive legal immunity is proposed, where constitutional filtering becomes not just a technique, but a form of sustainable development of constitutional law in the era of algorithmic power. The results of the study substantiate the need for an interdisciplinary approach to digital constitutionalism, algorithmic justice, and platform sovereignty.

Keywords: constitutionalism; constitutional protectionism; adaptive constitutionalism; constitutional filtering; digital transformation; legal sovereignty; constitutional identity; comparative legal analysis; digital constitutionalism; constitutional law

Cite as: Poyarkov SYu. Constitutional Protectionism and Adaptive Constitutionalism in the Age of Digitalization: Dialectics of Interaction, Contradictions, and Development Prospects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):144-160. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.144-160

Введение

Цифровая трансформация XXI в. ставит под вопрос саму основу конституционализма: способность национальных правовых систем сохранять идентичность, адаптируясь к глобальным технологическим вызовам. Перед лицом роста влияния транснациональных платформ, алгоритмического управления и децентрализованных цифровых инфраструктур государства сталкиваются с фундаментальной дилеммой — как совместить открытость к инновациям с защитой конституционного суверенитета? В условиях перехода к цифровой экономике, платфор-

менному управлению и усилению зависимости от внешних цифровых экосистем остро встает вопрос о границах допустимой адаптации и механизмах сохранения конституционной самобытности.

В этом контексте особую значимость приобретают две стратегии правового реагирования — адаптивный конституционализм и конституционный протекционизм. Первая предполагает гибкость, динамичную интерпретацию норм и готовность к институциональным инновациям; вторая — стремление защитить ядро конституционного строя, его ценностные и институциональные основания. На первый

взгляд, эти подходы противоположны, однако современная практика показывает, что они всё чаще реализуются не в оппозиции, а в синтезе, формируя новую модель устойчивого конституционализма.

Объектом исследования выступает процесс трансформации современного конституционализма как нормативно-ценностной модели, определяющей отношения между властью и личностью в цифровую эпоху, предметом — правовые механизмы адаптации и защиты, разрабатываемые национальными системами в ответ на вызовы цифровой трансформации. Эти механизмы проявляются как на уровне конституционных поправок (включение цифровых прав, положений об информационной автономии), так и в судебной практике, где высшие суды становятся арбитрами между глобальными трендами и национальной правовой автономией.

Цель работы — выявить характер взаимодействия адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма, раскрыть их диалектическую взаимосвязь и предложить концептуальную модель, объединяющую эти стратегии. Для достижения цели применяется комплекс методов: сравнительно-правовой анализ, диалектический подход, институциональный и междисциплинарный анализ. Исследование направлено на разработку целостной концепции правовой адаптации, в которой суверенитет не отрицается, а переосмысливается в условиях цифровой реальности.

Теоретические основания исследования: трансформация парадигмы конституционализма

Современный конституционализм переживает фундаментальную трансформацию, вызванную

глобализацией, технологическим прогрессом и усилением многоуровневого правового взаимодействия. Этот процесс затрагивает не только нормативные структуры, но и саму теоретическую основу конституционного права, свидетельствуя о переходе от статичной формально-догматической модели к более динамичной и контекстуально чувствительной архитектуре. Если классический конституционализм XVIII–XIX вв., сформированный в русле буржуазных революций, опирался на идеи жесткости конституционного текста, верховенства права, разделения властей и институциональной устойчивости — как это обосновывали Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескьё и А. Гамильтон, — то современная реальность требует переосмысления этих принципов в свете высокой изменчивости социальных, политических и технологических условий.

Уже во второй половине XX в. в англо-американской и континентальной правовой мысли намечился сдвиг от представления о конституции как о застывшем документе к ее пониманию как живого, развивающегося правового института. К. Лёвенштейн, проводя различие между «нормативными» и «номинальными» конституциями, подчеркнул необходимость анализа не только формальных положений, но и их реального воплощения в практике государственного управления¹. Этот подход заложил основы для признания того, что легитимность конституции зависит не столько от ее писаного текста, сколько от способности обеспечивать устойчивое функционирование системы власти и защиту прав личности в меняющихся условиях.

Концептуальные предпосылки адаптивного конституционализма были последовательно разработаны в трудах таких исследователей, как М. Тушнет², Р. Диксон³, Р. Хиршль⁴ и др. Особую

¹ Loewenstein K. Verfassungsrecht und Verfassungsrealität: Beiträge zur Ontologie der Verfassungen // Archiv des öffentlichen Rechts (AoR). 1951/1952. Bd. 77. H. 4. S. 387–435.

² Tushnet M. Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law. Princeton : Princeton University Press, 2008.

³ Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 419–445.

⁴ Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge : Harvard University Press, 2004.

роль сыграл анализ М. Тушнета, который противопоставил традиционной «жесткой» модели конституционализма концепцию «мягкой формы» (*weak-form constitutionalism*), где судебная власть, хотя и не обладает абсолютным приоритетом в толковании конституции, становится центральным элементом диалога между ветвями власти, обществом и другими правовыми субъектами. Такое понимание адаптивности предполагает наличие в правовой системе механизмов, позволяющих не только встраивать новые явления в существующую нормативную матрицу, но и пересматривать базовые концепты, например соотношение публичного и частного, пределы действия государства, формы проявления суверенитета. Именно в этом контексте адаптивный конституционализм становится выражением новой нормативной логики: он не разрушает традиционный правопорядок, а переосмысляет его внутреннюю архитектуру в ответ на изменившиеся условия⁵, прежде всего — на цифровизацию и транснационализацию правовых потоков.

Однако адаптивность не может существовать автономно. Ее реализация требует наличия нормативной ключевой точки — системы координат, определяющей допустимые пределы изменений. Именно здесь актуализируется стратегия конституционного протекционизма, которая в современной доктрине всё менее ассоциируется с изоляционизмом и юридическим национализмом, а интерпретируется как выражение

права государства на правовую идентичность. Протекционизм в этом смысле выступает как механизм защиты «конституционного ядра» — совокупности фундаментальных ценностей, институциональных особенностей и культурных основ, на которых зиждется национальный правовой порядок.

Ведущее место в развитии этой концепции принадлежит А. фон Богданди, который указывает, что в многоуровневом правовом пространстве национальные органы должны сохранять право на защиту суверенных элементов своей конституционной структуры, даже в рамках международной интеграции⁶. Аналогичную позицию занимает М. Розенфельд, рассматривающий конституционную идентичность как необходимое условие устойчивости правовой системы на фоне глобальной цифровизации, когда международные стандарты зачастую внедряются без достаточной демократической легитимации⁷.

Российская правовая традиция также демонстрирует стремление к институционализации протекционистских механизмов в рамках адаптивного подхода. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П⁸, подтвердившее приоритет Конституции РФ над решениями международных судов в случае конфликта с ее основами, стало важным шагом в закреплении принципа правового суверенитета. Это решение показывает, что защита конституционного ядра не исключает открытости

⁵ Поярков С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67–85.

⁶ Bogdandy A. von, Schill S. Overcoming absolute primacy: Respect for national identity under the Lisbon Treaty // Common Market Law Review. 2011. Vol. 48. No. 5. P. 1417–1454.

⁷ Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject. Abingdon : Routledge, 2010.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

внешним влияниям, но требует их селективного восприятия и соответствия внутренним ценностным установкам⁹.

Таким образом, адаптивный конституционализм и конституционный протекционизм не являются альтернативными моделями, а представляют собой взаимодополняющие стратегии, ориентированные на обеспечение устойчивости правовой системы в условиях цифровой трансформации. Современные вызовы — вторжение алгоритмов и платформ в сферу публичной власти, децентрализация источников нормативности, усиление роли транснациональных корпораций — порождают неопределенность в вопросах легитимности и юрисдикции. В этих обстоятельствах адаптивность становится необходимым инструментом интеграции новых реалий в структуру правопорядка, а протекционизм — формой защиты его устойчивости. Методологически это выражается в отказе от бинарного мышления, от противопоставления «гибкости» и «жесткости», «инновации» и «традиции» в пользу системного и диалектического подхода. Такой подход предлагает видеть в цифровой трансформации не разрушение, а возможность переопределения функций и механизмов современного конституционализма. Следовательно, трансформация парадигмы конституционализма требует не отказа от прежнего содержания, а его реконструкции на новых основаниях, что и делает данное исследование значимым в контексте и теории, и практики конституционного права.

Адаптивный конституционализм: сущность, формы и правовые механизмы в цифровую эпоху

Цифровая трансформация, затрагивающая все аспекты общественной жизни, требует от национальных правовых систем не только функционального, но и концептуального переосмысления своей роли. В этой ситуации адаптивный

конституционализм выступает как ключевая модель реагирования — он представляет собой способность конституционного строя сохранять легитимность и устойчивость за счет гибкого восприятия новых технологических, социальных и институциональных вызовов. Основой этого подхода становится отказ от представления о конституции как о статичном и изолированном корпусе норм. Вместо этого утверждается идея «живой» конституции (*living constitution*), которая развивается не только через формальные поправки, но и посредством судебной интерпретации, доктринальной эволюции и функционального переосмысления базовых правовых понятий.

Гибкость в данном контексте не свидетельствует об ослаблении правовой системы, а напротив, раскрывается как признак ее жизнеспособности. Адаптация позволяет конституционному порядку сохранять релевантность, обеспечивая защиту прав личности в условиях, которые не были предусмотрены на момент создания первоначальной правовой конструкции. Механизмы реализации адаптивного подхода разнообразны: они включают как экстраординарные меры, такие как конституционные реформы или временное установление специальных режимов регулирования, так и более латентные формы правового развития, среди которых пересмотр содержания фундаментальных прав, внедрение новых принципов и модификация процедур правоприменения.

Особое значение в этом процессе приобретают конституционные суды, выступающие в качестве институтов юридической инновации. Их решения становятся инструментами конституционализации технологических реалий, ранее не охваченных традиционными правовыми категориями. Ярким примером служит позиция Федерального конституционного суда Германии по делу о праве на неприкосновенность информационных технологий (2008). Суд признал право на защиту ИТ-систем как про-

⁹ Белослудцев О. С. Теоретико-правовая природа концепции конституционной идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3 (142). С. 39–62 ; Виноградова Е. В. Закрепление в конституции в качестве конституционной ценности российской конституционной идентичности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2021. № 3 (29). С. 26–29.

изводное от общего права на личную свободу, тем самым закрепив новое основополагающее право, соответствующее условиям цифровой эпохи¹⁰. Это решение продемонстрировало способность конституционного правосудия не просто реагировать на изменения, но и проактивно формировать правовую архитектуру будущего.

Сходные процессы наблюдаются и в практике Европейского Суда по правам человека. В деле *Bărbulescu v. Romania* (2017)¹¹ ЕСПЧ внес существенные уточнения в толкование ст. 8 Европейской конвенции о правах человека¹² и тем самым определил границы допустимого контроля работодателя за перепиской сотрудника в цифровой среде. Такие прецеденты подтверждают, что адаптация происходит не за счет радикального пересмотра правовых конструкций, а через их динамическое наполнение новым смыслом, адекватным современным реалиям. Возникает эффект нормативной трансплантации: национальные правовые доктрины начинают влиять на международную практику, способствуя формированию глобальных стандартов в сфере цифровых прав.

Однако адаптивность несет в себе и риски. Чрезмерная гибкость может привести к нормативной эклектике — состоянию, при котором правовая система теряет внутреннюю целостность, подменяя системный подход ситуативными решениями. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере регулирования искусственного интеллекта (ИИ), где отсутствие устоявшихся правовых категорий создает предпосылки для импровизированных и конъюнктурных нормотворческих решений. Попытки признать ИИ потенциальным субъектом прав или наделить его повышенной правовой защи-

той противоречат антропоцентрической основе конституционного строя и ставят под вопрос саму природу ответственности и легитимности¹³.

При этом без должной юридической рефлексии адаптивный конституционализм может способствовать:

- эрозии разделения властей, когда исполнительная власть получает расширенные полномочия под предлогом оперативного реагирования на технологические угрозы;

- подрыву правовой определенности, если правовые формулировки становятся слишком широкими или неясными (например, в законах о кибербезопасности);

- фрагментарности законодательства, когда цифровые вопросы регулируются разрозненными актами без единой концепции;

- угрозе антропоцентризму, если технологии начинают рассматриваться как автономные правовые субъекты.

Кроме того, опасность чрезмерной адаптации заключается в возможной деформации основополагающих принципов — таких как разделение властей, правовая определенность и недопустимость дискриминации — через их переопределение под влиянием технологических императивов. Примером может служить расширение оснований для ограничения прав и свобод граждан под предлогом обеспечения кибербезопасности, что в отсутствие эффективных механизмов контроля может привести к эрозии конституционных гарантий. Критики из числа отечественных исследователей указывают, что переход к цифровому управлению без должного нормативного сопровождения нередко сопровождается снижением уровня правовой защищенности личности и формиро-

¹⁰ КС ФРГ поддержал тайну переписки // Право.ru. 2008. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/4292/> (дата обращения: 16.09.2025).

¹¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.09.2017 № 61496/08 *Bărbulescu v. Romania* // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-177082> (дата обращения: 16.09.2025).

¹² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 16.09.2025).

¹³ Регулирование ИИ: главное из лекции главы Конституционного Суда РФ // Право.ru. 2024. URL: <https://pravo.ru/lf/story/253817/> (дата обращения: 16.09.2025).

ванием новых форм зависимости от цифровой инфраструктуры, не урегулированной на конституционном уровне¹⁴.

Таким образом, адаптивный конституционализм в цифровую эпоху представляет собой многомерный процесс, сочетающий институциональные инновации, правовую трансформацию и доктринальную рефлексию. Его успешная реализация возможна лишь при достижении баланса между открытостью к изменениям и сохранением внутренней целостности правовой системы. Только такой сбалансированный подход позволяет избежать как догматического консерватизма, так и хаотичной пластичности, обеспечивая устойчивое развитие конституционного строя в условиях технологической турбулентности.

Конституционный протекционизм как стратегия правового самоопределения в условиях глобального давления

Конституционный протекционизм более не может рассматриваться как временная реакция на кризисы легитимности или маргинальная тенденция в правовом развитии. Он трансформируется в устойчивую доктрину, направленную на защиту суверенной нормативной идентичности государства перед лицом растущего трансграничного давления — как правового, так и технологического. В центре этой стратегии — стремление сохранить внутреннюю согласованность и ценностную целостность национального конституционного порядка в условиях усиления влияния наднациональных институтов, транснациональных цифровых платформ и алгоритмических систем управления. Особое значение протекционистская парадигма приобретает в

эпоху цифровой трансформации, когда нормативная конкуренция между юрисдикциями выходит за рамки традиционного права и затрагивает архитектуру информационного пространства, формируя новое поле конституционного взаимодействия.

Наиболее последовательное институциональное выражение протекционизм получил в практике Федерального конституционного суда Германии. В двух резонансных решениях — по делу о ратификации Лиссабонского договора (Lisbon Urteil, 2009) и по делу о программе выкупа государственных облигаций ЕЦБ (PSPP, 2020) — Суд установил пределы допустимого делегирования суверенных полномочий наднациональному уровню. Через концепцию *ultra vires control* (контроль превышения полномочий) немецкий Конституционный суд провозгласил право национального суда проверять соответствие решений наднациональных органов конституционному мандату¹⁵. Данные прецеденты свидетельствуют не столько о судебном активизме, сколько о формировании устойчивой правовой стратегии защиты «ядра конституционной идентичности» (*Identitätskontrolle*), включающего демократический принцип, федерализм, народный суверенитет и основные права. Эти решения закладывают фундамент для достижения баланса между интеграцией и автономией, подчеркивая, что участие в международных объединениях не аннулирует обязанности государства перед своим народом.

Аналогичная логика проявляется и в других европейских юрисдикциях. Польский Конституционный трибунал в решении от 07.10.2021 по делу К 3/21 прямо утвердил приоритет Конституции Польши над актами Европейского Союза, выходящими за рамки делегированных полно-

¹⁴ Зорькин В. В. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета. 2018. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 16.09.2025) ; Мелешко Е. Д., Слобожанин А. В. Морально-правовые проблемы цифровизации российского общества: аналитический обзор научно-исследовательских центров // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. 2023. № 4 (48). С. 52–58.

¹⁵ *Anagnostaras G. Activating Ultra Vires Review: The German Federal Constitutional Court Decides Weiss* // European Papers, European Journal of Law and Integration. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 801–829.

мочий¹⁶. Несмотря на обвинения в «правовом сепаратизме», данная позиция иллюстрирует общую тенденцию: национальные конституционные органы всё чаще берут на себя роль арбитров, определяющих границы допустимой интеграции и противостоящих потенциальному поглощению суверенитета, в том числе в сфере цифрового регулирования.

Особую значимость современный протекционизм приобретает в цифровой сфере, где основные векторы трансграничного воздействия перемещаются в пространство данных, алгоритмов и платформ. В этих условиях протекционизм всё чаще реализуется через механизмы правового контроля за трансграничными потоками информации. Ряд государств, включая Россию, Китай и Индию, разрабатывают нормативные режимы, ориентированные на защиту «суверенитета данных». Такие режимы предполагают ограничение экспорта персональной информации, обязательную локализацию серверов и подчинение цифровых посредников национальной юрисдикции. В частности, Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁷ можно рассматривать как пример такой правовой артикуляции. Требование обработки персональных данных граждан РФ на территории страны отражает не просто техническую меру, а конституционно значимый принцип — проекцию правового суверенитета на виртуальное пространство. Цифровой протекционизм в этом смысле становится продолжением идеи конституционной самобытности, позволяя государству сохранять контроль над ключевыми элементами своей правовой и инфраструктурной автономии.

Вместе с тем возникает принципиальный вопрос: где грань между законной защитой на-

ционального правопорядка и его изоляцией, ведущей к правовому релятивизму? С одной стороны, утверждение суверенитета необходимо для противодействия нормативной диффузии, при которой универсальные конституционные понятия (например, свобода слова) переосмысливаются частными платформами в интересах их бизнес-моделей. С другой — чрезмерное замыкание может привести к отрыву от глобальных инноваций и снижению качества правовой защиты.

Протекционизм сталкивается с внутренней дилеммой: как сохранить идентичность, не теряя связи с мировым правовым сообществом? Как обеспечить автономию, не превращая ссылки на «конституционную самобытность» в инструмент произвольного отклонения международных стандартов? Решение этой дилеммы требует наличия четких механизмов различения: какие формы внешнего регулирования допустимы, а какие противоречат фундаментальным началам конституционного строя. Здесь ключевую роль играют конституционные суды, выступающие в качестве арбитров между глобальными импульсами и национальными границами допустимого. Их задача — не блокировать интернационализацию права *per se*, а обеспечивать ее легитимность через призму демократической ответственности и социальной интеграции¹⁸.

Так, российская правовая система развивает собственные формы протекционизма. Ярким примером служит статья 79 Конституции РФ¹⁹, запрещающая участие России в международных объединениях и передаче им полномочий, если это влечет ограничение прав человека или противоречит основам конституционного строя. Это положение нормативно закрепляет предел

¹⁶ Orzeczenie K 3/21 z 7 października 2021 r. // Trybunał Konstytucyjny. URL: <https://trybunal.gov.pl/en/hearings/judgments/art/11662-ocena-zgodnosci-z-konstytucja-rp-wybranych-przepisow-traktatu-o-unii-europejskiej> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

¹⁸ Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. М. : Директ-Медиа, 2023. С. 117–139.

¹⁹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 06.10.2022).

суверенных уступок и отражает попытку институционализировать практику защиты конституционного ядра, ранее формируемую как судебной, так и законодательной властью. Таким образом, конституционный протекционизм в цифровую эпоху выходит за рамки юрисдикционной конкуренции и превращается в форму стратегического правового самоопределения. Он требует от правовых систем способности к рефлексии, институциональной зрелости, умения различать конструктивное сотрудничество и навязанное доминирование. Только такая, осознанная стратегия позволяет сочетать открытость к внешним влияниям с сохранением автономии и устойчивости национальной конституционного порядка.

**Диалектика взаимодействия:
адаптивность и протекционизм
как взаимодополняющие стратегии**

Конституционное развитие в условиях цифровой трансформации предъявляет к правовым системам двойной запрос: с одной стороны, нужна способность к гибкой адаптации перед лицом технологических, социальных и транснациональных вызовов; с другой — необходимо сохранение внутренней целостности, нормативной устойчивости и демократической легитимности. В этой напряженной логике проявляется не противостояние, а диалектическое единство двух стратегий — адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма. Их кажущееся противопоставление — открытость против охранительности, инновация против традиции, гибкость против стабильности — маскирует более глубокую взаимозависимость: именно критическая рефлексия протекционизма делает возможной осмысленную адаптацию, а адаптивная чувствительность позволяет избежать догматического замыкания.

Современные правовые системы всё чаще сталкиваются с нормами, формируемыми за пределами их традиционного публично-правового пространства — будь то решения наднациональных органов, стандарты цифровых платформ или алгоритмические протоколы. В связи с этим возникает потребность в механизме, обеспечивающем селективную интеграцию внешних правовых импульсов. Такой механизм можно определить как конституционную фильтрацию — процесс правового отбора, переосмысления и институционального перевода чуждых норм в координаты национальной правовой системы.

Фильтрация не предполагает отказа от глобального регулирования, но требует его просеивания с точки зрения конституционных ценностей, процедурной легитимности и принципа пропорциональности. Она представляет собой не механическую барьерную функцию, а рефлексивную практику, в которой национальная правовая система активно интерпретирует, адаптирует и, при необходимости, отвергает внешние импульсы, сохраняя при этом свою нормативную целостность.

Протекционизм в этой модели перестает быть синонимом изоляционизма. Он выступает как стратегия защиты ядра конституционного строя — совокупности фундаментальных ценностей, институтов и процедур, составляющих основу правовой идентичности. М. Розенфельд, анализируя угрозы глобальному конституционализму, указывает на необходимость наличия у каждой правовой системы «ядерной основы» (*nuclear core*), без которой многообразие превращается в нормативный хаос²⁰. Аналогично А. фон Богданди рассматривает протекционизм как способ сохранения нормативной суверенности на фоне диффузии источников легитимности, особенно актуальной в цифровую эпоху, когда алгоритмы и платформы подрывают традиционные формы государственного контроля²¹.

²⁰ *Rosenfeld M.* The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture, and Community. Oxford : Oxford University Press, 2010.

²¹ *Bogdandy A. von, Wolfrum R., Bernstorff J. von, Dann P., Goldmann M.* The Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law. Heidelberg : Springer Science & Business Media, 2010.

Таким образом, протекционизм становится не препятствием, а условием эффективной адаптации: он обеспечивает критическую селективность, позволяющую отличить конструктивную новацию от подмены конституционных принципов. Однако адаптация сама по себе не является универсальным благом. Без развитого «институционального интеллекта» — способности к юридической рефлексии, системному анализу и нормотворческой чуткости — она может привести не к обновлению, а к нормативной эклектике и размыванию правовых ориентиров. Примером служат поправки и законопроекты, внедряющие широкие формулировки «информационная безопасность» или «правовой суверенитет в цифровой сфере» без четких механизмов судебного контроля, пропорциональности и защиты прав человека.

Такие меры, хотя и направлены на защиту национальных интересов, рискуют подорвать доверие к праву и спровоцировать конфликты с международными обязательствами. Это наблюдается в ряде государств, где стремление к правовому самосохранению реализуется через ограничение трансграничных цифровых потоков без должного баланса с базовыми свободами. Подобные подходы создают напряжение между необходимостью защиты суверенитета и риском перехода к правовому релятивизму — ситуации, когда ссылка на «конституционную идентичность» становится инструментом произвольного игнорирования международных обязательств, не основанной на объективной правовой аргументации.

По своей сути теория конституционной фильтрации позволяет не только обозначить принципы взаимодействия с транснациональной нормативностью, но и очертить архитектуру внутренней нормативной избирательности. Эта архитектура включает: независимую судебную власть, способную осуществлять контроль за соответствием внешних норм конституционному порядку; парламентские процедуры, обеспечивающие прозрачность и демократический контроль за интеграцией международных стандартов; экспертные сообщества, выявляющие потенциальные риски и предлагаемые решения; исполнительную власть, формирующую по-

зиции в международных цифровых переговорах с опорой на национальную конституционную матрицу. При этом стоит указать, что без такой структурной способности к правовому переводу внешних норм возникает опасность нормативной фрагментации и роста легитимационного дефицита.

Таким образом, диалектика адаптации и протекционизма раскрывает не конфронтацию, а сложную правовую симбиозность. Адаптация теряет смысл без границ, превращается в произвольную пластичность, лишенную ориентиров. Протекционизм же, не обладая гибкостью, рискует стать ригидной оборонительной стратегией, неспособной к развитию. Только те правовые системы, которые смогли встроить протекционизм в адаптивную логику — например, через контролируемую рецепцию транснациональных цифровых стандартов в локальные нормативные поля, — достигают устойчивой эволюции, избегая как регресса, так и нормативного распада. В этом контексте современное конституционное право стоит перед задачей формирования рефлексивного правового иммунитета — не изоляционистского, а основанного на способности к критическому восприятию, осмысленной интеграции и постоянному переосмыслению своей роли в мире алгоритмов и платформ. Именно в этом синтезе заключается путь к устойчивому и легитимному развитию конституционной демократии в XXI в.

Сравнительный анализ: международная и национальная практика конституционной фильтрации

Современные правовые системы всё менее могут рассматриваться как изолированные порядки. Под воздействием цифровой трансформации, глобализации права и роста влияния транснациональных цифровых платформ конституционное право сталкивается с вызовами, затрагивающими его основания: монополию государства на правотворчество, приоритет публичных институтов в легитимации норм и целостность национального правового пространства. В этой ситуации сравнительный анализ

становится ключевым инструментом выявления стратегий реагирования, которые национальные юрисдикции выбирают для сохранения своей автономии без отказа от диалога с внешними правовыми импульсами.

На примере Германии, Франции, Италии, США, России и Китая можно проследить различные модели сочетания адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма. Эти страны, несмотря на различия в правовых традициях, демонстрируют общую тенденцию: в условиях технологической и нормативной турбулентности именно внутренняя конституционная устойчивость становится определяющим фактором способности к управляемой интеграции внешних стандартов. В каждом случае конституционная фильтрация выступает как центральный механизм, через который реализуется баланс между адаптацией и протекционизмом.

Федеральный конституционный суд Германии последовательно развивает модель институционального суверенитета, где защита конституционного строя осуществляется через механизм судебного контроля за пределами делегирования полномочий (*ultra vires control*). Это подтверждается анализом решений Конституционного суда Германии, где в делах *Lisbon Urteil* (BVerfGE 123, 267)²² и *PSP* (BVerfG, 2 BvR 859/15, 05.05.2020)²³ была проведена предельно четкая граница между допустимыми и недопустимыми формами наднационального влияния, выраженная в концепции «границ уступок» (*Integrationsverantwortung*). Суд, действуя не как преграда интеграции, а как фильтр допустимого, указывал на приоритет национальной демократической легитимности перед транснациональной рациональной нормативностью. Таким

образом, немецкий подход представляет собой протекционизм, встроенный в адаптивную логику: он не блокирует интеграцию, а регулирует ее условия.

Французская правовая традиция исторически ориентирована на централизованное регулирование и нормативный универсализм. Однако и здесь проявляются признаки усиления механизмов защиты национальной правовой автономии. Конституционный совет во многих решениях, особенно в сфере цифрового регулирования, демонстрирует стремление к сдержанной рецепции международных и наднациональных норм. Ярким примером служит постановление от 18.06.2020 № 2019-790 DC по так называемому закону *Avia*, направленному на борьбу с ненавистническими высказываниями в сети Интернет²⁴. Совет признал ряд его положений неконституционными, поскольку они создавали риск непропорционального ограничения свободы выражения мнений. Это решение показывает, что даже в рамках общеевропейской повестки Франция сохраняет право на критическую переработку норм, если они вступают в противоречие с конституционными гарантиями.

Итальянская правовая система, будучи частью системы ЕС, формально признает приоритет европейского права. Тем не менее ее конституционная доктрина разрабатывает формы «сдержанного протекционизма». Наиболее показательным является решение Конституционного суда Италии № 238/2014²⁵, в котором было отказано в признании обязательности решения Международного Суда ООН по вопросам иммунитета иностранных государств, поскольку это противоречило конституционно закрепленному принципу равенства перед правосудием. Этот прецедент заложил основу для концепции «кон-

²² См.: *Jancic D.* Caveats from Karlsruhe and Berlin: whither Democracy after Lisbon? // *Columbia Journal of European Law*. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 337–385.

²³ Decision of the Second Senate of 5 May 2020-2 BvR 859/15 // *Bundesverfassungsgericht*. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2020/05/rs20200505_2bvr085915en.html (дата обращения: 16.09.2025).

²⁴ Décision n° 2019-790 DC du 18 juin 2020 // *Conseil constitutionnel*. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2019/2019790DC.htm> (дата обращения: 16.09.2025).

²⁵ Judgment No. 238/2014 // *Corte costituzionale*. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/doc/recent_judgments/S238_2013_en.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

ституционного патриотизма», согласно которой универсальные нормы должны быть инкорпорированы в национальный правовой порядок только после их переосмысления в контексте итальянской конституционной идентичности²⁶. Такой подход позволяет сохранять открытость международному праву, не жертвуя внутренней системной целостностью.

Верховный суд США традиционно демонстрирует скептицизм по отношению к прямому применению международного права в интерпретации Конституции. Его позиция построена на исключительной автономии американского конституционализма, где источники легитимности исчерпываются внутренним правовым порядком. Примером служит решение по делу *Carpenter v. United States* (2018)²⁷, в котором Суд постановил, что сбор данных о местоположении пользователя без судебного ордера нарушает Четвертую поправку, защищающую от произвольного вмешательства в частную жизнь. При этом аналогичные практики были распространены в других государствах, но американский Суд отказался следовать международным трендам, поставив во главу угла индивидуальные конституционные гарантии. При этом регулирование цифровых платформ (например, антимонопольные дела против Google) также отражает внутреннюю правовую мобилизацию против транснациональных корпораций, чья власть приближается к публичной. В американском контексте правовой суверенитет в цифровой сфере реализуется не через жесткие запреты, а через правовой прагматизм, сочетающий защиту прав, институциональную автономию и контроль за частной властью.

Российская модель характеризуется наиболее явной артикуляцией принципов правового суверенитета. Поправки 2020 г. к Конституции РФ закрепили приоритет Основного Закона над международными договорами в

случае противоречия (ч. 4 ст. 15), тем самым институционализовав принцип конституционного приоритета. Одновременно были усилены положения, касающиеся личной информации и цифровой безопасности (ст. 29, 71), что позволило расширить предмет конституционного регулирования до сферы правового проектирования цифровой среды. Примерами являются: Федеральный закон № 152-ФЗ (локализация данных); Федеральный закон № 258-ФЗ (регулирование платформенной экономики)²⁸; развитие института цифрового профиля гражданина. Фактически эти меры формируют гибридную модель, сочетающую элементы адаптивности (например, внедрение новых категорий прав) с доминирующим протекционистским ядром. Однако такая модель требует особого внимания к риску правового релятивизма: когда ссылки на «правовой суверенитет в цифровой сфере» используются для оправдания ограничений свобод без достаточной судебной проверки или соответствия международным обязательствам.

Конституционная фильтрация в действии: сравнительный анализ регулирования искусственного интеллекта

Ключевым элементом сравнительного анализа выступает концепт конституционной фильтрации — процесс селективной рецепции международных и неформальных («мягкого» права, *soft law*) норм через призму национальной конституционной матрицы. Этот механизм представляет собой не просто правовую технику, а форму рефлексивного суверенитета, при которой государство сохраняет способность к автономному правовому выбору даже в условиях глобальной нормативной интерзависимости. Конституционная фильтрация проявляется как на уровне законодательства, так и в судебной

²⁶ *Palchetti P.* Judgment 238/2014 of the Italian Constitutional Court // *Questions of International Law*. 2015. Vol. 44. P. 44–47.

²⁷ *Carpenter v. United States*, 585 U.S. (2018) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/585/16-402/> (дата обращения: 16.09.2025).

²⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

практике, становясь важнейшим инструментом балансировки между адаптацией и протекционизмом.

Особую наглядность данный механизм приобретает в сфере регулирования ИИ — одной из наиболее динамичных и сложных областей современного права. Здесь четко прослеживаются две противоположные модели: централизованно-унифицирующая и децентрализованно-адаптивная, — каждая из которых отражает особенности правовой культуры и институциональной структуры соответствующей юрисдикции.

Европейский Союз реализует превентивный, наднациональный подход к регулированию ИИ, закрепленный в предложении Регламента о регулировании искусственного интеллекта (AI Act)²⁹. Названный акт представляет собой классический пример трансформации *soft law* в *hard law*: он основан на этических принципах, сформулированных ранее в документах Комиссии ЕС, таких как *Ethics Guidelines for Trustworthy AI* (2019), но теперь приобретает обязательную силу для всех государств-членов. Такой подход позволяет обеспечить высокий уровень гармонизации, защитить базовые права и создать единое правовое пространство для цифровых технологий.

Однако эта модель предполагает определенное добровольное ограничение национальной автономии. Государства-члены теряют возможность самостоятельно определять границы допустимого регулирования ИИ, поскольку ключевые решения принимаются на уровне Брюсселя. Исходя из этого роль национальных конституционных судов сводится к контролю за соблюдением принципа субсидиарности и соответствием Регламента основным ценностям, закрепленным в национальных конституциях. Например, немецкий Конституционный суд может проверить, не затрагивает ли применение AI Act демократические принципы или федерализм, но не вправе отклонить его полностью,

если он соответствует мандату делегирования полномочий. Таким образом, в рамках ЕС конституционная фильтрация осуществляется до принятия нормы — на этапе ее легитимации в наднациональных институтах, а не после. Это снижает риски правового раскола, но одновременно требует высокой степени доверия к наднациональному правотворчеству.

В Российской Федерации наблюдается иная, децентрализованная модель, при которой международные стандарты и рекомендации по ИИ принимаются выборочно, после правовой экспертизы и переосмысления в контексте национальной безопасности, суверенитета и конституционных ценностей. Пока Россия не имеет единого закона об ИИ, однако уже действуют секторальные нормативные акты. Эти инициативы часто вдохновлены международными документами, включая руководящие принципы ЮНЕСКО, ОЭСР и Совета Европы, но не воспринимаются в качестве директив. Вместо этого они подвергаются институциональному переводу — адаптации к внутренним правовым реалиям, что и составляет суть конституционной фильтрации. Например, принцип прозрачности алгоритмов, провозглашенный в *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence* (2021)³⁰, в российской практике реализуется не через открытость кода, а через административный контроль и регистрацию программ. Это не отменяет сам принцип, но трансформирует его в форму, совместимую с существующей системой исполнительной власти.

В США отсутствует единый федеральный закон об ИИ, что связано с особенностями правовой системы — децентрализованной, ориентированной на прецедент и рыночные механизмы. Здесь функцию фильтрации выполняют судебная практика и корпоративная саморегуляция. Например, в деле *Loomis v. Wisconsin* (2016)³¹ Верховный суд штата Висконсин признал допустимость использования алгорит-

²⁹ The EU Artificial Intelligence Act // URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 16.09.2025).

³⁰ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (дата обращения: 16.09.2025).

³¹ Order List: 582 U.S., Monday, June 26, 2017 // Supreme Court of the United States. URL: https://www.supremecourt.gov/orders/courtorders/062617zor_8759.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

мических систем в уголовном правосудии, но потребовал объяснения их работы и учета рисков дискриминации. При этом крупные технологические компании (Google, Microsoft) разрабатывают собственные этические рамки ИИ, которые, хотя и носят добровольный характер, фактически формируют стандарты поведения. В этом смысле частные платформы становятся агентами конституционной фильтрации, выбирая, какие международные нормы внедрять, а какие игнорировать.

Китайская модель представляет собой крайний вариант протекционизма, где фильтрация осуществляется не столько через правовые процедуры, сколько через технологическое замыкание. Закон об ИИ 2023 г.³² и правила по алгоритмической рекомендации строго регламентируют использование иностранных платформ и требуют локализации данных и кода. Китайская модель — прямой вызов западным представлениям о свободе информации и рыночной конкуренции. Вместо либеральных моделей, где фильтрация происходит через открытые протоколы и законы о защите данных, Китай использует государственный надзор для достижения «социалистических ядерных ценностей». Это создает систему, где технологии неразрывно связаны с идеологией. Устойчивость такой модели в долгосрочной перспективе — предмет дискуссий. С одной стороны, она позволяет быстро масштабировать инновации, как, например, в сфере мобильных платежей или распознавания лиц, и защищать внутренний рынок от иностранной конкуренции. С другой стороны, тотальный контроль может подавить креативность и привести к отставанию в тех областях, где необходимы свободный обмен идеями и международное сотрудничество.

Цифровая эпоха не стирает, а, напротив, акцентирует национальные особенности конституционного развития. Модели Германии, Франции, Италии, США, России и Китая показывают, что успешная правовая эволюция возможна лишь при достижении баланса между

адаптацией и протекционизмом. Абсолютная открытость ведет к эрозии суверенитета, тогда как изоляция — к нормативной маргинализации. Тем самым подтверждается ключевой тезис исследования: эффективность современных правовых систем определяется не столько скоростью принятия новаций, сколько способностью к рефлексивной фильтрации внешних норм. Именно эта способность обеспечивает устойчивое развитие конституционного строя в условиях глобальной цифровой трансформации.

Заключение

Анализ диалектического взаимодействия адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма демонстрирует, что эти стратегии, на первый взгляд противоположные, на деле образуют единое целое. Адаптация, понимаемая как способность правовой системы гибко реагировать на технологические, социальные и транснациональные вызовы, теряет свою конструктивную силу без опоры на устойчивое конституционное ядро — совокупность ценностей, институтов и принципов, защищаемых протекционистской логикой. В то же время протекционизм, направленный на сохранение суверенитета и правовой идентичности, рискует превратиться в догматическую изоляцию, если не будет сопровождаться открытостью к внешним нормативным импульсам и способностью к их критической переработке.

Таким образом, устойчивое развитие конституционного права в XXI в. возможно лишь в точке синтеза этих подходов — через реализацию механизма конституционной фильтрации. Этот механизм предполагает селективное восприятие внешних правовых и технологических воздействий, их институциональное осмысление и переосмысление в координатах национальной правовой культуры. Он обеспечивает не отказ от глобальных процессов, а их легитимную инкорпорацию в рамках внутреннего конституцион-

³² Новые правила в области искусственного интеллекта в Китае (2023) // AI.GOV.RU. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_novye_pravila_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_v_kitae_china_s_new_ai_regulations_latham_watkins/ (дата обращения: 16.09.2025).

ного порядка. Именно в этом смысле конституционная фильтрация становится не просто юридическим инструментом, а формой правового иммунитета современного государства. В эпоху, когда власть всё чаще обретает нематериальную форму, способность к селективному восприятию внешних норм становится ключевым условием сохранения демократической легитимности.

Перспективы дальнейшего развития конституционного права связаны с углублением теоретического осмысления цифровой трансформации как системного вызова. К числу основных направлений относятся: цифровой конституционализм³³ — формирование правовых рамок для ограничения власти цифровых платформ; алгоритмическая справедливость — обеспечение прозрачности, подотчетности и недискриминации в автоматизированных решениях; платформенный суверенитет — разработка механизмов конституционного контроля над нематериальными, но публично значимыми формами власти. Поэтому необходима разработка многоуровневых механизмов правовой интеграции, исключающих правовую ассимиляцию. Речь идет о концепции правовой сопряженности, при которой национальная правовая система не теряет автономности, но способна включаться в транснациональные нормативные процессы через модели «мягкого» права, квазисудебных механизмов и протоколов адаптации.

Это направление уже находит отражение в практике применения *soft law* в таких сферах, как регулирование ИИ, цифровая этика, стандарты прозрачности и недискриминации в алгоритмах. Примеры можно найти в документах Совета Европы (например, рекомендации CM/Rec(2020)1³⁴ по влиянию цифровых технологий

на права человека), которые постепенно получают правовое выражение в национальных законодательствах, включая законы о персональных данных, электронном голосовании, цифровых платформах.

Цифровая трансформация становится не просто техническим трендом, а фундаментальным испытанием для конституционного строя, требующим переосмысления таких категорий, как суверенитет, демократия, разделение властей и права человека. Будущее конституционного права зависит от способности правовых систем сочетать жизнеспособность и целостность, открытость и автономию, инновацию и преемственность. Только такой сбалансированный подход позволяет избежать двух крайностей: нормативного хаоса, порожденного чрезмерной пластичностью права, и правового релятивизма, возникающего при произвольном отклонении международных стандартов под предлогом защиты суверенитета³⁵.

В конечном счете именно качество конституционной фильтрации становится главным критерием жизнеспособности правовой системы в XXI в. Конкуренция юрисдикций в будущем будет определяться не только экономическими показателями, но и эффективностью их правового иммунитета — способности к осмысленной интеграции глобальных инноваций без утраты суверенитета и демократической легитимности. Следовательно, будущее конституционного права лежит в развитии этого рефлексивного подхода. Оно зависит от умения государств не просто реагировать на изменения, а сознательно конструировать свой правовой путь в мире алгоритмов и платформ — прозрачно, легитимно и с уважением к собственной конституционной идентичности.

³³ Celeste E. Digital Constitutionalism: A Socio-Legal Approach // *European Data Protection Law Review*. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 156–173. URL: https://edpl.lexion.eu/data/article/19635/pdf/edpl_2024_02-006.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

³⁴ Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems // Council of Europe. 2020. URL: <https://rm.coe.int/09000016809e1154> (дата обращения: 16.09.2025).

³⁵ Golia A. Jr. The Critique of Digital Constitutionalism // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. 2022. No. 2022-13. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4071358 (дата обращения: 16.09.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белослудцев О. С. Теоретико-правовая природа концепции конституционной идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. — 2021. — № 3 (142). — С. 39–62.
2. Виноградова Е. В. Закрепление в конституции в качестве конституционной ценности российской конституционной идентичности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. — 2021. — № 3 (29). — С. 26–29.
3. Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. — М. : Директ-Медиа, 2023. — 690 с.
4. Мелешко Е. Д., Слобожанин А. В. Морально-правовые проблемы цифровизации российского общества: аналитический обзор научно-исследовательских центров // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. — 2023. — № 4 (48). — С. 52–58.
5. Поярков С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 67–85.
6. Anagnostaras G. Activating Ultra Vires Review: The German Federal Constitutional Court Decides Weiss // European Papers, European Journal of Law and Integration. — 2021. — Vol. 6. — No. 1. — P. 801–829.
7. Bogdandy A. von, Schill S. Overcoming absolute primacy: Respect for national identity under the Lisbon Treaty // Common Market Law Review. — 2011. — Vol. 48. — No. 5. — P. 1417–1454.
8. Bogdandy A. von, Wolfrum R., Bernstorff J. von, Dann P., Goldmann M. The Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law. — Heidelberg : Springer Science & Business Media, 2010. — 1008 p.
9. Celeste E. Digital Constitutionalism: A Socio-Legal Approach // European Data Protection Law Review. — 2024. — Vol. 10. — No. 2. — P. 156–173.
10. Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. — 2023. — Vol. 21. — No. 2. — P. 419–445.
11. Golia A. Jr. The Critique of Digital Constitutionalism // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. — 2022. — No. 2022-13.
12. Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. — Cambridge : Harvard University Press, 2004.
13. Jancic D. Caveats from Karlsruhe and Berlin: whither Democracy after Lisbon? // Columbia Journal of European Law. — 2010. — Vol. 16. — No. 3. — P. 337–385.
14. Loewenstein K. Verfassungsrecht und Verfassungsrealitat: Beitrage zur Ontologie der Verfassungen // Archiv des öffentlichen Rechts (AoR). — 1951/1952. — Bd. 77. — H. 4. — S. 387–435.
15. Palchetti P. Judgment 238/2014 of the Italian Constitutional Court // Questions of International Law. — 2015. — Vol. 44. — P. 44–47.
16. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject. — Abingdon : Routledge, 2010.
17. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture, and Community. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — 326 p.
18. Tushnet M. Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law. — Princeton : Princeton University Press, 2008.

Материал поступил в редакцию 17 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belosludtsev O. S. Teoretiko-pravovaya priroda kontseptsii konstitutsionnoy identichnosti // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. — 2021. — № 3 (142). — S. 39–62.
2. Medushevskiy A. N. Globalnyy konstitutsionalizm: protsessy integratsii i fragmentatsii v sozdanii novogo mirovogo poryadka. — M.: Direkt-Media, 2023. — 690 s.
3. Meleshko E. D., Slobozhanin A. V. Moralno-pravovye problemy tsifrovizatsii rossiyskogo obshchestva: analiticheskiy obzor nauchno-issledovatel'skikh tsentrov // *Gumanitarnye vedomosti TGPU imeni L.N. Tolstogo*. — 2023. — № 4 (48). — S. 52–58.
4. Poyarkov S. Yu. Adaptivnyy konstitutsionalizm: kontseptualnye osnovaniya i institutsionalnye mekhanizmy v usloviyakh politiko-pravovoy turbulentnosti // *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2025. — № 3. — S. 67–85.
5. Vinogradova E. V. Zakreplenie v konstitutsii v kachestve konstitutsionnoy tsennosti rossiyskoy konstitutsionnoy identichnosti // *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2, Yuridicheskie nauki*. — 2021. — № 3 (29). — S. 26–29.
6. Loewenstein K. Verfassungsrecht und Verfassungsrealitat: Beitrage zur Ontologie der Verfassungen // *Archiv des offentlichen Rechts (AoR)*. — 1951/1952. — Bd. 77. — H. 4. — S. 387–435.
7. Anagnostaras G. Activating Ultra Vires Review: The German Federal Constitutional Court Decides Weiss // *European Papers, European Journal of Law and Integration*. — 2021. — Vol. 6. — No. 1. — P. 801–829.
8. Bogdandy A. von, Wolfrum R., Bernstorff J. von, Dann P., Goldmann M. The Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law. — Heidelberg: Springer Science & Business Media, 2010. — 1008 p.
9. Bogdandy A. von, Schill S. Overcoming absolute primacy: Respect for national identity under the Lisbon Treaty // *Common Market Law Review*. — 2011. — Vol. 48. — No. 5. — P. 1417–1454.
10. Celeste E. Digital Constitutionalism: A Socio-Legal Approach // *European Data Protection Law Review*. — 2024. — Vol. 10. — No. 2. — P. 156–173.
11. Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // *International Journal of Constitutional Law*. — 2023. — Vol. 21. — No. 2. — P. 419–445.
12. Golia A. Jr. The Critique of Digital Constitutionalism // *Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper*. — 2022. — No. 2022-13.
13. Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. — Cambridge: Harvard University Press, 2004.
14. Jancic D. Caveats from Karlsruhe and Berlin: whither Democracy after Lisbon? // *Columbia Journal of European Law*. — 2010. — Vol. 16. — No. 3. — P. 337–385.
15. Palchetti P. Judgment 238/2014 of the Italian Constitutional Court // *Questions of International Law*. — 2015. — Vol. 44. — P. 44–47.
16. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject. — Abingdon: Routledge, 2010.
17. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture, and Community. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 326 p.
18. Tushnet M. Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law. — Princeton: Princeton University Press, 2008.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.161-174

В. В. Вечорко*

Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в Российской Федерации, США и ФРГ

Аннотация. Статья посвящена выявлению системных проблем российского регулирования отношений, связанных с получением информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство, и разработке предложений по их решению с использованием опыта Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германия. В работе объяснена позиция о цивилистической природе информированного добровольного согласия как одностороннего личного волеизъявления пациента, имеющего признаки сделки по смыслу ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, но подпадающего под ограничение п. 4 ст. 182 указанного Кодекса в качестве действия, тесно связанного с личностью. Названы системные проблемы российского регулирования: обобщенный характер стандарта обязанности раскрытия информации, закрепленного в ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; отсутствие исчерпывающих требований к содержанию согласия при оказании платных медицинских услуг и услуг, оказываемых сверх клинических рекомендаций; неполнота нормативного регулирования отношений, связанных с личным характером согласия при одновременном отсутствии механизма заранее данных распоряжений на случай возможной неспособности пациента к осуществлению волеизъявления. В качестве решения предложено применение германской модели детализированного стандарта раскрытия информации, включающей конкретный перечень обязательных элементов раскрытия информации и предусматривающей перераспределение бремени доказывания соблюдения этой обязанности в пользу пациента. Обоснована необходимость введения в российское право института распоряжений на случай болезни.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие; медицинское вмешательство; автономия пациента; права пациента; обязанность раскрытия; стандарт раскрытия; платные медицинские услуги; клинические рекомендации; личное волеизъявление; медицинская доверенность; бремя доказывания; заранее данное распоряжение

Для цитирования: Вечорко В. В. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в Российской Федерации, США и ФРГ // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 161–174. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.161-174

© Вечорко В. В., 2026

* Вечорко Валерия Валерьевна, аспирант кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991
vechorkolera@yandex.ru

Informed Voluntary Consent for Medical Intervention in the Russian Federation, the USA and Germany

Valeria V. Vechorko, Postgraduate Student, Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
vechorkolera@yandex.ru

Abstract. The paper aims to identify systemic problems in Russian legal regulation related to obtaining informed voluntary consent of a patient for medical intervention, and developing proposals for their solution using the experience of the United States of America and the Federal Republic of Germany. This study argues that informed voluntary consent is of a civil-law nature, constituting a unilateral personal expression of the patient's will. While it exhibits the characteristics of a transaction as defined in Article 153 of the Civil Code of the Russian Federation, it is subject to the restriction provided for in paragraph 4 of Article 182 of the same Code, which excludes from the scope of agency actions that are closely connected with the person. The study identifies several systemic problems in the Russian regulatory framework: the excessively general character of the information disclosure standard set forth in Article 20 of the Federal Law «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation»; the lack of comprehensive requirements for the content of consent in the context of fee-based medical services and services provided beyond clinical recommendations; and the insufficiency of regulation concerning the strictly personal nature of consent, particularly in legal the absence of a mechanism for advance directives in cases where the patient may subsequently be unable to express his or her will. As a proposed solution, the author advocates for the adoption of the German model of a detailed disclosure standard, which comprises a specific list of mandatory elements to be disclosed and shifts the burden of proof concerning compliance with this obligation to the benefit of the patient. The need to introduce the institution of sick leave orders into Russian law is substantiated.

Keywords: informed voluntary consent; medical intervention; patient autonomy; patient rights; duty of disclosure; standard of disclosure; paid medical services; clinical guidelines; personal will; healthcare proxy; burden of proof; advance directive

Cite as: Vechorko VV. Informed Voluntary Consent for Medical Intervention in the Russian Federation, the USA and Germany. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):161-174. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.161-174

Введение

Информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство является одним из механизмов, предусмотренных законодательством об охране здоровья граждан и обеспечивающих реализацию автономии воли пациента в отношениях с врачом и медицинской организацией. Возникнув в меж-

дународной нормативной базе после Второй мировой войны¹ и развившись в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации², последующих международных актах и национальных законодательствах, механизм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (ИДС) к настоящему времени прошел путь от моральной нормы биомедицинской этики до юридически обяза-

¹ Нюрнбергский кодекс 1947 г. (принят Международным военным трибуналом по результатам Нюрнбергского процесса по делу нацистских врачей) // URL: <http://www.psychopravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm> (дата обращения: 23.04.2026).

² Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей (принята в г. Хельсинки в июне 1964 г. на 18-й Генеральной Ассамблее ВМА) // URL: <http://acto-russia.org> (дата обращения: 23.04.2026).

тельного элемента реализации автономии воли пациента.

В российском праве ИДС нашло закрепление в ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³, в силу которой согласие пациента выступает необходимым предварительным условием медицинского вмешательства. Тем не менее как доктринальный анализ российского регулирования, так и эмпирические исследования социологического и правоприменительного характера показывают, что между формальным закреплением данного механизма и его содержательной реализацией сохраняется существенный разрыв.

Настоящее исследование посвящено выявлению ключевых проблем получения ИДС в соответствии с нормами российского права и разработке предложений по их решению с использованием опыта США и ФРГ. Анализ доктринальных позиций, нормативной базы и правоприменительной практики позволяет выделить три основные проблемы:

- обобщенный характер действующего стандарта раскрытия информации в ИДС, не дающий четкого ориентира относительно содержания этой информации;

- отсутствие требований к расширительному содержанию ИДС при оказании медицинских услуг сверх клинических рекомендаций или на коммерческой основе;

- неполнота регулирования отношений, связанных с природой ИДС, и отсутствие в российском праве механизма заранее данных распоряжений на случай возможной недееспособности пациента.

Цель исследования состоит в выявлении системных проблем российского регулирова-

ния отношений, связанных с получением ИДС, и предложении путей их решения с учетом опыта США и ФРГ.

ИДС в системе российского права:

нормативная основа и правовая природа

Российское регулирование отношений, связанных с получением ИДС, основывается на конституционных положениях о неприкосновенности личности и запрете медицинских опытов без добровольного согласия (ст. 21 Конституции РФ⁴) и развивается в специальном законодательстве, регулирующем отношения в области обеспечения охраны здоровья граждан. Нормы действующего законодательства устанавливают, что необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является предоставление ИДС гражданина или его законного представителя на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанных с ними рисках, возможных вариантах медицинского вмешательства, его последствиях и предполагаемых результатах.

Процедурные аспекты оформления ИДС определены приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.11.2021 № 1051н⁵, утвердившим как сам порядок дачи согласия, так и формы соответствующих документов. Перечень определенных видов медицинских вмешательств, требующих письменного оформления ИДС при выборе врача и медицинской организации для оказания первичной медико-санитарной помощи, утвержден приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от

³ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/constitution> (дата обращения: 23.04.2026).

⁵ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12.11.2021 № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/constitution> (дата обращения: 23.04.2026).

23.04.2012 № 390н⁶. В случае оказания платных медицинских услуг требование о наличии ИДС воспроизводится в п. 36 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736⁷.

Действующее законодательство не содержит прямого указания на правовую природу ИДС, что породило в российской доктрине несколько позиций. Первая исходит из квалификации согласия как односторонней сделки⁸ или абстрактной односторонней сделки⁹.

Альтернативная позиция квалифицирует ИДС как юридический поступок в смысле теории О. А. Красавчикова¹⁰, то есть как правомерное действие, с которым нормы права связывают возникновение юридических последствий независимо от направленности воли субъекта на эти последствия¹¹. Аргументация состоит в том, что пациент при подписании ИДС не всегда осознает связанные с этим юридические последствия (например, заключение договора об оказании медицинских услуг), что не характерно для сделки, требующей направленности волеизъявления на конкретный правовой результат.

Самостоятельную позицию занимает М. В. Ульянова, рассматривающая ИДС в отношении несовершеннолетних как сложный юридический состав, объединяющий волеизъявления нескольких субъектов: пациента и его законного представителя¹².

По результатам анализа сформулированных позиций относительно правовой природы ИДС можно сделать вывод, что этот механизм есть одностороннее личное волеизъявление пациента, имеющее основные признаки сделки по смыслу ст. 153 ГК РФ¹³, поскольку направлено на возникновение, изменение или прекращение правоотношений по оказанию медицинской помощи. Однако, в отличие от типичной сделки имущественного характера, ИДС подпадает под ограничение, установленное пунктом 4 ст. 182 ГК РФ как действие, непосредственно связанное с личностью пациента. Эта квалификация согласуется с системой российского гражданского права, в которой ряд аналогичных по характеру актов также исключен из сферы представительства, например составление завещания или регистрация брака. Указанная правовая природа личного характера ИДС, как будет показано

⁶ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 23.04.2012 № 309н «Об утверждении Перечня определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи» // Российская газета. 2012. № 109.

⁷ Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ и признании утратившим силу постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.

⁸ См., например: *Тихомиров А. В.* Теория медицинской услуги и медицинского деликта : учебно-научное пособие. М. : ЮрИнфоЗдрав, 2012. С. 72 ; *Бояринова В. И.* Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2019. № 4. С. 115–124.

⁹ См.: *Брезгулевская Л. К.* Проблема согласия на совершение сделок в свете реформы гражданского законодательства // Закон. 2014. № 9. С. 156–165.

¹⁰ См.: *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. С. 103.

¹¹ *Назарова Н. А., Калужный Е. А., Шабурова Е. В.* Правовое регулирование отношений по информированному добровольному согласию пациента на медицинское вмешательство // Актуальные проблемы современного права. 2023. № 3 (55). С. 150.

¹² См.: *Ульянова М. В.* Добровольное информированное согласие несовершеннолетнего на медицинское вмешательство // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 65–70.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

далее, тоже нашла подтверждение в правоприменительной практике.

Данное описание цивилистического характера ИДС не исчерпывает его правовой природы. ИДС направлено и на реализацию более широкого личного неимущественного права пациента на автономию в отношении собственного тела и здоровья¹⁴. Обоснование этого права легло в основу современной доктрины биомедицинской этики и было воспринято международными нормативными актами по правам пациентов. В российской доктрине связь ИДС с автономией воли пациента системно обосновывается Е. Г. Гребенщиковой и А. Г. Чучалиным, показывающими, что ИДС служит конкретно-правовым механизмом реализации принципа уважения автономии личности в медицинской сфере¹⁵. Описание цивилистической природы ИДС определяет и пределы его юридического значения для отношений ответственности. В доктрине обосновано подчеркивается, что при определении мер ответственности следует учитывать недопустимость переложения на пациента риска причинения вреда при осуществлении медицинской деятельности. Получение ИДС реализует право пациента на владение информацией, однако не означает, что с этого момента исполнитель не несет ответственности за последствия оказания медицинской услуги. Даже при наличии согласия пациента на применение определенных методов и его осведомленности об их возможных неблагоприятных последствиях вред, причиненный здоровью при использовании таких рискованных методов, подлежит возмещению¹⁶.

ИДС имеет двойственную природу, это одновременно гражданско-правовая односторонняя сделка и инструмент, позволяющий обеспечить реализацию личного неимущественного права — задающий методологическую рамку для

дальнейшего сравнительно-правового анализа. Каждая из трех ключевых проблем российского регулирования, рассматриваемых в настоящем исследовании, имеет как формально-юридический, так и содержательно-правовой аспект, отражая эту двойственность.

Стандарт обязанности раскрытия информации: сравнительно-правовой анализ

Содержание обязанности раскрытия информации в российском праве определено максимально широко. Согласно ч. 1 ст. 20 Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации медицинский работник обязан предоставить пациенту в доступной форме «полную информацию о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи». Эта формулировка не содержит конкретизированного перечня обязательных элементов раскрытия, не устанавливает критериев определения полноты информации и не закрепляет распределения бремени доказывания при споре о соблюдении этой обязанности.

В доктрине отсутствие четких критериев стало источником полемики о референтном стандарте раскрытия. Г. А. Вакулина аргументирует позицию, согласно которой объем раскрываемой информации должен определяться профессиональным усмотрением лечащего врача с опорой на принятые в медицинской практике стандарты¹⁷. Противоположного подхода придерживается А. А. Старченко: на основе экспертизы качества онкологической помощи в системе обязательного медицинского стра-

¹⁴ См.: *Останина Е. А.* Может ли добровольное информированное согласие быть дано через представителя? // *Закон*. 2020. № 7. С. 57–67.

¹⁵ См.: *Гребенщикова Е. Г., Чучалин А. Г.* Уважая автономию пациента: добровольное информированное согласие в современной медицине // *Медицинская этика*. 2021. Т. 9. № 1. С. 12–16.

¹⁶ См.: *Медицинское право России : учебник / Т. В. Клименко, А. А. Мохов, А. В. Пекшев [и др.] ; отв. ред. А. А. Мохов.* М. : Проспект, 2021.

¹⁷ См.: *Вакулина Г. А.* Права пациентов по договору возмездного оказания медицинских услуг // *Медицинское право*. 2021. № 5. С. 24–29.

хования, охватившей 38 субъектов Российской Федерации, автор показывает, что профессиональный стандарт оборачивается на практике подменой содержательного информирования формализованным документом, не отражающим индивидуальных особенностей пациента, варианта вмешательства и его последствий¹⁸. Для обозначения такой практики он использует понятие «суррогат добровольного информированного согласия» — заранее заготовленный типовой бланк, единый для всех пациентов и всех вариантов медицинского вмешательства¹⁹.

Социологические данные 2023 г. подтверждают системность проблемы. По результатам опроса 586 пациентов медицинских организаций Санкт-Петербурга, проведенного Н. Н. Хомутовой и Т. М. Зеленской, 61,6 % респондентов воспринимают ИДС как формальность или отписку, а 81 % хотели бы получать информацию в доступной письменной форме для самостоятельного ознакомления²⁰. Эти показатели свидетельствуют не о случайных нарушениях, а о системном расхождении между нормативной моделью ИДС и сложившейся правоприменительной практикой.

Корнем проблемы выступает именно обобщенный характер ч. 1 ст. 20 Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Не задавая четкого перечня элементов раскрытия, норма допускает редукцию содержательного информирования до формального документооборота. Решение проблемы требует

обращения к опыту зарубежных стран, в которых стандарт обязанности раскрытия получил более определенное нормативное или доктринальное оформление.

В праве США стандарт обязанности раскрытия был выработан судебной практикой и претерпел существенную эволюцию во второй половине XX в. Первоначальный профессиональный стандарт, сформулированный в деле *Natanson v. Kline* (1960)²¹, сводил объем раскрытия к тому, что в медицинском сообществе принято сообщать пациенту в аналогичных обстоятельствах²². Этот подход был изменен в деле *Canterbury v. Spence* (1972)²³. Апелляционный суд округа Колумбия установил, что объем обязанности раскрытия должен определяться не профессиональной практикой врачей, а потребностью разумного пациента в информации, существенной для принятия решения о медицинском вмешательстве. Стандарт получил название материальной (*material*) информации — той, которая способна повлиять на решение разумного пациента согласиться на вмешательство или отказаться от него.

Стандарт *Canterbury* постепенно распространился на нормативные акты штатов. Иллюстрацией этого процесса служит дело *Largey v. Rothman* (1988)²⁴, в котором Верховный суд Нью-Джерси перешел от профессионального стандарта к стандарту «разумного пациента». Современное развитие доктрины характеризу-

¹⁸ Старченко А. А. Массовое нарушение прав пациентов на добровольное информированное согласие и выбор варианта медицинского вмешательства в онкологии // Медицинское право: теория и практика. 2021. Т. 7. № 2 (14). С. 87–88.

¹⁹ Старченко А. А. Указ. соч. С. 88.

²⁰ См.: Хомутова Н. Н., Зеленская Т. М. Информированное добровольное согласие пациента: институализация практик в современной России // *Logos et Praxis*. 2023. Т. 22. № 4. С. 175.

²¹ *Natanson v. Kline*, 186 Kan. 393, 350 p. 2d 1093 (1960) // URL: <https://law.justia.com/cases/kansas/supreme-court/1960/41-476-1.html> (дата обращения: 23.04.2026).

²² См.: Афанасьева Е. Г. Право на информированное добровольное согласие как основа юридического статуса пациента // Современное медицинское право в России и за рубежом. М. : ИНИОН РАН, 2003. С. 142–143.

²³ *Canterbury v. Spence*, 464 F.2d 772 (D. C. Cir. 1972) // Justia US Law. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cadc/22099/22099.html> (дата обращения: 23.04.2026).

²⁴ *Largey v. Rothman*, 110 N.J. 204, 540 A.2d 504 (1988) // Justia US Law. URL: <https://law.justia.com/cases/new-jersey/supreme-court/1988/110-n-j-204-0.html> (дата обращения: 23.04.2026).

ется поиском промежуточных и расширительных решений: одни авторы предлагают переход к субъективному критерию (что было бы существенно для конкретного пациента исходя из его индивидуальных обстоятельств), другие — к расширительному перечню обязательных элементов раскрытия, выходящих за пределы традиционно медицинских рисков и охватывающих экономические, организационные и социальные аспекты вмешательства²⁵. Опыт периода пандемии COVID-19 показал необходимость учета в обязанности раскрытия системных факторов: доступности альтернативных медицинских ресурсов, очередности оказания помощи, рисков заражений²⁶.

Отличие американской модели в способе нормотворчества заключается в том, что стандарт раскрытия не закреплен в законе, а развивается через прецедентное право, что обеспечивает гибкость, но мешает достижению определенности для пациентов и медицинских организаций. Это ограничивает прямую применимость американской модели в континентальных правовых порядках, к которым относится правовой порядок Российской Федерации.

Принципиально иное решение принято в ФРГ. Реформа 2013 г., воплощенная в Законе об улучшении прав пациентов (Gesetz zur Verbesserung der Rechte von Patientinnen und Patienten 20.02.2013), кодифицировала ранееработанную судебной практикой Верховного суда ФРГ (Bundesgerichtshof) доктрину обязанности раскрытия в § 630a–630h Германского гражданского уложения (BGB), создав специальный поименованный тип договора о лечении (Behandlungsvertrag)²⁷.

Первостепенное значение для решения проблемы стандарта раскрытия имеет норма § 630e BGB. Она формирует развернутый перечень обстоятельств, которые медицинская органи-

зация обязана довести до сведения пациента перед получением его согласия. К числу таких обстоятельств относятся характер и объем предлагаемого вмешательства, порядок его проведения, ожидаемые последствия и сопутствующие риски, а также срочность вмешательства, пригодность для конкретной клинической ситуации и прогноз результата применительно к установленному диагнозу или плану лечения. Особенностью этого регулирования выступает обязательность сообщения пациенту об альтернативных методах лечения: если в распоряжении медицины имеется несколько равнозначных и применяемых на практике способов вмешательства, которые могут существенно различаться по тяжести влияния на пациента, степени риска или вероятности благоприятного исхода, лечащий врач не вправе ограничиться раскрытием информации лишь об одном из них. Раскрытие осуществляется в устной форме лицом, обладающим квалификацией, достаточной для проведения соответствующего вмешательства; письменные материалы могут дополнять устное информирование, и их копии передаются пациенту. Дополнительным требованием является временной интервал: информация должна сообщаться заблаговременно, чтобы пациент имел возможность принять обдуманное решение.

Особенность германской модели — распределение бремени доказывания. В отличие от российского права, распределяющего бремя доказывания таким образом, что обязанность доказывания неполноты информирования лежит на пациенте, германское законодательство возлагает данное бремя на медицинскую организацию. Освобождением от ответственности может служить лишь обстоятельство, известное в германской доктрине под понятием гипотетического согласия: медицинская организация вправе доказывать, что пациент дал бы согласие

²⁵ См.: Wilson R. F. The Promise of Informed Consent // The Oxford Handbook of U.S. Healthcare Law / ed. I. G. Cohen et al. Oxford University Press, 2016. P. 213–239.

²⁶ Raper S. E., Clapp J. T., Fleisher L. A. Let's Be Reasonable: Surgical Informed Consent in the COVID-19 Era // Annals of Surgery Open. 2020. Vol. 1. No. 2. e016. URL: https://journals.lww.com/aosopen/fulltext/2020/12000/let_s_be_reasonable__surgical_informed_consent_in.11.aspx (дата обращения: 23.04.2026).

²⁷ Gesetz zur Verbesserung der Rechte von Patientinnen und Patienten vom 20 Februar 2013 // Bundesgesetzblatt. 2013. Teil I. Nr. 9. S. 277.

на вмешательство и при надлежащем раскрытии информации, однако само это обстоятельство также подлежит доказыванию ею.

Сложившаяся в ФРГ судебная практика последовательно поддерживает строгий стандарт соблюдения обязанности раскрытия. Так, в решении BGH от 15.02.2000²⁸ признано, что информация должна предоставляться в разумный срок до вмешательства. В каждом случае суд оценивает достаточность срока с учетом характера и сложности вмешательства.

Германская модель обеспечивает то, чего не хватает российскому регулированию: содержательную определенность обязанности раскрытия при сохранении гибкости в ее применении к конкретным клиническим ситуациям. Императивный перечень элементов и обязательное раскрытие альтернатив создают для медицинской организации четкий ориентир, а для пациента — реальный механизм защиты при споре о соблюдении этой обязанности.

Сопоставление трех моделей позволяет сформулировать следующий вывод: стандарт обязанности раскрытия информации нуждается в пересмотре в направлении детализированного пациент-ориентированного стандарта. Из двух рассмотренных моделей более органичной для российской правовой системы является именно германская, поскольку она основана на нормативном регулировании, характерном для континентальной правовой системы.

В свете изложенного представляется целесообразным рассмотреть возможность пересмотра действующего законодательства через призму германского опыта. Содержательно такая модернизация могла бы предполагать замену обобщенного требования о предоставлении пациенту информации более конкретизированным перечнем обязательных элементов раскрытия, охватывающим характер, объем

и порядок планируемого вмешательства, его ожидаемые последствия и риски, обоснованность и срочность, прогноз результата применительно к диагнозу, а также сведения об альтернативных вариантах лечения. Кроме того, желательным представляется закрепление требования о разумно достаточном временном интервале между предоставлением информации и моментом дачи согласия для принятия пациентом обдуманного решения. Существенным дополнением могло бы стать перераспределение бремени доказывания соблюдения обязанности раскрытия информации для целей получения ИДС.

Это позволит создать реальный механизм защиты пациента в споре о полноте раскрытия и устранил сложившийся в правоприменительной практике дисбаланс, при котором пациент, не имеющий специальных знаний, обязан доказывать неполноту полученной им информации²⁹.

Расширенное содержание ИДС

Содержание обязанности раскрытия информации приобретает особую значимость применительно к двум практическим ситуациям: оказанию медицинских услуг на коммерческой основе и оказанию услуг, выходящих за пределы требований клинических рекомендаций. В этих случаях обязанность медицинской организации информировать пациента не сводится к раскрытию рисков и последствий вмешательства, но охватывает более широкий круг сведений, имеющих существенное значение для разумного выбора пациентом варианта медицинской помощи.

Российское нормативное регулирование, формально требующее наличия ИДС при предоставлении платных медицинских услуг (п. 36 Правил

²⁸ BGH 15.02.2000 VI ZR 48/99.

²⁹ О практике распределения бремени доказывания см.: *Русанов К. И.* Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство: поиск баланса интересов врача и пациента // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 4. С. 99 ; *Горовенко С. В.* Административная ответственность за нарушение требований законодательства о получении информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 45.

предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736), не содержит требований о раскрытии пациенту альтернативных вариантов медицинской помощи, в том числе бесплатных, доступных в рамках программы государственных гарантий. Вместе с тем такое требование объективно вытекает из толкования законодательства о защите прав потребителей. Согласно ч. 1 ст. 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»³⁰ изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставить потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. А. А. Старченко указывает, что содержательное информирование пациента о вариантах медицинского вмешательства, предусмотренных клиническими рекомендациями, является не альтернативой, а необходимым элементом надлежащего ИДС³¹.

Сложившаяся практика расходится с этим доктринальным требованием. Типовая форма ИДС, утвержденная приказом Минздрава России от 12.11.2021 № 1051н, не предусматривает места для указания альтернативных вариантов и сравнения их потенциальных преимуществ. В коммерческой медицине это создает практическую возможность навязывания дорогостоящих услуг пациенту, не осведомленному о доступных бесплатных альтернативах. Эмпирические данные подтверждают системность проблемы: 51,9 % опрошенных пациентов нигде не искали никакой информации об ИДС перед его подписанием³², что лишает их возможности самостоятельно сопоставить предложенные коммерческие услуги с альтернативами в рамках обязательного медицинского страхования.

Опыт ФРГ показывает, что обязанность раскрытия альтернатив может получить непосредственное нормативное закрепление.

В американском праве аналогичное требование развивается через прецедентное право и доктрину. В обязанность раскрытия включены не только медицинские, но и организационно-экономические альтернативы: доступность других медицинских учреждений, очередность оказания помощи, режим финансирования вмешательства³³. Опыт пандемии COVID-19 показал, что расширение объема информации, подлежащей раскрытию, приобретает особое значение в условиях ограниченных медицинских ресурсов и стандартизированных протоколов лечения³⁴.

В ФРГ и США обязанность раскрытия альтернатив рассматривается не как дополнительное, факультативное требование, а как имманентный элемент надлежаще полученного ИДС. Это решение представляется обоснованным и применительно к российской правовой системе, особенно с учетом сложившейся практики оказания платных медицинских услуг.

Изложенное позволяет сформулировать следующий вывод. Российское регулирование отношений, связанных с получением ИДС, нуждается в нормативном закреплении обязанности медицинской организации раскрывать пациенту информацию обо всех существенных альтернативных вариантах медицинской помощи, включая (при оказании платных услуг) доступные бесплатные альтернативы в рамках обязательного медицинского страхования.

В качестве дополнительного предложения представляется целесообразным закрепить требование о письменном информировании пациента о возможности получения соответствующей медицинской помощи на бесплатной основе в рамках обязательного медицинского страхования, если такая возможность объективно существует. Подобное решение позволит устранить сложившийся дисбаланс в отношениях между пациентом и медицинской организацией, оказывающей услуги на платной основе.

³⁰ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

³¹ См.: Старченко А. А. Указ. соч. С. 89–90.

³² Хомутова Н. Н., Зеленская Т. М. Указ. соч. С. 173.

³³ Wilson R. F. Op. cit. P. 220–225.

³⁴ См.: Raper S. E., Clapp J. T., Fleisher L. A. Op. cit.

Личный характер ИДС и проблема передачи такого права третьим лицам

Еще одна проблема получения ИДС связана с вопросом о допустимости передачи этого права другому лицу, в частности по доверенности. Российское законодательство прямо не разрешает и не запрещает такую практику, что создает правовую неопределенность по данному вопросу.

Например, С. П. Степкин отмечает допустимость медицинской доверенности, предлагая наделить представителя по доверенности правом давать ИДС от имени доверителя³⁵.

Иную точку зрения высказала Е. А. Останина. Согласно ее аргументации, ИДС относится к действиям, тесно связанным с личностью гражданина, и подпадает под ограничение п. 4 ст. 182 ГК РФ, исключающее совершение через представителя сделок такого характера. Эта квалификация согласуется с системой российского гражданского права: аналогичные ограничения установлены в отношении завещания (п. 3 ст. 1118 ГК РФ), регистрации брака, признания отцовства. Все эти акты объединяет невозможность переноса волеизъявления на третье лицо, поскольку оно направлено на формирование или прекращение личных правоотношений, в которых юридическое значение имеет именно воля субъекта, а не правовой результат как таковой³⁶. К аналогичному выводу приходит Г. А. Вакулина³⁷.

Второй подход представляется наиболее логичным. ИДС в условиях, когда пациент способен выразить свою волю, является строго личным актом и не может быть совершено через представителя. Это обосновывается не только формальным ограничением п. 4 ст. 182 ГК РФ, но и назначением исследуемого механизма: ИДС служит инструментом реализации автономии

воли пациента, а автономия воли по определению не передается.

Доктринальная позиция о личном характере ИДС нашла подтверждение и в правоприменительной практике — в определении Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31.07.2025³⁸. Спор касался действительности ИДС, данного третьим лицом от имени пациента на основании нотариально удостоверенной доверенности. Юридически значимым обстоятельством стало то, что пациент при жизни выдал такую доверенность, а представитель впоследствии подписал ИДС от его имени в отношении медицинского вмешательства.

Суд признал ИДС, данное через представителя, недействительным, указав на то, что ИДС относится к действиям, которые в силу п. 4 ст. 182 ГК РФ не могут быть совершены через представителя по доверенности, поскольку тесно связаны с личностью лица, дающего согласие. Соответственно, ни нотариальная форма доверенности, ни добросовестность представителя не способны устранить этот порок. Действительным может быть признано лишь ИДС, выраженное самим пациентом непосредственно в установленной форме.

Правовое значение названного судебного акта для настоящего исследования имеет двойственный характер. С одной стороны, он закрепляет в российской правоприменительной практике позицию о личном характере ИДС, согласующуюся с доктринальными выводами, с другой — позволяет обозначить практическую проблему: в условиях отсутствия в российском праве института распоряжений на случай болезни личный характер ИДС создает правовой вакуум применительно к ситуациям, когда паци-

³⁵ См.: *Степкин С. П.* Проблемы применения медицинской доверенности // *Право и экономика*. 2018. № 5 (363). С. 22–25.

³⁶ См.: *Останина Е. А.* Может ли добровольное информированное согласие быть дано через представителя?

³⁷ См.: *Вакулина Г. А.* Указ. соч. С. 29.

³⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31.07.2025 № 8Г-10728/2025 (88-11279/2025) // Официальный сайт Восьмого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34186100&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 23.04.2026).

ент по объективным причинам не может выразить свою волю на медицинское вмешательство.

Германское регулирование предполагает развитую систему решений для ситуаций, когда пациент не способен дать согласие на медицинское вмешательство. Эта система включает три взаимосвязанных инструмента, существенно обновленных реформой *Vormundschafts- und Betreuungsrechtsreformgesetz*, вступившей в силу 1 января 2023 г.³⁹

Первый инструмент — распоряжение пациента на случай неспособности дать согласие (*Patientenverfügung*)⁴⁰. Дееспособный гражданин может заранее в письменной форме выразить свое согласие или отказ от определенных видов медицинского вмешательства на случай, если он впоследствии будет не в состоянии сам принять соответствующее решение. Такое распоряжение обязательно для лечащих врачей при условии его действительности и относимости к конкретной медицинской ситуации.

Второй инструмент — доверенность на случай болезни (*Vorsorgevollmacht*). Это особая разновидность доверенности, в которой пациент назначает доверенное лицо, имеющее право принимать медицинские решения в его интересах в случае последующей утраты способности к самостоятельному волеизъявлению. Ключевое отличие *Vorsorgevollmacht* от обычной доверенности — ее специальное назначение и условный характер: полномочия доверенного лица запускаются только фактом неспособности пациента самостоятельно дать согласие. По данным Федеральной нотариальной палаты ФРГ, в центральный реестр на конец 2021 г. внесено более 5,3 млн таких распоряжений, доступных по запросу не только нотариусам и судам, но и медицинским организациям⁴¹.

Третий инструмент — введенное реформой 2023 г. законное представительство супруга по умолчанию. Если один из супругов вследствие

болезни или бессознательного состояния не способен дать ИДС, другой автоматически получает право принимать медицинские решения от его имени на срок до шести месяцев. Эта норма стала одной из наиболее обсуждаемых в германской доктрине: Федеральная палата адвокатов ФРГ указывала на риск злоупотреблений и поддержала ее принятие лишь с расчетом на параллельное распространение *Patientenverfügung*⁴². Полномочия представителя-супруга не возникают, если супруги проживают раздельно, если пациент ранее оставил иное распоряжение или если потенциальный представитель отказывается принять полномочия.

Параллельно действует институт правовой заботы — судебный механизм назначения помощника гражданину, который не может самостоятельно вести свои дела по причине болезни или инвалидности. Этот институт применяется, когда заранее данные распоряжения отсутствуют или недостаточны.

Сопоставление российского регулирования с опытом ФРГ позволяет сформулировать предложение. Российское законодательство нуждается во введении специального института распоряжений на случай болезни. Этот институт должен обеспечивать сохранение принципа личного характера ИДС в обычных условиях и одновременно предоставлять пациенту возможность заранее, на случай наступления неспособности к волеизъявлению, определить лицо, имеющее право принимать медицинские решения в его интересах.

Принципиально важно подчеркнуть, что введение института распоряжений на случай болезни не противоречит принципу личного характера ИДС. Само распоряжение составляется лично пациентом в момент, когда он способен к полноценному волеизъявлению, и фиксирует его собственную волю на будущее. Доверенное

³⁹ Gesetz zur Reform des Vormundschafts- und Betreuungsrechts // BGBl. 2021. I. S. 882.

⁴⁰ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) in der Fassung der Bekanntmachung vom 02.01.2002 (BGBl. I S. 42, 2909). § 1827.

⁴¹ См.: *Останина Е. А.* Институт патронажа в российском законодательстве и в реформированном немецком законодательстве: сравнительно-правовое исследование // Закон. 2023. № 4. С. 188–203.

⁴² *Останина Е. А.* Указ. соч. С. 196–198.

лицо в случае реализации распоряжения действует не как представитель в обычном смысле, а как лицо, исполняющее ранее выраженную волю пациента.

При разработке такого института должны быть учтены механизмы, существующие в смежных институтах российского права. По аналогии с пунктом 2 ст. 35 ГК РФ, устанавливающим ограничения для назначения опекунов и попечителей, и пунктом 1.1 ст. 127 СК РФ⁴³, ограничивающим круг лиц, которые могут быть усыновителями, в качестве доверенного лица по распоряжению на случай болезни не могут быть назначены лица, в отношении которых до момента возникновения у пациента состояния, требующего реализации распоряжения, установлены факты совершения действий, создающих угрозу причинения вреда жизни и здоровью пациента, в том числе привлечение к административной, уголовной или гражданско-правовой ответственности за такие действия.

Введение такого механизма станет содержательным решением проблемы, выявленной в науке и правоприменительной практике, — сохранения принципа личного характера ИДС в обычных условиях при наличии работающего механизма защиты автономии пациента в ситуации возможной неспособности к волеизъявлению.

Заключение

Из проведенного сравнительно-правового исследования ИДС пациента на медицинское вмешательство вытекает ряд содержательных

выводов, направленных на устранение системных недостатков действующего российского правового регулирования отношений, связанных с получением ИДС.

Детализированный пациент-ориентированный стандарт обязанности раскрытия информации, закрепленный в законодательстве, представляет собой более последовательное решение для континентальной правовой системы. Такой подход подготовит почву для решения проблем отсутствия четкого перечня обязательных элементов раскрытия и редукции содержательного информирования пациента до формального документооборота.

Необходимость информирования пациента об альтернативных вариантах получения медицинской помощи, в том числе бесплатных, позволит решить проблему отсутствия в настоящее время условий полного информирования пациентов о получении медицинской помощи, а также полной реализации автономии воли.

Совмещение принципа личного характера ИДС с инструментарием заранее данных распоряжений на случай болезни по примеру ФРГ не противоречит личному характеру ИДС, а реализует его при неспособности пациента к самостоятельному волеизъявлению. Этот вывод открывает путь к решению проблемы отсутствия в российском праве механизма, который можно было бы применять в случаях объективной неспособности пациента к волеизъявлению, при одновременном правоприменительном подтверждении принципа личного характера ИДС, не допускающего его предоставления через представителя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афанасьева Е. Г. Право на информированное добровольное согласие как основа юридического статуса пациента // Современное медицинское право в России и за рубежом : сборник научных трудов. — М. : ИНИОН РАН, 2003. — С. 134–155.
2. Бояринова В. И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 115–124.
3. Брезгулевская Л. К. Проблема согласия на совершение сделок в свете реформы гражданского законодательства // Закон. — 2014. — № 9. — С. 156–165.

⁴³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Вакулина Г. А. Права пациентов по договору возмездного оказания медицинских услуг // Медицинское право. — 2021. — № 5. — С. 24–29.
5. Горovenko С. В. Административная ответственность за нарушение требований законодательства о получении информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 2 (48). — С. 43–48.
6. Гребенщикова Е. Г., Чучалин А. Г. Уважая автономию пациента: добровольное информированное согласие в современной медицине // Медицинская этика. — 2021. — Т. 9. — № 1. — С. 12–16.
7. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М. : Госюриздат, 1958. — 183 с.
8. Медицинское право России : учебник / Т. В. Клименко, А. А. Мохов, А. В. Пекшев [и др.] ; отв. ред. А. А. Мохов. — М. : Проспект, 2021. — 544 с.
9. Назарова Н. А., Калужный Е. А., Шабурова Е. В. Правовое регулирование отношений по информированному добровольному согласию пациента на медицинское вмешательство // Актуальные проблемы современного права. — 2023. — № 3 (55). — С. 137–152.
10. Останина Е. А. Институт патронажа в российском законодательстве и в реформированном немецком законодательстве: сравнительно-правовое исследование // Закон. — 2023. — № 4. — С. 188–203.
11. Останина Е. А. Может ли добровольное информированное согласие быть дано через представителя? // Закон. — 2020. — № 7. — С. 57–67.
12. Русанов К. И. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство: поиск баланса интересов врача и пациента // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2019. — № 4. — С. 97–101.
13. Старченко А. А. Массовое нарушение прав пациентов на добровольное информированное согласие и выбор варианта медицинского вмешательства в онкологии // Медицинское право: теория и практика. — 2021. — Т. 7. — № 2 (14). — С. 87–96.
14. Степкин С. П. Проблемы применения медицинской доверенности // Право и экономика. — 2018. — № 5. — С. 22–25.
15. Тихомиров А. В. Теория медицинской услуги и медицинского деликта : учебно-научное пособие. — М. : ЮрИнфоЗдрав, 2012. — 112 с.
16. Ульянова М. В. Добровольное информированное согласие несовершеннолетнего // Российская юстиция. — 2023. — № 8. — С. 65–70.
17. Хомутова Н. Н., Зеленская Т. М. Информированное добровольное согласие пациента: институализация практик в современной России // Logos et Praxis. — 2023. — Т. 22. — № 4. — С. 170–179.
18. Raper S. E., Clapp J. T., Fleisher L. A. Let's Be Reasonable: Surgical Informed Consent in the COVID-19 Era // Annals of Surgery Open. — 2020. — Vol. 1. — № 2. — e016. — URL: https://journals.lww.com/aosopen/fulltext/2020/12000/let_s_be_reasonable__surgical_informed_consent_in.11.aspx.
19. Wilson R. F. The Promise of Informed Consent // The Oxford Handbook of U.S. Healthcare Law / ed. by I. G. Cohen, A. K. Hoffman, W. M. Sage. — Oxford : Oxford University Press. — 2016. — P. 213–239.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Afanaseva E. G. Pravo na informirovannoe dobrovolnoe soglasie kak osnova yuridicheskogo statusa patsienta // Sovremennoe meditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnykh trudov. — М.: INION RAN, 2003. — S. 134–155.
2. Boyarinova V. I. Pravovaya priroda informirovannogo dobrovolnogo soglasiya na meditsinskoe vmeshatelstvo // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2019. — Т. 16. — № 4. — S. 115–124.

3. Brezgulevskaya L. K. Problema soglasiya na sovershenie сделок v svete reformy grazhdanskogo zakonodatelstva // *Zakon*. — 2014. — № 9. — S. 156–165.
4. Vakulina G. A. Prava patsientov po dogovoru vozmezhnogo okazaniya meditsinskikh uslug // *Meditsinskoe pravo*. — 2021. — № 5. — S. 24–29.
5. Gorovenko S. V. Administrativnaya otvetstvennost za narushenie trebovaniy zakonodatelstva o poluchenii informirovannogo dobrovolnogo soglasiya na meditsinskoe vmeshatelstvo // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. — 2019. — № 2 (48). — S. 43–48.
6. Grebenshchikova E. G., Chuchalin A. G. Uvazhaya avtonomiyu patsienta: dobrovolnoe informirovannoe soglasie v sovremennoy meditsine // *Meditsinskaya etika*. — 2021. — Т. 9. — № 1. — S. 12–16.
7. Krasavchikov O. A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. — M.: Gosyurizdat, 1958. — 183 s.
8. *Meditsinskoe pravo Rossii: uchebnik* / T. V. Klimenko, A. A. Mokhov, A. V. Pekshev [i dr.]; otv. red. A. A. Mokhov. — M.: Prospekt, 2021. — 544 s.
9. Nazarova N. A., Kalyuzhnyy E. A., Shaburova E. V. Pravovoe regulirovanie otnosheniy po informirovannomu dobrovolnomu soglasiyu patsienta na meditsinskoe vmeshatelstvo // *Aktualnye problemy sovremennoy prava*. — 2023. — № 3 (55). — S. 137–152.
10. Ostanina E. A. Institut patronazha v rossiyskom zakonodatelstve i v reformirovannom nemetskom zakonodatelstve: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // *Zakon*. — 2023. — № 4. — S. 188–203.
11. Ostanina E. A. Mozhet li dobrovolnoe informirovannoe soglasie byt dano cherez predstavatelya? // *Zakon*. — 2020. — № 7. — S. 57–67.
12. Rusanov K. I. Informirovannoe dobrovolnoe soglasie na meditsinskoe vmeshatelstvo: poisk balansa interesov vracha i patsienta // *Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*. — 2019. — № 4. — S. 97–101.
13. Starchenko A. A. Massovoe narushenie prav patsientov na dobrovolnoe informirovannoe soglasie i vybor varianta meditsinskogo vmeshatelstva v onkologii // *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika*. — 2021. — Т. 7. — № 2 (14). — S. 87–96.
14. Stepkin S. P. Problemy primeneniya meditsinskoj doverennosti // *Pravo i ekonomika*. — 2018. — № 5. — S. 22–25.
15. Tikhomirov A. V. *Teoriya meditsinskoj uslugi i meditsinskogo delikta: uchebno-nauchnoe posobie*. — M.: YurInfoZdrav, 2012. — 112 s.
16. Ulyanova M. V. Dobrovolnoe informirovannoe soglasie nesovershennoletnego // *Rossiyskaya yustitsiya*. — 2023. — № 8. — S. 65–70.
17. Khomutova N. N., Zelenskaya T. M. Informirovannoe dobrovolnoe soglasie patsienta: institucionalizatsiya praktik v sovremennoy Rossii // *Logos et Praxis*. — 2023. — Т. 22. — № 4. — S. 170–179.
18. Raper S. E., Clapp J. T., Fleisher L. A. Let's Be Reasonable: Surgical Informed Consent in the COVID-19 Era // *Annals of Surgery Open*. — 2020. — Vol. 1. — № 2. — e016. — URL: https://journals.lww.com/aosopen/fulltext/2020/12000/let_s_be_reasonable__surgical_informed_consent_in.11.aspx.
19. Wilson R. F. *The Promise of Informed Consent* // *The Oxford Handbook of U.S. Healthcare Law* / ed. by I. G. Cohen, A. K. Hoffman, W. M. Sage. — Oxford: Oxford University Press. — 2016. — P. 213–239.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.175-185

Д. А. Гершиноква*

Климатические проекты как инструмент углеродного регулирования

Аннотация. В статье анализируется место климатических проектов в государственном регулировании выбросов парниковых газов в России. Дается авторское определение понятия углеродного регулирования как целенаправленного воздействия государства на общественные отношения в сфере выбросов парниковых газов при помощи специальных юридических методов и средств для обеспечения публичных интересов в сокращении выбросов парниковых газов и/или увеличении их поглощения и предотвращении опасного антропогенного влияния на климатическую систему.

Климатические проекты могут выступать инструментом диспозитивного (косвенного) метода углеродного регулирования, для полноценного раскрытия которого необходимо создать стимулирующие условия. К таким условиям отнесены: 1) установление регулируемым организациям ограничений на выбросы парниковых газов (квот) с возможностью их выполнения с помощью климатических проектов; 2) предоставление исполнителям климатических проектов государственной поддержки; 3) приоритизация товаров и услуг с низким или нулевым углеродным следом в госзакупках; 4) включение российских климатических проектов в международные системы компенсации выбросов парниковых газов, в частности в CORSIA ИКАО.

Делается вывод, что законодательство по реализации климатических проектов должно развиваться с учетом общемировых тенденций к ужесточению требований к проектам, предусматривающим количественные ограничения на применение углеродных единиц, обеспечение гарантий долгосрочного сохранения результатов проектов природного поглощения (в том числе лесоклиматических проектов) и др. В этой связи российские правила реализации климатических проектов нуждаются в доработке.

Ключевые слова: климатические проекты; углеродное регулирование; компенсация выбросов парниковых газов; реестр углеродных единиц; углеродная нейтральность; углеродная единица; лесоклиматические проекты; Сахалинский эксперимент; природное поглощение парниковых газов; CORSIA

Для цитирования: Гершиноква Д. А. Климатические проекты как инструмент углеродного регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 175–185. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.175-185

© Гершиноква Д. А., 2026

* Гершиноква Динара Александровна, соискатель юридического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
Мира просп., д. 55а, г. Омск, Российская Федерация, 644077
gdinara@list.ru

Climate Projects as a Mechanism for Carbon Regulation

Dinara A. Gershinkova, Applicant, Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation
gdinara@list.ru

Abstract. The paper analyzes the place of climate projects in state regulation of greenhouse gas emissions in Russia. The author offers an original definition of carbon regulation, conceptualizing it as the deliberate exercise of state authority over public relations concerning greenhouse gas emissions, effected through specialized legal instruments and mechanisms. The objective is to safeguard public interests by reducing greenhouse gas emissions, enhancing their sequestration, and averting dangerous anthropogenic interference with the climate system.

Climate projects can act as a tool for the dispositive (indirect) method of carbon regulation, for the full implementation of which it is necessary to create stimulating conditions. These conditions include: (1) the establishment of greenhouse gas emission limits (quotas) for regulated entities, which may be met through the implementation of climate projects; (2) the provision of state support to climate project developers; (3) the prioritization of goods and services with a low or zero carbon footprint in public procurement; and (4) the integration of Russian climate projects into international greenhouse gas emission offset mechanisms, particularly ICAO's CORSIA.

The author concludes that the legal framework governing the implementation of climate projects should evolve in line with global trends toward more stringent project requirements. These include quantitative restrictions on the use of carbon units, guarantees for the long-term permanence of results achieved through natural sequestration projects (including forest-based climate projects), and other related measures. In this connection, the Russian regulations governing the implementation of climate projects are in need of improvement.

Keywords: climate projects; carbon regulation; greenhouse gas emission compensation; carbon unit registry; carbon neutrality; carbon unit; forest climate projects; Sakhalin experiment; natural absorption of greenhouse gases; CORSIA

Cite as: Gershinkova DA. Climate Projects as a Mechanism for Carbon Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):175-185. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.175-185

Термин «климатический проект» впервые был использован в приказе Росгидромета от 23.03.2001 № 40¹, определившем порядок учета результатов *климатических проектов*, реализованных под эгидой Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в начале 2000-х гг. Идея проектов заключалась в том, чтобы с помощью инвестиций поддерживать усилия заинтересованных лиц по сокращению выбросов парниковых газов

или увеличению их поглощения. В России реализовано несколько климатических проектов с участием зарубежных инвесторов, а их совокупный эффект оценивался в 150 тыс. т эквивалента углекислого газа (CO₂-экв.) в год².

В первый период Киотского протокола (2008–2012) реализовано более 100 климатических проектов (называемых проектами совместного осуществления)³ — также с участием зарубежных инвесторов из развитых стран. Результа-

¹ Приказ Росгидромета от 23.03.2001 № 40 «Об утверждении порядка централизованного учета документов о выбросах и стоках парниковых газов и результатов климатических проектов, снижающих антропогенные выбросы или увеличивающих стоки парниковых газов субъектами хозяйственной деятельности, осуществляющими свою деятельность на территории Российской Федерации» (отменен в 2021 году) // СПС «КонсультантПлюс».

² Второе Национальное сообщение Российской Федерации по РКИК ООН. 1998. С. 83–84 // URL: <https://unfccc.int/documents/198749> (дата обращения: 29.09.2025).

³ Обзор российского углеродного рынка: потенциал роста. КЕПТ и СИБУР. 2025 // URL: <https://kept.ru> (дата обращения: 29.09.2025).

ты проектов использовались для выполнения обязательств, взятых на себя развитыми странами в рамках Киотского протокола. В этой связи принятые нормативные правовые акты Правительства РФ регулировали отношения по регистрации проектов и передаче углеродных единиц (УЕ) за границу. С завершением первого периода действия Киотского протокола проектная деятельность прекратилась.

Новое развитие климатические проекты получили после принятия в 2021 г. Федерального закона от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁴, который создал правовую основу реализации климатических проектов. Согласно ст. 2 Закона климатический проект — это комплекс мероприятий, обеспечивающих сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение поглощения парниковых газов. Существенным отличием от прошлого стала ориентация климатических проектов уже на внутренний рынок. Наличие иностранного инвестора более не является обязательным условием реализации проектов.

Разработка и реализация климатических проектов, включая проекты по увеличению поглощения парниковых газов в лесах (лесоклиматические проекты) и иных природных системах, входит в число приоритетных задач внутренней политики страны согласно Климатической доктрине РФ⁵. Благодаря проектам природного поглощения почти в два раза должно увеличиться поглощение парниковых газов к 2050 г. согласно целевому сценарию Стратегии низкоуглеродного развития⁶, что создает предпосылки для выполнения цели достижения углеродной нейтральности российской экономики до 2060 г.⁷ Углеродная нейтральность означает баланс выбросов и поглощений парниковых газов.

В указанной Стратегии климатические проекты рассматриваются в контексте зеленых проектов, то есть в увязке с развитием специальных программ финансирования и инвестиций для внедрения технологий сокращения выбросов парниковых газов и адаптации к изменениям климата. Полноценный (без ограничений) учет поглощений в лесах и иных природных системах обозначен как условие выполнения целей по сокращению выбросов парниковых газов согласно Указу Президента РФ от 06.08.2025 № 547⁸.

Таким образом, климатическим проектам, включая проекты по природному поглощению, отводится важная роль в доктринальном и стратегических документах по *углеродному регулированию*, под которым предлагается понимать целенаправленное воздействие государства на общественные отношения в сфере выбросов парниковых газов при помощи специальных юридических методов и средств с целью обеспечения публичных интересов по сокращению выбросов парниковых газов и/или увеличению их поглощения и предотвращению опасного антропогенного влияния на климат.

При этом климатические проекты не включены в перечень мер по ограничению выбросов парниковых газов, приведенный в ст. 4 Закона об ограничении выбросов парниковых газов. Место климатических проектов в углеродном регулировании пока четко не определено. Основная сложность состоит в добровольном характере проектов: реализация климатического проекта является *правом* заинтересованных лиц (ст. 9 указанного Закона). Владелец УЕ *вправе* принимать решение об их зачете для уменьшения углеродного следа (ст. 11), а региональные регулируемые организации *вправе* использовать принадлежащие им УЕ

⁴ СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5124.

⁵ Климатическая доктрина Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 26.10.2023 № 812 // СЗ РФ. 2023. № 44. Ст. 7865.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 2892.

⁷ См.: Климатическая доктрина Российской Федерации.

⁸ См.: Указ Президента РФ от 06.08.2025 № 547 «О сокращении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ. 2025. № 32. Ст. 4923.

для выполнения квот в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации»⁹. Предусмотренный данным Законом эксперимент в настоящее время проводится на территории Сахалинской области (далее также — Сахалинский эксперимент).

Правоотношения между участниками климатических проектов возникают на основе договоров по оказанию различных платных услуг, связанных с реализацией проекта (по разработке проектной документации, ее валидации, регистрации проекта, выполнению мероприятий проекта, учету операций с УЕ и т.д.), то есть являются гражданско-правовыми¹⁰. Большинство методологий реализации климатических проектов утверждены оператором реестра углеродных единиц АО «Контур»¹¹ (а не государственным органом власти).

В публикации Министерства экономического развития РФ 2023 г. говорится о формировании «государственной системы реализации добровольных проектов по сокращению выбросов и увеличению поглощения парниковых газов»¹². При этом в реестре углеродных единиц все климатические проекты отнесены к добровольному рынку, а к регулируемому рынку — только еди-

ницы выполнения квот в рамках Сахалинского эксперимента.

Действительно, российская система климатических проектов скорее напоминает действующие за рубежом добровольные системы углеродных кредитов¹³ (англ. carbon credits — аналог УЕ), правила функционирования которых устанавливаются неправительственными организациями. Добровольными системами углеродных кредитов выпущен почти 1 млрд УЕ¹⁴, с помощью которых заинтересованные лица (в основном из предпринимательского сообщества) сокращают свой углеродный след.

Роль и место климатических проектов в государственном регулировании выбросов парниковых газов исследуются российскими учеными. И. А. Нагайцев считает климатические проекты основным инструментом развития технологий по снижению выбросов парниковых газов и отмечает заинтересованность бизнеса в их реализации¹⁵. Ю. М. Шипицина и О. И. Горбунова указывают на важную роль климатических проектов в достижении ключевых показателей декарбонизации в России, особо выделяя лесоклиматические проекты как наиболее перспективные¹⁶. Н. Г. Жаворонкова и В. Б. Агафонов предлагают интегрировать климатические проекты в систему стратегического планирования¹⁷. Н. В. Кичигин и Н. И. Хлуденева¹⁸, а также

⁹ СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

¹⁰ Правовое обеспечение реализации климатических проектов в Российской Федерации и за рубежом : монография / под ред. д. ю. н., профессора В. В. Романовой. М. : Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина, 2023.

¹¹ Реестр углеродных единиц // URL: <https://carbonreg.ru> (дата обращения: 29.09.2025).

¹² Углеродное регулирование в Российской Федерации / Минэкономразвития России. 2023 // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9e904ab98684f07e6efca5f83ba2cfd2/uglerodnoe_regulirovanie_v_Rossii.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

¹³ State and trends of carbon pricing 2025 // URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/state-and-trends-of-carbon-pricing> (дата обращения: 29.09.2025).

¹⁴ State and trends of carbon pricing 2025.

¹⁵ Нагайцев И. А. Предпосылки реализации климатических проектов в России // Вестник ХГУ имени Н.Ф. Катанова. 2022. № 4 (42). С. 122–126.

¹⁶ Шипицина Ю. М., Горбунова О. И. Развитие климатических проектов в нефтегазовых компаниях России при достижении целей декарбонизации // Дискуссия. 2024. № 122 (1). С. 89–100.

¹⁷ Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Тенденции и перспективы развития законодательства в сфере обеспечения климатической безопасности Российской Федерации // Юрист. 2022. № 9. С. 24–27.

¹⁸ Кичигин Н. В., Хлуденева Н. И. Правовые механизмы углеродного регулирования в Российской Федерации // Экологическое право. 2022. № 3. С. 10–16.

И. И. Леонова¹⁹ подчеркивают значимость государственной поддержки для воплощения в жизнь климатических проектов, например посредством налоговых льгот для внедрения низкоуглеродных технологий и иных механизмов финансирования крупных проектов для их масштабирования.

После принятия Парижского соглашения 2015 г.²⁰ многие российские компании, следуя глобальному тренду, объявили о целях достичь углеродной нейтральности²¹ с помощью климатических проектов как механизма компенсации выбросов. Заинтересованность российских компаний в осуществлении климатических проектов, очевидно, повлияла на определение Правительством РФ плановых показателей по реализации проектов и генерации УЕ: количество проектов должно быть не менее 400 в год при ежегодном выпуске не менее 20 млн УЕ²². Однако фактические показатели пока скромнее. За три года число зарегистрированных проектов превысило 70, а ожидаемое количество УЕ оценивается в 95 млн²³, из которых 34 млн выпущено в обращение. Проблема заключается в том, что даже на выпущенные УЕ нет устойчивого спроса²⁴. Российский углеродный рынок, можно сказать, представлен продавцами УЕ. Известно лишь о нескольких сделках по приобретению символического количества УЕ для выполнения квот региональными регулирующими организациями в рамках Сахалинского эксперимента и для компенсации углеродного

следа компаний, продукции или мероприятий²⁵ (имиджевые сделки).

Полагаем, что для достижения целевых ориентиров, заявленных в Климатической доктрине и Стратегии низкоуглеродного развития, необходимо создать условия для формирования спроса на климатические проекты и УЕ. Таким образом, будет реализован инструмент диспозитивного (косвенного) метода углеродного регулирования, при котором государство не устанавливает предписаний или запретов, а создает условия (стимулы), чтобы субъекты регулирования сами выбирали линию поведения, отвечающую публичным интересам.

В качестве стимулирующих мер предлагается:

1) установление ограничений (квот) на выбросы парниковых газов регулируемым организациям с возможностью их выполнения с помощью УЕ от климатических проектов. Такие условия созданы в рамках Сахалинского эксперимента. Предусмотренная Законом о проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах РФ возможность применять УЕ для выполнения квот является стимулом к реализации климатических проектов. Но важное значение имеет и экономическая сторона проектной деятельности. Стимул будет работать при себестоимости УЕ ниже иных способов выполнения квоты (например, ниже предусмотренного платежа в 1 тыс. руб. за

¹⁹ Леонова И. И. Правовое регулирование реализации климатических проектов в России // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 156–170.

²⁰ СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Корпоративные стратегии углеродной нейтральности // Минэкономразвития России. 2020. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/f55d57f8dccb8ec195b1575e857610dc/03062021.pdf?ysclid=l4cuvqso7w476232930> (дата обращения: 29.09.2025) ; Климатическое законодательство: актуальные тенденции // ЕУ. 2022. URL: <https://b1.ru/local/assets/surveys/b1-survey-climate-legislation-current-trends.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

²² Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2022 № 2349-р «О заключении концессионного соглашения в отношении реестра углеродных единиц» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Реестр углеродных единиц // URL: <https://carbonreg.ru> (дата обращения: 29.09.2025).

²⁴ Обзор российского углеродного рынка: потенциал роста. КЕПТ и СИБУР. 2025.

²⁵ СИБУР компенсировал углеродный след Югорского экономического форума // URL: <https://www.sibur.ru/SiburTumenGaz/press-center/sibur-kompensiroval-uglerodnyy-sled-yugorskogo-ekonomicheskogo-foruma/?ysclid=mfhzg6425n181558843> (дата обращения: 29.09.2025).

превышение квот). В противном случае выгоднее прибегнуть к прямому платежу;

2) предоставление мер государственной поддержки исполнителям климатических проектов. В соответствии со ст. 9 Закона об ограничении выбросов парниковых газов Правительство РФ *«вправе определять основания для предоставления исполнителям климатических проектов мер государственной поддержки»*. До сих пор меры господдержки не определены. Обратим внимание на имеющееся противоречие между законодательным актом и одной из методологий климатических проектов. Согласно руководству по обоснованию ключевого критерия климатического проекта — дополнительно-сти²⁶ (достижение результата, которого не было бы при отсутствии проекта), получение государственной поддержки исполнителем проекта нарушает критерий дополнительности. Данное противоречие необходимо устранить и определить виды господдержки и условия ее предоставления, обеспечивающие соблюдение указанного критерия. Полагаем, что господдержка будет обоснованной для проектов, связанных с внедрением дорогостоящих технологий, или для проектов, направленных на сохранение и восстановление уникальных природных систем. В качестве меры поддержки в проектах природного поглощения можно рассмотреть страхование рисков с господдержкой (по аналогии со страхованием для аграриев²⁷);

3) приоритизация товаров и услуг с низким или нулевым углеродным следом в государственных закупках. Госзакупки составляют третью часть валового внутреннего продукта России²⁸. В соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»²⁹ при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд могут применяться экологические критерии. Но пока экологические требования, а тем более связанные с углеродным следом, не являются приоритетными в госзакупках. Выразим солидарность с позицией М. А. Егоровой о необходимости совершенствования законодательства и закрепления «специальных зеленых требований» к госзакупкам³⁰. Заделом служат уже предусмотренные законодательством условия по обеспечению энергетической эффективности при госзакупках (поскольку повышение энергоэффективности — главный ресурс сокращения выбросов парниковых газов³¹) или по процентному содержанию вторсырья в пластмассовых изделиях и бумажной продукции³². В 2025 г. экологические основания госзакупок были дополнены положениями по закупке низкоэмиссионного (газомоторного или электрического) транспорта: транспорт на дизельном топливе или бензине приобретает только при отсутствии на территории планируемой эксплуата-

²⁶ Руководство № 001. Обоснование дополнительности проектной деятельности // URL: https://carbonreg.ru/pdf/methodology/accepted/%D0%A1%D0%A0%D0%9C%20Guidelines%20%E2%84%96001_rus.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

²⁷ Федеральный закон от 25.07.2011 № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”» // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4700.

²⁸ Егорова М. А. Перспективы правового регулирования зеленых закупок в Российской Федерации // Юрист. 2022. № 1. С. 9–15.

²⁹ СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

³⁰ Егорова М. А. Указ. соч.

³¹ Башмаков И. А. Углеродная нейтральность в России: траектории до 2060 года // ЦЭНЭФ. 2022. URL: <https://cenef-xxi.ru/articles/uglerodnaya-nejtralnost-v-Rossii-traektorii-do-2060-goda> (дата обращения: 29.09.2025).

³² Постановление Правительства РФ от 08.07.2022 № 1224 «Об особенностях описания отдельных видов товаров, являющихся объектом закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, при закупках которых предъявляются экологические требования» // СПС «КонсультантПлюс».

ции закупаемых автомобилей газозаправочной инфраструктуры для транспортных средств на сжиженном природном газе, компримированном природном газе или зарядной инфраструктуры для электрического автомобильного транспорта³³. Это свидетельствует о развитии законодательства по зеленым госзакупкам, в которое необходимо интегрировать требования по углеродным характеристикам продукции и услуг;

4) включение российских климатических проектов в международные механизмы компенсации выбросов парниковых газов. С 2027 г. вступают в силу новые правила Международной организации гражданской авиации (ИКАО), обязывающие авиакомпании уменьшать углеродный след от международных полетов с помощью специально созданной системы компенсаций и сокращения выбросов — CORSIA³⁴. Предусмотрено, что для компенсации выбросов авиакомпании будут выкупать УЕ из реестров проектов, прошедших аккредитацию ИКАО. То есть задача для российского регулятора состоит в том, чтобы вывести российский реестр углеродных единиц на уровень, соответствующий требованиям ИКАО, и таким образом обеспечить новый рынок сбыта для российских УЕ. Проработка этого вопроса инициирована Правительством РФ в 2025 г.³⁵ При передаче УЕ за рубеж важно обеспечить соблюдение закрепленного в Парижском соглашении условия

о соответствующих корректировках в значениях национальных выбросов парниковых газов.

В России расположена пятая часть лесов мира³⁶, которые компенсируют около 60 % антропогенных выбросов парниковых газов в стране³⁷. В 2024 г. в Лесной кодекс РФ³⁸ были внесены изменения, направленные на создание правовых условий для реализации лесоклиматических проектов в целях «сохранения климаторегулирующего потенциала лесов». Согласно новым правилам, реализация лесоклиматических проектов осуществляется на основании соглашения между Рослесхозом и исполнителем проекта³⁹. В соглашении описывается место реализации проекта, приводятся сведения об исполнителе проекта, сроке действия соглашения, видах, объеме, сроках планируемых мероприятий и ожидаемых результатах. Изменения параметров лесов, достигнутых в ходе выполнения мероприятий проекта, должны вноситься в лесные планы субъектов РФ. Исполнитель проекта обязан в течение пяти лет с момента заключения соглашения внести сведения о реализации лесоклиматического проекта в реестр углеродных единиц. В случае нарушения исполнителем проекта установленных обязательств соглашение может быть расторгнуто Рослесхозом в одностороннем порядке. Таким образом, между исполнителем проекта и органом исполнительной власти возникают публично-

³³ Постановление Правительства РФ от 12.06.2025 № 889 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 25. Ст. 3411.

³⁴ Carbon Offsetting and Reduction Scheme for International Aviation (CORSIA) // URL: <https://www.icao.int/CORSIA> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁵ РФ планирует принять международные стандарты контроля потребления авиатоплива. 21.08.2025 // URL: <https://www.finmarket.ru/news/6459431> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁶ Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 г. / ФАО // URL: <https://www.fao.org/interactive/forest-resources-assessment/2020/ru/> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁷ Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990–2023 гг. / Росгидромет // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUS_NIR_2025_v1_rev_2025-04-18.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

³⁸ СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

³⁹ Федеральный закон от 26.12.2024 № 492-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53. Ст. 8502.

правовые отношения в формате обязательств и прав, зафиксированных в указанном публичном договоре (соглашении). Это отличает лесоклиматические проекты от других типов климатических проектов, при которых отношения регулируются, как было сказано выше, нормами частного права.

В. Н. Коротков отмечает, что лесоклиматические проекты — одни из самых сложных, поскольку подвержены природным и иным рискам, которые трудно контролировать⁴⁰. Пока в правовом поле остается неурегулированным важнейший вопрос об обеспечении долгосрочности результата лесоклиматического проекта, то есть гарантии того, что удерживаемый в древесине или почве углерод не вернется в атмосферу из-за неблагоприятных явлений (гарантии необратимости проекта), например из-за лесных пожаров, гибели лесных насаждений от вспышек численности насекомых-вредителей или незаконных рубок. На этот счет в Лесном кодексе лишь зафиксирована норма, в соответствии с которой после окончания проекта «использование лесов и мероприятия по сохранению лесов осуществляются с учетом необходимости сохранения результатов реализации лесоклиматического проекта» (ст. 66.4). Но каким образом после прекращения действия соглашения можно будет препятствовать передаче выращенного или сохраненного леса в хозяйственный оборот (например, под лесозаготовку), никак не определено. То есть норма

является декларативной, не обеспеченной механизмом соблюдения.

В международной практике для обеспечения необратимости проектов по природному поглощению парниковых газов используются коэффициенты дисконтирования, уменьшающие ожидаемое количество УЕ. Чем короче срок проекта, тем выше коэффициент дисконтирования. Часть УЕ может быть переведена на специальный (буферный) счет и заблокирована. В случае возникновения неблагоприятных событий и потери накопленного углерода эти УЕ будут аннулированы. Такой подход уже закреплен в правилах для проектов по природному поглощению в рамках Парижского соглашения⁴¹.

В российском реестре углеродных единиц зарегистрировано четыре лесоклиматических проекта (по лесоразведению, лесовосстановлению и охране лесов от пожаров) и еще несколько проектов по природному поглощению парниковых газов в иных экосистемах (по обводнению ранее осушенных торфяников и сохранению почвенного углерода⁴²). Причинами столь небольшого числа зарегистрированных проектов природного поглощения могут быть и высокие затраты на их реализацию. Оценки удельной стоимости мероприятий лесоклиматических проектов в России имеют значительный разброс: 1 тыс. руб.⁴³, 260 тыс. руб.⁴⁴ и даже 20 млн руб.⁴⁵ на 1 га. Экономически обоснованный потенциал природно-климатических проектов в России, по оценкам Института географии

⁴⁰ Коротков В. Н. Лесные климатические проекты в России: ограничения и возможности // *Russian Journal of Ecosystem Ecology*. 2022. № 4. С. 39–46.

⁴¹ Standard Requirements for activities involving removals under the Article 6.4 mechanism // URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/A6.4-STAN-METH-002.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴² По состоянию на сентябрь 2025 г. см.: URL: <https://carbonreg.ru> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴³ Тайга с углеродом. Специалисты оценили цену борьбы с изменением климата // АиФ. 2023. 18 ноября. URL: https://aif.ru/society/nature/tayga_s_uglerodom_specialisty_ocenili_cenu_borby_s_izmeneniem_klimata?ysclid=lp5u3y3srz831964317 (дата обращения: 29.09.2025).

⁴⁴ Морковина С. С., Панявина Е. А., Зиновьева И. С. Управление реализацией лесоклиматических проектов в РФ: перспективы и риски // ЕГИ. 2022. № 40 (2). С. 198–203 ; Морковина С. С., Иванова А. В. Метод оценки инвестиционной привлекательности климатических проектов на базе расчета углеродоемкости инвестиционных затрат // Вестник РГЭУ РИНХ. 2022. № 2 (78). С. 210–217.

⁴⁵ Птичников А. В., Шварц Е. А., Попова Г. А., Байбар А. С. Стратегия низкоуглеродного развития России и роль лесов в ее реализации // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. № 1. С. 36–49.

РАН, оказался ниже, чем ранее предполагалось, и не превышает 100 млн т CO₂-экв./год⁴⁶.

При этом в мире сохраняется высокий спрос на лесоклиматические проекты (42 % от выпускаемых УЕ на добровольном рынке)⁴⁷, но вместе с тем ужесточаются и требования как к проектам природного поглощения, так и в целом к механизму компенсации выбросов. В число дополнительных условий для проектов включены: содействие целям устойчивого развития, недопущение вредного воздействия на окружающую среду, положительное воздействие на биоразнообразие, содействие адаптации к изменению климата и социально-экономическому развитию местных сообществ и др. Эти требования отражены и в правилах реализации проектов по п. 4 ст. 6 Парижского соглашения⁴⁸.

В рамках борьбы с гринвошингом принимаются правила для заявлений об углеродной нейтральности, предписывающие, чтобы компании демонстрировали непосредственное сокращение выбросов парниковых газов, прежде чем использовать компенсационные механизмы⁴⁹.

В зарубежных системах квотирования и торговли выбросами парниковых газов введены количественные ограничения на применение УЕ от климатических проектов в целях выполнения квот. Например, в Китае можно покрыть до 5 % квот с помощью УЕ из специально созданной национальной системы сертифицированных проектов⁵⁰. В первые годы функционирования Европейской системы торговли выбросами парниковых газов допускалось применение УЕ

(в том числе из-за рубежа), но сейчас это запрещено⁵¹.

В России правила углеродного регулирования и реализации климатических проектов пока не учитывают указанных тенденций и поэтому нуждаются в доработке. Без этого невозможно обеспечить продвижение российских климатических проектов за рубежом.

Выводы

Под углеродным регулированием предлагается понимать целенаправленное воздействие государства на общественные отношения в сфере выбросов парниковых газов при помощи специальных юридических методов и средств с целью обеспечения публичных интересов по сокращению выбросов парниковых газов и/или увеличению их поглощения и предотвращению опасного антропогенного влияния на климатическую систему.

Климатические проекты будут инструментом диспозитивного (косвенного) метода углеродного регулирования при условии реализации мер по формированию устойчивого спроса на климатические проекты и УЕ, включая:

1) установление регулируемым организациям ограничений (квот) на выбросы парниковых газов с возможностью их выполнения с помощью климатических проектов. Такие условия созданы только в рамках эксперимента по квотированию выбросов парниковых газов в Сахалинской области;

⁴⁶ Экономический потенциал природно-климатических проектов для получения углеродных единиц существенно ниже, чем предполагалось ранее // URL: <http://www.igras.ru/news/4180?ysclid=mehi9pt8m3395384689> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴⁷ State and trends of carbon pricing 2025.

⁴⁸ Standard Requirements for activities involving removals under the Article 6.4 mechanism.

⁴⁹ Seymour F., Langer P. Consideration of Nature-Based Solutions as Offsets in Corporate Climate Change Mitigation Strategies. Working Paper. Washington, DC : World Resources Institute, 2021. DOI: 10.46830/wriwp.20.00043 (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁰ China Certified Emission Reduction (CCER) Program: Investor Prospects // URL: <https://www.china-briefing.com/news/understanding-the-relaunched-china-certified-emission-reduction-ccer-program-potential-opportunities-for-foreign-companies/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵¹ Сайт International Carbon Action Partnership (ICAP). URL: <https://icapcarbonaction.com/en/scope-and-coverage> (дата обращения: 29.09.2025).

2) определение мер государственной поддержки исполнителям климатических проектов;

3) зеленые государственные закупки, приоритизация низкоуглеродных товаров и услуг в госзакупках;

4) включение российских климатических проектов в международные системы компенсации выбросов парниковых газов, в частности в CORSIA ИКАО.

Законодательство по реализации климатических проектов должно развиваться с учетом

мировых тенденций ужесточения требований к проектам; необходимости подтверждения положительного влияния на биоразнообразие, адаптацию к изменению климата и социально-экономическое развитие местных сообществ; обеспечения долгосрочности сохранения результатов проектов природного поглощения, а также установления лимитов на применение компенсационных механизмов выбросов парниковых газов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Башмаков И. А. Углеродная нейтральность в России: траектории до 2060 года // URL: <https://cenef-xxi.ru/articles/uglerodnaya-nejtralnost-v-Rossii:-traektorii-do-2060-goda> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Егорова М. А. Перспективы правового регулирования зеленых закупок в Российской Федерации // Юрист. — 2022. — № 1. — С. 9–15.
3. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Тенденции и перспективы развития законодательства в сфере обеспечения климатической безопасности Российской Федерации // Юрист. — 2022. — № 9. — С. 24–27.
4. Кичигин Н. В., Хлуденева Н. И. Правовые механизмы углеродного регулирования в Российской Федерации // Экологическое право. — 2022. — № 3. — С. 10–16.
5. Коротков В. Н. Лесные климатические проекты в России: ограничения и возможности // Russian Journal of Ecosystem Ecology. — 2022. — № 4. — С. 39–46.
6. Леонова И. И. Правовое регулирование реализации климатических проектов в России // Журнал российского права. — 2024. — № 3. — С. 156–170.
7. Морковина С. С., Иванова А. В. Метод оценки инвестиционной привлекательности климатических проектов на базе расчета углеродоемкости инвестиционных затрат // Вестник РГЭУ РИНХ. — 2022. — № 2 (78). — С. 210–217.
8. Морковина С. С., Панявина Е. А., Зиновьева И. С. Управление реализацией лесоклиматических проектов в РФ: перспективы и риски // ЕГИ. — 2022. — № 40 (2). — С. 198–203.
9. Нагайцев И. А. Предпосылки реализации климатических проектов в России // Вестник ХГУ имени Н.Ф. Катанова. — 2022. — № 4 (42). — С. 122–126.
10. Птичников А. В., Шварц Е. А., Попова Г. А., Байбар А. С. Стратегия низкоуглеродного развития России и роль лесов в ее реализации // Вестник Российской академии наук. — 2023. — Т. 93. — № 1. — С. 36–49.
11. Шипицина Ю. М., Горбунова О. И. Развитие климатических проектов в нефтегазовых компаниях России при достижении целей декарбонизации // Дискуссия. — 2024. — № 122 (1). — С. 89–100.
12. Seymour F., Langer P. Consideration of Nature-Based Solutions as Offsets in Corporate Climate Change Mitigation Strategies. Working Paper. — Washington, DC : World Resources Institute, 2021. — DOI: 10.46830/wriwp.20.00043 (дата обращения: 29.09.2025).

Материал поступил в редакцию 16 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bashmakov I. A. Uglerodnaya neytralnost v Rossii: traektorii do 2060 goda // URL: <https://cenef-xxi.ru/articles/uglerodnaya-nejtralnost-v-Rossii:-traektorii-do-2060-goda> (data obrashcheniya: 29.09.2025).
2. Egorova M. A. Perspektivy pravovogo regulirovaniya zelenykh zakupok v Rossiyskoy Federatsii // Yurist. — 2022. — № 1. — S. 9–15.
3. Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. Tendentsii i perspektivy razvitiya zakonodatelstva v sfere obespecheniya klimaticheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Yurist. — 2022. — № 9. — S. 24–27.
4. Kichigin N. V., Khludeneva N. I. Pravovye mekhanizmy uglerodnogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii // Ekologicheskoe pravo. — 2022. — № 3. — S. 10–16.
5. Korotkov V. N. Lesnye klimaticheskie proekty v Rossii: ogranicheniya i vozmozhnosti // Russian Journal of Ecosystem Ecology. — 2022. — № 4. — S. 39–46.
6. Leonova I. I. Pravovoe regulirovanie realizatsii klimaticheskikh proektov v Rossii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2024. — № 3. — S. 156–170.
7. Morkovina S. S., Ivanova A. V. Metod otsenki investitsionnoy privlekatelnosti klimaticheskikh proektov na baze rascheta uglerodoemkosti investitsionnykh zatrat // Vestnik RGEU RINKh. — 2022. — № 2 (78). — S. 210–217.
8. Morkovina S. S., Panyavina E. A., Zinoveva I. S. Upravlenie realizatsiey lesoklimaticheskikh proektov v RF: perspektivy i riski // EGI. — 2022. — № 40 (2). — S. 198–203.
9. Nagaytsev I. A. Predposylki realizatsii klimaticheskikh proektov v Rossii // Vestnik KhGU imeni N.F. Katanova. — 2022. — № 4 (42). — S. 122–126.
10. Ptichnikov A. V., Shvarts E. A., Popova G. A., Baybar A. S. Strategiya nizkouglerodnogo razvitiya Rossii i rol lesov v ee realizatsii // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. — 2023. — T. 93. — № 1. — S. 36–49.
11. Shipitsina Yu. M., Gorbunova O. I. Razvitie klimaticheskikh proektov v neftegazovykh kompaniyakh Rossii pri dostizhenii tseley dekarbonizatsii // Diskussiya. — 2024. — № 122 (1). — S. 89–100.
12. Seymour F., Langer P. Consideration of Nature-Based Solutions as Offsets in Corporate Climate Change Mitigation Strategies. Working Paper. — Washington, DC: World Resources Institute, 2021. — DOI: 10.46830/wriwp.20.00043 (data obrashcheniya: 29.09.2025).

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.186-194

А. А. Долгиев*

Антикоррупционные иски прокурора: соотношение частного и публичного интереса

Аннотация. В статье исследуется проблема применения общих сроков исковой давности, установленных гражданским законодательством, к антикоррупционным искам прокуроров. Автор выявляет существенное противоречие между цивилистическими принципами правовой определенности и стабильности оборота, на которых базируется институт исковой давности, и публично-правовыми задачами противодействия коррупции, обеспечения неотвратимости ответственности и защиты основ конституционного строя. Рассматриваются противоположные научные позиции: от полного отрицания применимости исковой давности к таким требованиям до практической критики последствий ее применения. Исследуется правовая позиция Верховного Суда РФ, настаивающего на обязательном применении общих сроков в силу принципа равенства участников гражданского оборота. Доказывается, что сложившаяся судебная практика освещает серьезный законодательный пробел, не учитывающий публично-правовую природу антикоррупционных исков. Аргументируется необходимость комплексной законодательной реформы, предлагается создание специального процессуального режима с дифференцированными сроками давности, исчисляемыми с момента обнаружения правонарушения, и перенос рассмотрения данных дел в рамки административного судопроизводства.

Ключевые слова: антикоррупционные иски прокурора; сроки исковой давности по искам прокурора; принцип правовой определенности; исковая давность; стабильность гражданского оборота; публичный интерес; постановление Конституционного Суда РФ № 49-П; деприватизация; конфискация коррупционных доходов; виндикационный иск

Для цитирования: Долгиев А. А. Антикоррупционные иски прокурора: соотношение частного и публичного интереса // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 186–194. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.186-194

© Долгиев А. А., 2026

* Долгиев Адам Адамович, кандидат экономических наук, медиатор, член Ассоциации юристов России Мясницкая ул., д. 24/7, стр. 1, подъезд 8, г. Москва, Российская Федерация, 101000 law-journal@internet.ru

Anti-Corruption Lawsuits Filed by the Prosecutor: Balancing Private and Public Interests

Adam A. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), Mediator; Member, Association of Lawyers of Russia,
Moscow, Russian Federation
law-journal@internet.ru

Abstract. The paper examines the problem of applying general statutes of limitations established by civil legislation to anti-corruption claims filed by prosecutors. The author identifies a substantial contradiction between the civil law principles of legal certainty and stability of commerce, which underlie the institution of limitation of actions, and the public-law tasks of combating corruption, ensuring the inevitability of liability, and protecting the foundations of the constitutional order. Opposing scientific positions are considered: from a complete denial of the applicability of limitation of actions to such claims to practical criticism of the consequences of its application. The legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, which insists on the mandatory application of general time limits due to the principle of equality of participants in civil transactions, is examined. It is demonstrated that established judicial practice highlights a serious legislative gap that does not take into account the public-law nature of anti-corruption lawsuits. The author argues for the necessity of comprehensive legislative reform, proposing the establishment of a special procedural regime featuring differentiated limitation periods that run from the moment the offense is discovered, as well as the reclassification of such cases to the framework of administrative procedure.

Keywords: anti-corruption claims filed by the prosecutor; statute of limitations for prosecutorial actions; legal certainty principle; limitation of actions; stability of civil transactions; public interest; Constitutional Court of the Russian Federation Resolution No. 49-P; deprivatization; forfeiture of corruption-derived assets; vindication claim

Cite as: Dolgiev AA. Anti-Corruption Lawsuits Filed by the Prosecutor: Balancing Private and Public Interests. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):186-194. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7. 186-194

Институт сроков занимает одно из центральных мест в механизме частноправового регулирования, выполняя функцию стабилизации гражданского оборота и обеспечения правовой определенности. В цивилистической доктрине под сроком традиционно понимается определенный период или момент, с наступлением или истечением которого закон связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей¹. Как отмечали классики российской цивилистики, сроки упорядочивают гражданский оборот, создают определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинируют их участников, способствуют соблюдению хозяйственных договоров, обеспечивают своевременную защиту

прав и интересов субъектов гражданских правоотношений². Дореволюционная наука имела четкое представление о сроках и их значении в гражданском праве, формулируя воспитательную и превентивную их функции³.

Особый вид сроков — срок исковой давности. Согласно ст. 195 Гражданского кодекса РФ, исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Это объективный временной предел, установленный государством для принудительной реализации нарушенного субъективного права через суд. Его ключевое назначение — прекращение правовых притязаний и обеспечение устойчивости права⁴. Институт исковой давности носит императивный характер (ст. 198 ГК РФ)

¹ Рогожин С. В. Классификация сроков защиты прав и законных интересов в механизме частноправового регулирования: некоторые тенденции на современном этапе // Российский судья. 2025. № 2. С. 7–10.

² Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2016. С. 12.

³ Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1. М. : Статут, 2003. С. 144–149.

⁴ Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1. М. : Статут, 2006. С. 343.

и применяется судом только по заявлению стороны в споре (ст. 199 ГК РФ). Однако традиционные доктринальные подходы к исковой давности, сформированные для частноправовых споров, столкнулись с серьезным вызовом применительно к требованиям особого рода — антикоррупционным искам прокуроров. Речь идет об исках, предъявляемых в порядке гражданского судопроизводства, об обращении в доход Российской Федерации имущества, приобретенного лицами, замещавшими государственные или муниципальные должности, на суммы, превышающие их законные доходы, и в нарушение антикоррупционного законодательства (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ).

Правовая природа этих исков — предмет острой научной дискуссии. С одной стороны, они формально предъявляются в рамках гражданского процесса и направлены на изъятие имущества. С другой — их основанием выступает не частное правонарушение (деликт), а совершение публичного правонарушения — коррупционного деяния. Цель состоит не в восстановлении нарушенного права конкретного лица, а в защите публичных интересов, обеспечении принципа неотвратимости ответственности за коррупцию и конфискации неправомерно приобретенного актива.

Важнейший вопрос, порождаемый свойствами антикоррупционного иска: подпадают ли такие публично-правовые (по сути) требования под действие общих сроков исковой давности, установленных главой 12 ГК РФ? Разрешение этого вопроса имеет принципиальное значение, поскольку истечение сроков давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ), что на практике может привести к легализации коррупционных доходов.

Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ в постановлении от 31.10.2024 № 49-П⁵, применение универсальных подходов к суще-

ству и порядку исчисления сроков исковой давности к искам, связанным с обращением в доход государства имущества, изъятых вследствие совершения коррупционных действий, может фактически поощрять коррупционную деятельность, способствовать изобретению более изощренных способов сокрытия имущества, полученного в результате коррупции.

Таким образом, формируется проблемное поле, в центре которого находится конфликт между классическими частноправовыми принципами исковой давности, направленными на обеспечение стабильности оборота и правовой определенности, и публично-правовыми задачами противодействия коррупции, требующими эффективности, неотвратимости ответственности и защиты основ конституционного строя. Вместе с тем, отвечая на вопросы о применении сроков давности к антикоррупционным искам прокурора, нельзя обойти вниманием базовые тезисы, касающиеся участия публично-правовых образований в гражданском обороте, так как в соответствии со ст. 124 ГК РФ Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования являются полноправными участниками гражданских правоотношений на началах равенства с гражданами и юридическими лицами. Это положение исключает возможность предоставления публичным образованиям процессуальных преимуществ или изъятий из общих правил гражданского судопроизводства по усмотрению суда. Данный тезис подтверждается позицией ведущих цивилистов, в частности Е. А. Суханова, который последовательно пишет о том, что публично-правовой статус, предоставляя необоснованные привилегии, нарушает само существо экономического оборота⁶.

Настоящее исследование ставит своей целью проанализировать указанную проблему через призму ключевых научно-практических позиций и, полагаясь на них, сформулировать комплекс-

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Суханов Е. А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2019. № 6. С. 3–12.

ное понимание специфики сроков защиты прав в сфере антикоррупционных исков.

Как показывает практика, предметом антикоррупционного иска выступают как денежные средства, полученные в результате коррупционного преступления (материальный компонент), так и юридическая квалификация действий по получению взятки как недействительной (ничтожной) сделки⁷ (признание самих действий по передаче и получению имущества противоправной гражданско-правовой сделкой). Такое взыскание или возмещение не является наказанием, иной мерой уголовно-правового характера (конфискацией). Это гражданско-правовое последствие признания сделки недействительной позволяет прокурору использовать гражданский процесс как механизм восстановления нарушенных прав государства, даже если уголовный закон не был применен в полной мере для обращения в казну незаконно приобретенных активов.

В доктрине права обозначен ряд противоположных воззрений относительно применения механизма исковой давности к антикоррупционным искам прокурора. Так, С. А. Сеницын рассматривает антикоррупционный иск как особый правовой феномен, имеющий публично-правовую, а не гражданско-правовую природу. По его мнению, прокурор, предъявляя такое требование, реализует не частное право на иск, а государственно-властную компетенцию по надзору за законностью⁸. Следовательно, институт исковой давности, созданный для стабилизации гражданского оборота и защиты частных интересов, в принципе не может быть применен к публично-правовому механизму защиты основ конституционного строя. Названный автор указывает на правовую неопределенность и предлагает законодательно закрепить особый режим для таких требований: либо полностью исключить их из-под действия исковой давности, либо

установить специальные сроки административной давности в рамках публичного права.

Концепция С. А. Бочкарева, наоборот, носит ярко выраженный практический характер. Опираясь на исторический контекст и массу примеров из современной правоприменительной практики, он обрушивается с резкой критикой на саму идею применения исковой давности к антикоррупционным искам⁹. В этом он видит парадокс, ведущий к легализации коррупционных доходов, уравниванию коррупционеров с добросовестными участниками оборота и разрушению принципа неотвратимости ответственности. Бочкарев акцентирует внимание на латентности коррупции, для раскрытия которой требуются годы, и на цинизме ситуации, когда государство проигрывает в суде собственному коррумпированному чиновнику, ссылаясь на пропуск срока. Таким образом, Бочкарев настаивает не просто на изменении подхода, а на категорическом отказе от применения давности, следуя, по его утверждению, конституционным целям.

Сравнивая эти две позиции, можно сказать, что они являются взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу. Сеницын предоставляет сильное теоретическое обоснование того, почему исковая давность не должна применяться, аргументируя это фундаментальным различием между частным и публичным правом. Бочкарев, в свою очередь, приводит убедительные практические аргументы, показывая, к каким серьезным последствиям ведет игнорирование этой теоретической проблемы. Оба автора разными путями приходят к одному главному выводу, что автоматическое применение гражданских сроков исковой давности к антикоррупционным искам недопустимо.

На наш взгляд, обе точки зрения верные и убедительные. Теоретическая строгость Сеницына находит полное подтверждение в аргумента-

⁷ Григорьева Н. Н., Петушков Д. Н. Предмет антикоррупционного иска — денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. 2021. № 5. С. 23–24.

⁸ Сеницын С. А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 131–140.

⁹ Бочкарев С. А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 104–121.

ции Бочкарева. Проблема действительно лежит в научном заблуждении — попытке регулировать публично-правовые отношения инструментами, созданными для принципиально иной сферы. Это порождает юридический абсурд, который так ярко иллюстрирует Бочкарев.

Публично-правовая природа антикоррупционного иска — ключевой тезис, с которым нельзя не согласиться. Цель такого иска — не восстановление нарушенного частного права, а защита основ публичного порядка, изъятие незаконно нажитого имущества и обеспечение принципа неотвратимости ответственности. Это, безусловно, не спор двух частных лиц (субъектов гражданских правоотношений) о договоре. Стоит также согласиться с тем, что на обнаружение коррупционных схем могут уйти годы сложнейшей оперативной и следственной работы. Применять к этому процессу общий трехлетний срок, отсчитываемый с момента «нарушения права» (который еще нужно установить), — значит сделать инструмент конфискации практически бесполезным. И это действительно ведет к неоправданной легализации коррупционных активов. Аргумент о том, что коррупция подрывает доверие к власти, основы правопорядка и экономики, — веский довод в пользу отнесения таких исков к требованиям о защите нематериальных благ, на которые исковая давность не распространяется (ст. 208 ГК РФ).

Однако полный отказ от сроков исковой давности (сначала по антикоррупционным искам, а затем и по каким-либо другим) — это путь к произволу. Абсолютная неограниченность во времени для предъявления исков создает угрозу правовой неопределенности, что может привести к злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов. При этом значительно усложняется задача ответчика по сбору доказательств в свою защиту, тем более если имущество сменило несколько добросовестных владельцев.

Принцип правовой определенности является краеугольным камнем правового государства. Он защищает всех участников гражданского оборота (как добросовестных, так и коррупционеров), которые могут вторично приобрести имущество, не зная о его незаконном происхождении. Соответственно, полный отказ от сроков исковой давности может дестабилизировать оборот. Рассмотрение дел 20–30-летней давности сопряжено с высокими рисками утраты доказательств, смерти свидетелей, ликвидации организаций и т.д., что серьезно затрудняет установление объективной истины в суде и повышает риск судебной ошибки.

Между тем принцип правовой определенности и раньше был предметом толкования высших судебных инстанций, в частности при обсуждении приоритета принципа судебной защиты перед принципом правовой определенности, обеспечиваемым институтом исковой давности. И тогда отдавалось предпочтение первому¹⁰: «возражение ответчика о том, что требование истца основано на ничтожной сделке, оценивается судом по существу независимо от истечения срока исковой давности для признания этой сделки недействительной»¹¹.

В частности, удлиненный срок исковой давности может быть 10-, 15- или 20-летним, но не может быть бесконечным. Это даст государству реальное время на раскрытие сложных коррупционных схем, а наличие этого срока в норме закона будет иметь превентивное воздействие на коррупционеров. Выбор такого пролонгированного срока может быть обоснован статистическими данными о средних сроках расследования сложных преступных схем, имеющих зачастую транснациональный характер и требующих международно-правового сотрудничества. Определение особого момента начала течения срока должно быть очевидным для участников оборота. Срок должен исчисляться не с момента нарушения права (что невозможно для скрытых

¹⁰ Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда РФ : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023.

¹¹ См.: абз. 4 п. 71 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

преступлений), а с момента, когда уполномоченный государственный орган обнаружил или должен был обнаружить признаки невозможности законного приобретения имущества. Как верно отмечает С. А. Синицын, закрепление этого особого правового режима на уровне закона позволит устранить пробел в правоприменении и вывести вопросы исковой давности антикоррупционных исков из-под действия положений гл. 12 ГК РФ.

Существует принципиальное противоречие между материально-правовой и процессуальной квалификацией требований, предъявляемых прокурором в защиту интересов государства. С материальной точки зрения интерес государства всегда носит публичный характер, однако процессуально такие иски рассматриваются в порядке традиционного искового производства, предназначенного для разрешения частноправовых споров между равными субъектами. Эта коллизия стала очевидной в свете постановления Конституционного Суда РФ № 49-П: действующее законодательство не содержит специальных правил для рассмотрения дел, где одной стороной является частное лицо, а другой — государство, реализующее публичный интерес.

Проблема применения исковой давности к требованиям прокурора вытекает из предыдущей проблемы. Поскольку иски прокурора рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства, на них в полной мере должны распространяться общие правила об исковой давности. Вместе с тем природа некоторых правонарушений, на которые реагирует прокурор (коррупция, незаконная приватизация), ввиду короткого срока исковой давности снижает эффективность такого инструмента защиты. Отсутствует и нормативная возможность для прокурора заключить мировое соглашение¹².

Исследование правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в определении от

25.02.2025 № 127-КГ24-29-К4¹³, в контексте соотношения принципа правовой определенности и полномочий прокурора по предъявлению исков в защиту публичных интересов позволило выявить существенную проблему, возникающую на стыке частных и публичных начал при разрешении дел данной категории.

Верховный Суд однозначно подтвердил императивный характер действия принципа правовой определенности и института исковой давности в отношении требований, заявляемых прокурором. Несмотря на публично-правовую природу антикоррупционных исков и их направленность на защиту основ правопорядка, Суд указал, что действующее законодательство не содержит изъятий из общих правил о сроке исковой давности для требований имущественного характера, к которым принадлежат иски об истребовании из чужого незаконного владения. Следовательно, ссылка на защиту неимущественных благ не может служить основанием для неприменения давности к виндикационным искам. Главная проблема — игнорирование судами необходимости оценки добросовестности приобретателя. Верховный Суд подчеркнул, что неисследование этого вопроса нарушает баланс между защитой публичного интереса и охраной прав добросовестных участников оборота, которые приобрели имущество, полагаясь на законность выданных государством документов.

Таким образом, позиция Верховного Суда не отрицает значимости борьбы с коррупцией, но акцентирует необходимость ее проведения в строгих процессуальных рамках действующего материального права. Разрешение выявленных противоречий видится не в судебном пересмотре устоявшихся цивилистических доктрин (например, путем использования государством полномочий Конституционного Суда РФ), а в разработке и законодательном закреплении специального правового режима для антикоррупционных исков. Такой режим мог бы пред-

¹² Долгиев А. А. Посредничество в урегулировании гражданско-правовых конфликтов как средство защиты государственных интересов (в деятельности медиаторов и нотариусов) // Нотариальный вестник. 2025. № 8. С. 24–32.

¹³ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25022025-n-127-kg24-29-k4-uid-91rs0014-01-2022-002801-27/>.

усматривать увеличенные сроки давности, исчисляемые с момента обнаружения правонарушения, что позволило бы учесть латентный характер коррупции, одновременно гарантируя соблюдение принципа правовой определенности.

Разрешение отмеченных проблем невозможно на уровне судебного толкования и требует вмешательства законодателя, так как слишком глубоки корни коррупции в экономическом обороте, начиная с момента приватизации объектов государственной собственности, как показывают исследования С. А. Бочкарева¹⁴. Более того, данный автор утверждает, что антикоррупционный иск прокурора не является иском в его классическом понимании, приводя в своих работах целостную концепцию, построенную на разграничении частного и публичного права, подкрепленную анализом судебной практики и ориентированную на обеспечение эффективности государственной антикоррупционной политики через неприменение к ней института исковой давности.

Однако современное процессуальное право в теории и в законодательстве значительно расходится. И, как нами указано выше, необходимо закрепление специального (особого) процессуального режима в рамках гражданского судопроизводства, который бы включал основания приостановления течения и исчисления сроков исковой давности (например, с момента обнаружения нарушения прокурором). Кроме того, потребуется перенос рассмотрения этих дел в плоскость административного судопроизводства, которое изначально было предназначено для разрешения публично-правовых споров. Это позволит учесть специфику спора, неравное положение сторон, презумпцию добросовестности государственного органа, специализацию судей в публично-правовых спорах и правила распределения бремени доказывания.

Таким образом, судебная практика указывает на недопустимость произвольного отказа от применения исковой давности к имуществен-

ным требованиям прокурора на том лишь основании, что они заявлены в защиту публичных интересов. Такой подход нарушает принцип равенства участников гражданского оборота и принцип правовой определенности. Однако эта же практика обнажает серьезный законодательный пробел, так как механизмы судебной защиты не учитывают специфику публично-правовых исков, что ставит государство в заведомо невыгодное положение при защите своих имущественных прав (особенно от правонарушений коррупционного характера).

Позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в постановлении № 49-П, имеет явно незавершенный характер. С одной стороны, Суд обоснованно указывает на публично-правовую природу антикоррупционных исков, а с другой — не решает проблему в общеправовом смысле, а лишь создает точечное изъятие для узкой категории дел (обращение в доход коррупционно нажитого имущества), оставляя без внимания другие нарушения (например, незаконную приватизацию). С учетом современных правовых тенденций прокурорская практика пресечения масштабных правонарушений прошлых лет может получить развитие, к которому процессуальное законодательство будет не готово.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что сложившаяся судебная практика, базирующаяся на формальном толковании норм ГК РФ, обозначила существенный законодательный пробел, разрешение которого требует комплексной реформы законодательства. Ее целью должно стать обеспечение баланса между двумя конституционными ценностями: принципом правовой определенности и стабильности гражданского оборота (защищающим в том числе и добросовестных приобретателей) и обязанностью государства охранять публичную собственность, бороться с коррупцией. Таким решением может стать создание специального процессуального режима для исков в защиту публичных интересов, который предусматри-

¹⁴ Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021. № 2. С. 8–12 ; Он же. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. 2021. № 3. С. 3–8.

вал бы дифференцированные сроки давности и особые правила их исчисления, прямо закрепленные в законе, а также перенос судебной процедуры в административное судопроизводство.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бочкарев С. А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров // Журнал российского права. — 2025. — № 4. — С. 104–121.
2. Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. — 2021. — № 2. — С. 8–12.
3. Бочкарев С. А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. — 2021. — № 3. — С. 3–8.
4. Григорьева Н. Н., Петушков Д. Н. Предмет антикоррупционного иска — денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. — 2021. — № 5. — С. 23–24.
5. Долгиев А. А. Посредничество в урегулировании гражданско-правовых конфликтов как средство защиты государственных интересов (в деятельности медиаторов и нотариусов) // Нотариальный вестник. — 2025. — № 8. — С. 24–32.
6. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2016. — 80 с.
7. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1. — М. : Статут, 2003.
8. Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1. — М. : Статут, 2006.
9. Рогожин С. В. Классификация сроков защиты прав и законных интересов в механизме частноправового регулирования: некоторые тенденции на современном этапе // Российский судья. — 2025. — № 2. — С. 7–10.
10. Синицын С. А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. — 2025. — № 1. — С. 131–140.
11. Суханов Е. А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2019. — № 6. — С. 3–12.
12. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда РФ : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М. : Норма, Инфра-М, 2023. — 384 с.

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bochkarev S. A. Institut iskovoy davnosti kak nesbyvshayasya nadezhda korruptsionerov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2025. — № 4. — S. 104–121.
2. Bochkarev S. A. Korruptsiya vne srokov iskovoy davnosti // Zakonnost. — 2021. — № 2. — S. 8–12.
3. Bochkarev S. A. Subekty grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za korruptsiyu // Zakonnost. — 2021. — № 3. — S. 3–8.
4. Grigoreva N. N., Petushkov D. N. Predmet antikorrupsionnogo iska — denezhnye sredstva, poluchennye v kachestve vzyatki // Zakonnost. — 2021. — № 5. — S. 23–24.
5. Dolgiev A. A. Posrednichestvo v uregulirovanii grazhdansko-pravovykh konfliktov kak sredstvo zashchity gosudarstvennykh interesov (v deyatelnosti mediatorov i notariusov) // Notarialnyy vestnik. — 2025. — № 8. — S. 24–32.
6. Kirillova M. Ya., Krasheninnikov P. V. Sroki v grazhdanskom prave. Iskovaya davnost. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Statut, 2016. — 80 s.

7. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. 1. — M.: Statut, 2003.
8. Novitskiy I. B. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1. — M.: Statut, 2006.
9. Rogozhin S. V. Klassifikatsiya srokov zashchity prav i zakonnykh interesov v mekhanizme chastnopravovogo regulirovaniya: nekotorye tendentsii na sovremennom etape // Rossiyskiy sudya. — 2025. — № 2. — S. 7–10.
10. Sinitsyn S. A. Sroki iskovoy davnosti po antikorrupsionnym iskam ob izyatii imushchestva iz chastnoy sobstvennosti: voprosy pravovoy kvalifikatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2025. — № 1. — S. 131–140.
11. Sukhanov E. A. Grazhdanskiy kodeks v poiske balansa chastnykh i publichnykh interesov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2019. — № 6. — S. 3–12.
12. Khabrieva T. Ya., Kovler A. I., Kurbanov R. A. Doktrinalnye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda RF: monografiya / otv. red. T. Ya. Khabrieva. — M.: Norma, Infra-M, 2023. — 384 s.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 7 (188) июль 2026

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002